

Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
Институт стран Азии и Африки
Кафедра тюркской филологии

Вопросы тюркской филологии

Выпуск XII

**Материалы Дмитриевских чтений,
посвященных памяти
Дмитрия Михайловича Насилова**

Москва
2018

УДК [80:811.512. 1](08)
ББК 80(=63)я431
В74

Вопросы тюркской филологии. Выпуск XII: Материалы Дмитриевских чтений / Отв. ред. М.М. Репенкова, Е.А. Оганова, О.Н. Каменева, С.Н. Воробьева. – М.: ООО «Издательство МБА», 2018. – 303 с. – В надзаг.: Моск. гос. ун-т имени М.В. Ломоносова, Ин-т стран Азии и Африки.

ISBN 978-5-6041231-4-0

*Утверждено к печати Учёным советом
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова*

Рецензенты

Кандидат филологических наук **Н.Н. Телицин**
Кандидат филологических наук **Е.И. Ларионова**

Данный сборник содержит доклады, прочитанные в 2016–2017 гг. на ежегодных Дмитриевских чтениях в Институте стран Азии и Африки МГУ. Книга отражает некоторые ключевые проблемы современной тюркологии и рассчитана на специализирующихся в этой области работников высшей школы, академической науки, аспирантов, студентов и всех тех, кого интересуют актуальные вопросы лингвистической и литературоведческой тюркологии.

ISBN 978-5-6041231-4-0

© Сборник, 2018 г.

© ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, 2018

© Авторы статей, 2018

*Памяти заместителя председателя
Российского комитета тюркологов
при Историко-филологическом отделении
Российской академии наук,
главного редактора журнала «Российская тюркология»,
доктора филологических наук, профессора,
заведующего кафедрой тюркской филологии
Института стран Азии и Африки МГУ
имени М.В. Ломоносова (2013–2017)
Дмитрия Михайловича
НАСИЛОВА*

Предисловие

Двенадцатый выпуск «Вопросов тюркской филологии», осуществленный кафедрой тюркской филологии Института стран Азии и Африки МГУ, содержит статьи, подготовленные на основе докладов, прочитанных на Дмитриевских чтениях 2016 г. и 2017 г. сотрудниками этого института, а также учеными Института языкознания РАН, Института востоковедения РАН, ряда других ведущих тюркологических центров Российской Федерации и зарубежных стран. Дмитриевские чтения 2017 г. были посвящены памяти ученого с мировым именем, выдающегося специалиста-тюрколога нашей страны, доктора филологических наук, профессора, заведующего кафедрой тюркской филологии ИСАА МГУ (2013–2017) Дмитрия Михайловича Насилова. Чтения открылись выступлениями, в которых была высказана высокая оценка его научной и педагогической деятельности, воспроизведены наиболее эмоционально насыщенные для выступавших моменты, связанные со встречами и беседами с этим замечательным человеком. Данный выпуск открывается статьей доцента кафедры тюркской филологии, к.ф.н. Е.А. Огановой, посвященной памяти Д.М. Насилова. Далее, традиционно материалы представлены в двух разделах: тюркологическая лингвистика и тюркологическое литературоведение / культурология.

Проведение кафедрой тюркской филологии ИСАА МГУ в первую пятницу октября ежегодных Дмитриевских чтений с публикацией их материалов превратилось за два с половиной десятилетия в добрую традицию. Инициатива осуществления этого востоковедного форума принадлежала заведующему кафедрой, д.ф.н., профессору Э.А. Груниной, которая 14–15 октября 1993 г. на научной конференции «Фундаментальная и при-

кладная вузовская тюркология: перспективы и направления дальнейшего развития» (ИСАА), приуроченной к 50-летию создания кафедры тюркской филологии в МГУ, выдвинула предложение о преобразовании проводимого мероприятия в ежегодные Дмитриевские чтения – в память об основателе кафедры, чл.-корр. АН СССР Н.К. Дмитриеве (1898–1954). В выступлении Э.А. Груниной отмечалось значение Н.К. Дмитриева для развития отечественной востоковедной науки вообще и университетской тюркологии в частности. Ему, как ученому с энциклопедическим складом ума, впервые в истории российского востоковедения удалось соединить фундаментальность университетского теоретического образования с практическим знанием языков, фольклора и истории разных тюркских народов. Воспринимая тюркологию как высшее звено в парадигме частных тюркских языкознаний, Н.К. Дмитриев призывал одинаково бережно относиться к каждому тюркскому языку (даже к самому «малому»), беречь и развивать научные традиции тюркологов-предшественников.

Предложение Э.А. Груниной было поддержано руководством ИСАА МГУ, что позволило Дмитриевским чтениям прочно укрепиться в научной деятельности института и занять достойное место на международной арене. В этом плане Дмитриевские чтения, расширяющие с каждым годом географию участников, стоят в одном ряду с такими авторитетными тюркологическими конференциями, как Тенишевские чтения (Институт языкознания РАН), Кононовские и Ивановские чтения (Восточный факультет Санкт-Петербургского университета). Невозможно не отметить тот огромный вклад, который был внесен в организацию Дмитриевских чтений и публикацию их материалов проф. Э.А. Груниной и ее преемниками – проф. Ю.В. Щекой, проф. Д.М. Насиловым, заведовавшими кафедрой после скоростижного ухода из жизни Эльвиры Александровны. Так, Ю.В. Щека и Д.М. Насилов много и плодотворно занимались технической организацией Дмитриевских чтений и последующей публикацией материалов конференции в виде сборника научных статей «Вопросы тюркской филологии». В настоящее время молодое поколение кафедры (к.ф.н., доц. Е.А. Оганова, к.ф.н., доц. М.В. Порхомовский, к.ф.н., ст. преп. Т.В. Лосева-Бахтиярова,

преп. А.В. Чиврикова, к.ф.н., переводчик С.Н. Воробьева) подхватило эстафету своих учителей, корифеев российской тюркологии.

Проведение ежегодных Дмитриевских чтений с публикацией их материалов позволяет считать как прикладное (преподавание турецкого и других тюркских языков), так и теоретическое (обеспечение широкой тюркологической подготовки) начало, т.е. воплощать в жизнь замыслы нашего учителя и основателя кафедры тюркской филологии Н.К. Дмитриева. Заветы Н.К. Дмитриева оказываются сегодня весьма актуальными, что нашло и продолжает находить отражение в трудах сотрудников кафедры тюркской филологии: теоретические работы в области лингвистики (труды Э.А. Груниной, Ю.В. Щеки, Д.М. Насилова, М.В. Порхомовского) и литературоведения (труды М.М. Репенковой, Е.А. Огановой, С.Н. Воробьевой) сочетаются с работами в практически-прикладной области (учебники, учебные пособия, практикумы по изучению турецкого и тюркских языков Э.А. Груниной, Ю.В. Щеки, Д.М. Насилова, Е.А. Огановой, С.Н. Воробьевой).

В Дмитриевских чтениях участвуют не только маститые специалисты, но и молодые преподаватели и ученые. Чтения способствуют осмыслению определенных итогов и результатов проделанной научной работы, постановки целей и задач на дальнейшую перспективу. Публикуемые материалы дают возможность познакомиться с отдельными проблемами современной филологической тюркологии. Они рассчитаны на тюркологов, работающих как в ВУЗах, так и в академических институтах, студентов, магистров и аспирантов, на также на широкий круг читателей, интересующихся данной проблематикой.

д.ф.н. М.М. Репенкова

ДМИТРИЙ МИХАЙЛОВИЧ НАСИЛОВ (1935–2017)

26 июня 2017 года ушел из жизни один из ведущих российских тюркологов, уникальный специалист по языкам коренных малочисленных народов России, заведующий кафедрой тюркской филологии Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова (2013–2017), заместитель председателя Российского комитета тюркологов при Историко-филологическом отделении Российской академии наук, главный редактор журнала «Российская тюркология», доктор филологических наук, профессор Дмитрий Михайлович Насилов.

Научно-организационная, учебно-методическая и педагогическая деятельность проф. Насилова была связана с работой в ведущих российских лингвистических центрах: в Институте лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург), где он прошел путь от младшего научного сотрудника до заведующего отделом алтайских языков (1963–1993 гг.), в Институте языков народов России при Министерстве национальностей РФ, в котором он занимал должность заместителя директора по научно-организационной работе (Москва, 1993–1996 гг.), в ИСАА МГУ (с 1996 г.), где он разработал и вел уникальные общетеоретические и теоретические лингвистические курсы. Д.М. Насилов работал также на кафедре узбекского языкознания Самаркандского (Узбекского) государственного университета им. Алишера Навои (1958–1960 гг.), на кафедре теории художественного перевода Московского литературного института им. А.М. Горького (1960–1963 гг.), а также вел лингвистические и востоковедные курсы на кафедре тюркской филологии Санкт-Петербургского государственного университета (1965–1992 гг.), в московском

Институте практического востоковедения, в Институте восточных культур и античности при РГГУ, в течение ряда лет выезжал для чтения лекций на востоковедных факультетах Казанского, Махачкалинского, Самаркандского, Ташкентского, Бишкекского и др. университетов.

Его научные труды по тюркологии и алтайскому языкознанию (всего более 300 работ) широко известны не только в нашей стране, но и за ее пределами.

Защитив в 1964 г. кандидатскую диссертацию по временам глагола в древнеуйгурском языке, Д.М. Насилов вошел в число ведущих специалистов по древнеуйгурскому языку. Д.М. Насилов являлся одним из авторов и четырех редакторов «Древнетюркского словаря» (1969 г.), который до сих пор остается настольной книгой отечественных и зарубежных тюркологов. Он также принял участие и в составлении «Этимологического словаря тюркских языков».

В 1990 г. Д.М. Насилов защитил докторскую диссертацию «Проблемы тюркской аспектологии. Акциональность», чему предшествовала публикация монографии, являющейся и в настоящее время наиболее значимой теоретической работой по проблеме вида в тюркских языках.

Еще одно направление работы Д.М. Насилова – общие проблемы алтаистики – нашло отражение в серии публикаций по истории алтаистических исследований (1975), вопросам алтайской языковой общности (статьи в «Тюркологическом сборнике» 1974, 1975, 1977, 1978) и залоговости в алтайских языках.

Помимо этого, Д.М. Насилов участвовал в коллективных работах типологического направления: «Результатив в узбекском языке» (1983), «Типология итеративных конструкций» (1997), «К типологии уступительных конструкций в узбекском языке» (2003), «Эвиденциальность в тюркских языках» (2007), «Таксис в тюркских языках» (2009) и др.

Значительное место в научных интересах Д.М. Насилова занимали проблемы сравнительно-исторического языкознания, грамматической реконструкции, выполненные на материале исследования отдельных категорий, а также целых подсистем языка: он участвовал в фундаментальной шеститомной работе «Сравни-

тельно-историческая грамматика тюркских языков», созданной тюркологами Института языкознания РАН (2002, 2006).

Наряду с этим Д.М. Насилов уделял большое внимание языкам коренных малочисленных народов России. При его активном участии вышли в свет энциклопедические сборники, посвященные современному состоянию алтайских языков Сибири и Дальнего Востока, в том числе «Красная книга языков Российской Федерации» (2002) и «Государственные и титульные языки России» (2002).

Еще одно направление академической деятельности Д.М. Насилова – создание учебников тюркских языков для стран СНГ. Это, прежде всего, уже ставшие раритетами учебники по азербайджанскому (2009) и узбекскому языкам (2012).

Под руководством проф. Насилова было защищено 8 диссертаций. Ученики и последователи Насилова работают в различных учебных и академических центрах России, странах постсоветского пространства, Турции, Германии и др. Помимо этого, Д.М. Насилов поддерживал многих аспирантов и докторантов учебных заведений по всему миру, безвозмездно консультировал их, выступил оппонентом на защите более 50 диссертаций.

Д.М. Насилов осуществлял огромную общественную работу: помимо упомянутых выше должностей, он был членом редколлегии журналов «Вопросы тюркской филологии» и «Вопросы тюркологии», членом диссертационного совета ИСАА МГУ, членом ученого совета ИСАА, членом экспертной группы по проблемам коренных языков малочисленных народов РФ при Комитете по делам национальностей Государственной Думы РФ, экспертом РГНФ, членом-корреспондентом Турецкого лингвистического общества.

Заслуги Д.М. Насилова в области тюркологии получили признание и за рубежом. Так, 11 июня 2014 г. он был награжден Государственным орденом Турецкой Республики «Лиякат». Орден был вручен в Анкаре лично президентом Турции. 23 мая 2016 года Д.М. Насилов был удостоен Золотой медали Международной тюркской академии (Астана, Казахстан).

Для коллег, многочисленных учеников и последователей Дмитрий Михайлович был не просто блестящим ученым, а чело-

веком с большим сердцем, добрым, чутким, отзывчивым, родным, никому и никогда не отказывающим в помощи – и в академическом, и в бытовом плане. Несмотря на все свои титулы и регалии он был простым и доступным в общении для всех, принимал искреннее участие в наших делах и заботах. Для каждого он находил нужные слова, предлагал решения в, казалось бы, тупиковых ситуациях, по-отчески опекал и поддерживал. После общения с ним у нас надолго оставалось чувство умиротворения, светлой радости, воодушевления. Это был человек, который мог, говоря словами Олджаса Сулейменова, «возвысить степь, не унижая горы».

К нему буквально толпой ходили студенты, магистранты и аспиранты со всех языковых (и не только языковых) кафедр нашего института. Непересыхающим ручейком тянулись они и во время занятий, которые проводил Дмитрий Михайлович, и после них. И насколько я знаю, каждому Дмитрий Михайлович протягивал руку помощи. Вспоминаются даже моменты, когда он консультировал мало знакомых ему ребят по скайпу в ночное время перед экзаменами по общелингвистическим курсам.

Что же говорить о коллегах – близких и далеких. Не было ни одного важного повода в их жизни (юбилей, защита диссертации и др.), на который бы Дмитрий Михайлович не откликнулся теплым словом, поздравительным адресом.

Помнил Дмитрий Михайлович и о своих предшественниках: ему принадлежат публикации о В.В. Радлове, С.Е. Малове, О.Н. Бетлингке, П.М. Мелиоранском и др.

И никто никогда на нашей кафедре не забудет то щемящее чувство, которое мы испытывали, когда каждый год примерно в середине апреля нас встречал на столе кафедры маленький букетик подснежников, собранных лично Дмитрием Михайловичем. А осенью он всегда угощал нас яблоками с собственных яблонь...

Несмотря на тяжелую болезнь, он в течение полугода продолжал ездить на работу из далекого Пушкина, не пропуская ни одного урока, не прерывал своей деятельности по руководству кафедрой, по-прежнему старался шутить и смеяться – пример мужества и преданности делу, которому он посвятил всю свою жизнь. В перерыве между лекциями в ИСАА успевал еще наве-

дываться в столь любимый им Институт языкознания, с сотрудниками которого его связывали не только научные, но и теплые личные отношения. Видимо, предчувствуя плохое, к концу жизни он особо беспокоился о судьбе кафедры, собирая последние силы, наставлял наших студентов-тюркологов, придумывал темы для будущих курсовых работ и магистерских диссертаций, устно наговаривал план их написания...

Вспоминая все годы, месяцы, часы и минуты общения с Дмитрием Михайловичем, мы понимаем, насколько он обогатил нас в духовном и в научном плане. А сколько еще он мог бы нам рассказать, скольким еще поделиться!

Сейчас нам остается лишь бережно хранить и приумножать те знания, тот бесценный человеческий опыт, который передал нам наш Учитель. Надеюсь, мы Вас не подведем, дорогой Дмитрий Михайлович!

Е.А. Оганова

СПИСОК ОСНОВНЫХ НАУЧНЫХ ТРУДОВ Д.М. НАСИЛОВА¹

Монографии, коллективные монографии, учебные пособия

1. Структура времён индикатива в древнеуйгурском языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1963.
2. Древнетюркский словарь: словарные статьи, редактор / Коллектив авторов и редакторов. – Л., 1969.
3. Проблемы тюркской аспектологии: Акциональность. – Л.: Наука ЛО, 1989. – 208 с.
4. Проблемы тюркской аспектологии: Акциональность / Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. – М., 1989. – 32 с.
5. Expression of situational plurality in Turkic languages // Typology of Iterative Constructions. / Соавторы Х.Ф. Исхакова, В.И. Рассадин. – München, 1997.
6. Imperative sentences in Turkic languages // Typology of imperative sentences. / Соавторы И.А. Невская, Х.Ф. Исхакова, Ш. Сафаров. – München: Lincom Press, 2001. С. 181–220.
7. Концепция модели этнической школы для коренных малочисленных народов Севера РФ / Коллектив авторов. – М., 2001.
8. Карлукско-уйгурская группа: Фонетика. Глагол // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции. – М., 2002. – С. 339–418.
9. Репресированная тюркология / Соавторы Ф.Д. Ашнин, В.М. Алпатов. – М., 2002.
10. Национальная школа: направления совершенствования структуры и содержания образования // Федеральная программа развития образования / Коллектив авторов-составителей. – М., 2003.

¹ Редакторы выражают искреннюю благодарность А.А. Бурькину, оказавшему помощь в составлении данного раздела.

11. Словарные статьи: *Л, М, Н, П* // Этимологический словарь тюркских языков / Коллектив авторов. – М., 2003.
12. Уступительные конструкции в тюркских языках // Типология уступительных конструкций / Соавторы И.А. Невская, Х.Ф. Исхакова. – СПб: Наука, 2004. – С. 425–452.
13. Программа лингвистического курса «Древнетюркские языки» // Программы курса турецкого языка и теоретических курсов / сост. Ю.В. Щека. – М.: ИСАА МГУ, 2005. – С. 51–54 (114 с.)
14. Программа спецкурса «Основы тюркской семантики» // Программы курса турецкого языка и теоретических курсов / сост. Ю.В. Щека. – М.: ИСАА МГУ, 2005. – С. 55–63. (114 с.)
15. К реконструкции деривационных категорий глагола // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данному языку / Отв. ред. А.В. Дыбо, Э.Р. Тенишев. – М.: Наука, 2006. – С. 268–325. (908 с.)
16. Эвиденциальность в тюркских языках // Эвиденциальность в языках Европы и Азии / Соавторы И.А. Невская, И.В. Шенцова, Х.Ф. Исхакова. – СПб.: Наука, 2007. – С. 469–518.
17. Примерная образовательная программа по тюркским языкам для русскоязычных учащихся (1–4 классы) // Примерные программы для начального общего образования в условиях двуязычной образовательной среды / Соавторы Андреева И.В., Тудвасева З.К. – М.: ИНПО, 2008. – С. 77–100.
18. Турецкий язык. 5 класс. Учебное пособие для учащихся общеобразовательных учреждений / Соавторы Л.Н. Дудина, Л. Нагиева – М., Маггеррамов И.А. – М.: Вентана-Граф, 2008. – 158 с.
19. Учебник азербайджанского языка для стран СНГ. – М.: Восточная литература, 2009 / Соавтор Л.Г. Исмаилова. – 261 с.
20. Филологическое образование на начальном этапе обучения в двуязычной образовательной среде: монография / Соавторы И.В. Андреева, З.К. Тудвасева, К.Н. Бичелдей, П.П. Дамбуева и др. – М.: ИНПО, 2009. – 376 с.
21. Таксис в тюркских языках // Типология таксисных конструкций / Соавторы И.А. Невская, Х.Ф. Исхакова. – М.: Знак, 2009. – С. 750–802.
22. Concessive constructions in Turkic Languages // Typology of Concessive Constructions. LINCOM Studies in Theoretical Linguistics 50. Lincom: Europe / Соавторы И.А. Невская, Х.Ф. Исхакова. – München, 2012. – С. 387–412.

23. Учебник узбекского языка / Ин-т стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова; соавтор Х.С. Мухитдинова. – М.: Вост. лит., 2012. – 391 с.
24. Образовательная программа высшего профессионального образования учебной дисциплины «Узбекский язык» («Uzbek Language») // Программы лингвистических учебных дисциплин. – М.: ИСАА, 2012. – С. 96–116.

Статьи, сообщения, персоналии

25. Заметки о передаче некоторых особенностей стиля А.П. Чехова в узбекских переводах // Труды УзГУ. Новая серия. – Самарканд, 1960. № 100.
26. К вопросу о перифрастических формах глагола в древнетюркских языках // Вопросы языкознания. – М., 1960, № 3. – С. 93–97.
27. О I фразеологической конференции // Вопросы языкознания / Соавтор Л.И. Ройзензон. – М., 1960, № 2.
28. О категории деепричастий в енисейско-орхонских памятниках // Вопросы узбекского языка и литературы. – Ташкент, 1961, № 3 (на узб. яз.)
29. О некоторых сложных глагольных формах в древнетюркских языках // Труды СамГУ. Новая серия. – Самарканд, 1961, № 102.
30. К вопросу о модальных словах *ārīnč*, *ārki* и *ārkan* в древнетюркских языках // Труды СамГУ. Новая серия. – Самарканд, 1961, № 102.
31. О конференции по тюркскому глаголу (г. Баку) // Вопросы языкознания. – М., 1962, № 5.
32. Перевод с тувинского: *Саган-оол*. Товарищи. В тайге // Пробуждение / Соавтор А. Темир. – Кызыл, 1962.
33. Аналитические формы глагола с *ārūr* и *ārmiş* в древнетюркских языках // Труды СамГУ. Новая серия. – Самарканд, 1963, № 129.
34. О надписи на скале Хая-Ужу // Учёные записки Тувинского НИИЯЛИ / Соавтор З.Б. Арагачи. – Кызыл, 1963, № 10.
35. О некоторых памятниках Минусинского музея // Народы Азии и Африки. – М., 1963, № 6.
36. Формы будущего времени в древнеуйгурском языке // Труды СамГУ. Новая серия. – Самарканд, 1966, № 139.

37. Несколько замечаний о модальных частицах *ирги* и *иргин* // Учёные записки Тувинского НИИЯЛИ. – Кызыл, 1964, № 11.
38. Прошедшее время на *-juq/-jÿk* в древнеуйгурском языке // Тюркологический сборник. – М., 1966.
39. Изучение памятников древнеуйгурского языка в отечественном востоковедении // Филология и история тюркских народов. – Л., 1967.
40. Выступление на совещании // Вопросы категорий времени и наклонения. – Баку, 1968.
41. Вторая тюркологическая конференция в Ленинграде // Народы Азии и Африки / Соавторы В.Г. Гузев, Н.А. Дулина. – М., 1969, № 2.
42. О первой алтаистической конференции // Вопросы языкознания. – М., 1969, № 6.
43. Изучение памятников древнеуйгурского языка в отечественном востоковедении // Тюркологический сборник. – М., 1970.
44. О нулевых формах тюркского имени существительного // Письменные памятники и проблемы культуры / Соавтор В.Г. Гузев. – Л., 1970.
45. Применение принципа деривации к описанию синтаксических структур предложения в тюркских языках // Советская тюркология / Соавтор В.С. Храковский. – Баку, 1970, № 5. – С. 25–35.
46. О способах выражения видовых значений в алтайских языках // Проблема общности алтайских языков. – Л., 1971. – С. 366–376.
47. Типологические сопоставления в рамках сравнительно-исторического изучения отдельных грамматических категорий в тюркских языках // Советская тюркология. – Баку, 1971, № 2. – С. 59–66.
48. Конкретно-предметные значения тюркского имени существительного как зона релевантности категорий числа и определенности-неопределенности // Советская тюркология / Соавтор В.Г. Гузев. – Баку, 1971, № 5. – С. 21–25.
49. В.В. Радлов и изучение древнеуйгурских памятников // Тюркологический сборник. 1971. – М., 1972.
50. О соотношении типов изафета в турецком языке // Письменные памятники и проблемы культуры / Соавтор В.Г. Гузев. – Л., 1972.
51. Первые опыты обратных словарей // Советская тюркология. – Баку, 1972, № 4.

52. За научное глубокое изучение древнетюркских рунических памятников. Письмо в редакцию // Советская тюркология / Соавтор И.В. Кормушин. – Баку, 1972, № 5. – С. 139–142.
53. О пассивной деривации в узбекском языке // Советская тюркология / Соавтор В.С. Храковский. – Баку, 1972, № 6. – С. 40–49.
54. О лингвистическом изучении памятников тюркской письменности // Тюркологический сборник. 1972. – М., 1973.
55. Некоторые замечания к прочтению енисейских памятников // Письменные памятники Востока. 1971. – М., 1974
56. А.Н. Самойлович о классификации тюркских языков // Советская тюркология. – Баку, 1973, № 5. – С. 76–83.
57. Публикация и комментарий: *А.Н. Самойлович*. Общий взгляд на возникновение и развитие мусульманско-турецких литературных языков в связи с разговорными наречиями // Советская тюркология. – Баку, 1973, № 5. – С. 105–110.
58. VI Тюркологическая конференция в Ленинграде // Советская тюркология / Соавторы В.Г. Гузев, Л.Ю. Тугушева, Н.А. Дулина и др. – Баку, 1973, № 5. – С. 128–135.
59. Пассив в тувинском языке // Советская тюркология / Соавтор Н.И. Летягина. – Баку, 1974, № 1. – С. 13–24.
60. О симпозиуме по исторической фонетике // Вопросы языкознания / Соавтор И.В. Кормушин. – М., 1974, № 6.
61. В. Котвич о способах действия в алтайских языках // Проблемы алтаистики и монголоведения. 2. – М., 1975.
62. К интерпретации вспомогательных глаголов // *Bilimsel Bildiriler*. – Анкара, 1975. (на нем. языке).
63. К интерпретации именной категории числа в тюркских языках // Вопросы языкознания / Соавтор В.Г. Гузев. – М., 1975, № 3. – С. 98–111.
64. VII Тюркологическая конференция в Ленинграде // Советская тюркология / Соавторы В.Г. Гузев, Н.А. Дулина, Т.И. Султанов и др. – Баку, 1975, № 5. – С. 107–117.
65. Конструкции *-a + турур* в древнеуйгурском языке // Сибирский тюркологический сборник. – Новосибирск, 1976. – С. 42–48.
66. Ещё раз о виде в тюркских языках // *Turcologica*. – Л., 1976. – С. 111–120.
67. Памятники древнетюркской письменности (орхоно-енисейские и древнеуйгурские) в отечественных тюркологических исследованиях последних лет (обзор лингвистических публикаций) // Советская тюркология. – Баку, 1976, № 1. – С. 82–101.

68. К истории вспомогательных глаголов в тюркских языках // Тюркологические исследования. – М., 1976. – С. 158–167.
69. Памятники древнеуйгурского языка как объект исторической грамматики // Советская тюркология и развитие тюркских языков. – Алма-Ата. 1976.
70. А.Н. Кононов // Филологические науки. – М., 1976, № 4.
71. Из истории алтаистики (статья первая) // Советская тюркология. – Баку, 1977, № 3. – С. 77–93.
72. О Всесоюзной тюркологической конференции в Алма-Ате 1976 г. // Вопросы языкознания / Соавторы И.В. Кормушин и др. – М., 1977, № 4.
73. В.В. Радлов и проблемы алтаистики // Советская тюркология. – Баку, 1978, № 1. – С. 96–102.
74. Об алтайской языковой общности // Тюркологический сборник, 1974. – М., 1978.
75. О жизни и творчестве С.Е. Малова // Тюркологический сборник, 1975 / Соавтор И.В. Кормушин. – М., 1978.
76. К проблеме тождества аффиксов в алтайских языках // Тюркологический сборник, 1975. – М., 1978.
77. Формы выражения способов глагольного действия в алтайских языках // Очерки сравнительной морфологии алтайских языков. – Л., 1978. – С. 88–177.
78. К типологии выражения характера протекания действия в урало-алтайских языках // Финно-угорские народы и Восток. УЗ ТГУ. – Тарту, 1978, № 455.
79. Взгляды акад. Видемана и проф. Веске на урало-алтайскую проблему // Финно-угорские народы и Восток. УЗ ТГУ. – Тарту, 1978, № 455.
80. Из истории алтаистики (статья третья) // Советская тюркология. – Баку, 1979, № 4. – С.94–100.
81. К прочтению абаканского памятника // Средневековый Восток / Соавтор Д.Д. Васильев. – М., 1980.
82. Алтаистика XIX в. // Тюркологический сборник. 1977. – М., 1981.
83. Тюркский *-a* как показатель способа действия на фоне других алтайских языков // Тюркологический сборник. 1977. – М., 1981.
84. Лингвистические взгляды Алишера Навои // История лингвистических учений. – Л., 1981.
85. Словоизменяемые категории в тюркских языках и понятие «грамматическая категория» // Советская тюркология / Соавтор В.Г. Гузев. – Баку, 1981, № 3. – С. 22–35.

86. О.Н. Бётлингк как компаритивист-тюрколог // Советская тюркология. – Баку, 1982, № 4. – С. 52–66.
87. Стаив и перфект пассива в узбекском языке // Типология результативных конструкций. – Л., 1983. – С. 118–123.
88. Конструкции с модальными словами *экан* и *эмиш* в узбекском языке // Категории глагола и структура предложения. – Л., 1983.
89. Фаза прекращения процесса в узбекском языке // Советская тюркология / Соавтор Б.Х. Ризаев. – Баку, 1983, № 4. – С. 79–91.
90. Аспектуальные значения аналитических образований и разряды глагольной лексики в узбекском языке // Теория грамматического значения и аспектологические исследования. – Л., 1984. – С. 128–165.
91. О грамматическом статусе некоторых сложновербальных конструкций // Востоковедение. 9. – Л., 1984.
92. Теоретические взгляды тюркологов О.Н. Бётлингк и В.В. Радлова // Грамматические концепции в языкознании XIX века. – Л., 1985.
93. Конструкции с модусными значениями в узбекском языке // Типология конструкций с предикатными актантами. – Л., 1985.
94. Морфосемантическая этимология – ведущий принцип построения «Этимологического словаря тюркских языков» // Теория и практика этимологических исследований. – М., 1985.
95. Уровни семантической абстракции и соотношение языковой и внеязыковой семантики в функциональной грамматике // Проблемы функциональной грамматики. – М., 1985. – С. 120–131.
96. К характеристике количественной аспектуальности в узбекском языке // Советская тюркология. – Баку, 1985, № 1. – С. 64–70.
97. К соотношению объективной действительности, логики и языка // Логика и язык. Сборник научных трудов / Соавтор О.В. Маслиева. – М., 1985.
98. К понятию грамматической категории (в свете фактов тюркской морфологии) // Тюркское языкознание / Соавтор В.Г. Гувез. – Ташкент, 1985.
99. Некоторые вопросы изучения видовременной системы в урало-алтайских языках // Урало-алтаистика: Археология. Этнография. Язык. – Новосибирск, 1985. – С. 188–193.
100. Предисловие // Зарубежная тюркология. Вып. 1 / Соавтор С.Г. Кляшторный. – М., 1986.

101. К соотношению лексических и грамматических значений в тюркских языках // *Turcologica*. 1986. – Л., 1986.
102. Качественная аспектуальность в тюркских языках // *Востоковедение*. Вып. 12. Филологические исследования – Л., 1986. – С. 53–59.
103. Акциональные группы узбекских глаголов // *Востоковедение*. 13. – Л., 1987.
104. О грамматической интерпретации бивербальных конструкций // *Советская тюркология*. – Баку, 1987, № 3. – С. 10–12.
105. Включать ли в древнетюркский этимологический словарь иранские и арабские заимствования? // *Теория и практика этимологических исследований* / Соавтор Л.С. Левитская. – М., 1988.
106. Некоторые проблемы тюркской диахронической морфологии и языковые особенности древнетюркских памятников // *Советская тюркология*. – Баку, 1988, № 2. – С. 70–74.
107. К деривационной истории тюркского аффикса *-i* // *Исследования по уйгурскому языку*. – Алма-ата, 1988.
108. Г.С. Садвакасов (некролог) // *Восток* / Соавтор А.М. Решетов. – М., 1992, № 4.
109. Заки Валиди и поэма «Кутадгу билиг» // *Востоковедение в Башкортостане*. История. Культура. 11. – Уфа, 1992.
110. Телутово язык // *Красная книга языков народов России*. – М., 1994.
111. Тувинцев-тоджинцев язык // *Красная книга языков народов России*. – М., 1994.
112. Челканцев язык // *Красная книга языков народов России*. – М., 1994.
113. Чулымский язык // *Красная книга языков народов России*. – М., 1994.
114. Шорский язык // *Красная книга языков народов России* / Соавтор И.В. Шенцова. – М., 1994.
115. Алтайский язык // *Государственные языки Российской Федерации: Словарь*. – М., 1995.
116. Тувинский язык // *Государственные языки Российской Федерации: Словарь* / Соавтор Д.А. Монгуш. – М., 1995.
117. Хакасский язык // *Государственные языки Российской Федерации: Словарь* / Соавтор В.Г. Карпов. – М., 1995.
118. Вводные замечания: Алтайские языки // *Контактологический словарь*. – М., 1995.

119. О госпрограмме РФ по сохранению языков // Национальная школа / Соавторы В.П. Нерознак, М.В. Орешкина. – М., 1995.
120. О двух подходах к контрастивной грамматике тюркских языков // Вопросы тюркской филологии. Вып. III. – М., 1997.
121. Предисловие // Малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока. – СПб., 1997.
122. Языки малочисленных народов Севера // Малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока / Соавторы Н.Я. Булатова, Н.Б. Вахтин. – СПб., 1997.
123. Концепция тюркского языкового типа в трудах Н.А. Баскакова // 90 лет Н.А. Баскакову: сборник. – М., 1997.
124. Sibirya türk halkları (etnik azınlıklar) ve dilleri: Sibirya Araştırmaları. – İstanbul, 1997.
125. К квантитативной характеристике ряда глагольных признаков в турецком языке // Типология. Грамматика. Семантика. – СПб., 1998.
126. In memory of N.A. Baskakov // *Turkic languages*. Vol. 2, No. 2. – Wiesbaden. 1998.
127. Урало-алтайская проблема в трудах Н.С. Трубецкого // Ежегодные международные чтения памяти кн. Н.С. Трубецкого. – М., 1999. – С. 51–53.
128. О роли древних контактов в истории современных уйгурского и узбекского языков // Проблемы лингвистической контактологии. – М., 1999.
129. Ранние хакасско-русские языковые связи // Проблемы лингвистической контактологии / Соавтор В.Г. Карпов. – М., 1999.
130. Корреляционная система глагольных признаков в турецком языке // Корреляционная типология. – Смоленск, 1999.
131. Значение эвиденциальности в узбекском языке // RES. Лингвистика. – М., 1999.
132. К понятию «функция» в функциональной грамматике // Вопросы тюркской филологии. Вып. IV. – М., 1999.
133. О близости турецкого и японского языков по квантитативным параметрам // Проблемы сравнительной лингво-культурологии. – М., 2000.
134. К соотношению «лексическое значение глагола – залог» // Язык. Глагол. Предложение. – Смоленск, 2000.
135. Заметка о форме на *-калак* в шорском языке // Чтения памяти Э.Ф. Чиспиякова. Часть 2. – Новокузнецк, 2000.

136. «Значение» и «функция» в функциональной грамматике А.В. Бондарко // Исследования по языкознанию. – СПб., 2001.
137. Языковой строй в трудах Е.Д. Поливанова // Е.Д. Поливанов и его идеи в современном освещении. – Смоленск, 2001.
138. Учебник родного языка в Концепции реформирования северной школы // Учебник XXI в. – СПб., 2001.
139. Государственные и родные языки в субъектах РФ и сохранение единого образовательного пространства // Полилог. – М., 2001.
140. Протоиерей Пётр Соловьёв // Евстафий. Исторический альманах. – Зарайск, 2001.
141. Телеутов язык // Языки народов России. Красная книга. – М., 2002.
142. Челканцев язык // Языки народов России. Красная книга. – М., 2002.
143. Чулымский язык // Языки народов России. Красная книга. – М., 2002.
144. Шорский язык // Языки народов России. Красная книга. – М., 2002.
145. Тувинцев-тоджинцев язык // Языки народов России. Красная книга. – М., 2002.
146. Алтайский язык // Государственные и титульные языки России. – М., 2002.
147. Тувинский язык // Государственные и титульные языки России / Соавторы Д.А. Монгуш, О.А. Бичелдей. – М., 2002.
148. Хакасский язык // Государственные и титульные языки России / Соавтор В.Г. Карпов. – М., 2002.
149. Сложение тюркской языковой общности и процессы её членения в свете идей Н.С. Трубецкого // Вавилонская башня: сб. статей. – М., 2002.
150. От издательства // *А.Н. Самойлович*. Краткая учебная грамматика османско-турецкого языка / Соавтор Г.Ф. Благова. – М., 2002.
151. Проблемы плюрализма целей образования в полиэтническом образовательном пространстве России // Образование на Севере. Роль национально-регионального компонента в сохранении единства образовательного пространства России / Материалы научно-практической конференции. – М., 2002.
152. Проблемы современной тюркологии // Дешт-и Кипчак и Золотая Орда в становлении культуры евразийских народов. Материалы конференции 10–11 апреля 2003 г. – М., 2003.

153. Проблемы и перспективы развития школьного учебника по родным языкам народов России // Региональный учебник XXI века. – Якутск, 2003. – С. 21–35.
154. Зарайск и Средняя Азия: у истоков производственной терминологии // Евстафий. Исторический альманах. – Зарайск, 2003, № 2. – С. 154–161.
155. Задачи и проблемы составления типовых программ «Родной язык» по языковым группам // Сборник материалов по подпрограмме «Научное и научно-методическое обеспечение функционирования и развития системы образования / Коллектив авторов. Часть 1. – М., 2003. – С. 7–24.
156. Хакасско-русские языковые связи // Вавилонская башня 2: сб. статей / соавтор В.Г. Карпов. – М., 2003. – С. 28–45.
157. К типологии уступительных конструкций в узбекском языке // Вопросы тюркской филологии. Вып. V. – М., 2003.
158. К статусу «всеобщего формоизменения» в исторической грамматике // Языки Евразии: материалы конференции. – Уфа, 2003. – С.27–30.
159. О роли глагольных имён в истории тюркских языков // Вавилонская башня-3: сб. статей. – М., 2004. – С. 54–63.
160. Тенденции латинизации алфавитов в странах СНГ и ближайшего зарубежья // Полилог. – М., 2004, № 2. – С. 75–82.
161. Формирование единого (общего) образовательного пространства в аспекте функционального развития тюркских языков // Проблемы и перспективы сотрудничества государств-участников СНГ в формировании единого (общего) образовательного пространства. Труды конференции. – М., 2004.
162. Особенности учебника родного языка для коренных народов Севера // Полилог, М.: МГЛУ, 2004, № 3. – С. 133–137.
163. A.N. Samoyloviç ve türk dillerinin sınıflandırması // Manas üniversitesi sosyal bilimler dergisi: Türkoloji özel sayısı. II. Kitap. Sayı: 11. – Bişkek, 2004. – С. 37–43.
164. S.E. Malov'un hayatı ve bilimsel çalışmaları hakkında // Manas üniversitesi sosyal bilimler dergisi: Türkoloji özel sayısı. I. Kitap. Sayı: 11 / Соавтор И.В. Кормушин. – Bişkek, 2004. – С. 225–230.
165. Теоретические взгляды О.Н. Бётлингк // О.Н. Бётлингк и тюркское языкознание: Сб. научн. статей / Отв. ред. П.А. Слепцов. – Якутск: Изд-во СО РАН. Якут. Филиал, 2005. – С. 5–30.
166. Национальная школа в общероссийском образовательном пространстве // Диалог культур: русско-татарские взаимосвязи /

- Материалы научн.-практич. семинара Всероссийской конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие» VI Кирилло-Мефодиевских Чтений. 17 мая 2005. – М.–Ярославль: Ремдер, 2005. – С. 27–31.
167. In memory of Edham Rahimovič Tenišev (1921–2004) // *Turkic Languages* / Ed. by L. Johanson. Wiesbaden: Harrassowitz Vrlg., 2005, V. 9, N 2 / Соавтор К.Н. Бичелдей. – С. 163–167.
168. Глагольные имена в ранней истории тюркских языков // *Вестник Вост. ин-та экономики, гуманитарных наук, управления и права. Научный ж-л. Спец. выпуск: Мир Востока. Ч. 2.* – Уфа: Изд-во «Восточный ун-т», 2006. – С. 34–41.
169. Акциональность в алтайских языках: типология и «детерминанта» // *Вопросы тюркской филологии. Вып. VI: материалы Дмитриевских чтений* / Отв. ред. Ю.В. Щека. – М.: Акад. гуманитар. исследований, 2006. – С. 80–90.
170. Выдающийся ученый-тюрколог (К 85-летию со дня рождения чл.-корр. РАН, почетн. акад. АН РБ Э.Р. Тенишева) // *Вестник АН РБ.* – Уфа, Т. 11, № 2, 2006. – С. 62–65.
171. «Диван» Махмуда Кашгарского и сравнительно-историческая грамматика тюркских языков // *Аспекты алтайского языкознания: материалы Тенишевских чтений* / Отв. ред. М.Е. Алексеев. – М.: Советский писатель, 2007. – С. 132–140.
172. Люди и природа в зеркале алтайских языков // *Basileus: сб. статей, посвященный 60-летию Д.Д. Васильева* / сост. и отв. ред. И.В. Зайцев. – М.: Вост. лит., 2007. – С. 240–245.
173. Как нам быть с *ärinç*? // *Тюркологический сборник. 2006* / ред. кол. С.Г. Кляшторный (пред.), Т.И. Султанов, В.В. Трепавлов. – М.: Вост. лит., 2007. – С. 235–245.
174. Языки коренных малочисленных народов Севера в свете Концепции национальной образовательной политики Российской Федерации // *Реальность этноса. Педагогическое образование как важнейший фактор сохранения и развития культуры северных народов: Материалы IX Международной научно-практич. конференции* / Под научн. ред. И.Л. Набока. – Санкт-Петербург, 27–29 марта 2007 г. – СПб.: Астерион, 2007. – С. 21–26.
175. Тюркология наших дней // *Россия и Башкортостан: История отношений, состояние и перспективы. Материалы Международной научно-практич. конференции, посвященной 450-летию добровольного вхождения Башкирии в состав России.* Уфа, 5-6 июля 2007. – Уфа: Гилем, 2007. – С. 209–211.

176. Проблемы и перспективы двуязычия в дошкольных образовательных учреждениях // Русский язык в образовательном пространстве Центральноазиатского региона СНГ. – Бишкек: КРСУ. 2007. – С. 42–45.
177. О форме на *-дык* в «Диване» Махмуда Кашгарского // Первый международный симпозиум по Махмуду Кашгарскому: доклады. – Лефкоша, 2008. – С. 69–72. (на турец. яз.)
178. Проектирование содержания и структуры примерных программ по родным языкам // Примерные программы для начального общего образования в условиях двуязычной образовательной среды / Соавторы И.В. Андреева, З.К. Тудвасева. – М.: ИНПО, 2008. – С. 51–58.
179. Лингвистическая мысль // Очерки истории исламской цивилизации. Т. 1. / Соавторы И.Г. Добродомов, А.И. Чайковская. – М.: РОССПЭН, 2008. – С. 254–292.
180. Obituary Ščerbak // *Turkic languages* / Соавтор И.А. Невская. – 2008, Volume 12, Number 2. – С. 155–160.
181. Памяти А.М. Шербака (1926–2008) // Российская тюркология / Соавтор И.А. Невская. – М. – Казань, 2009. – С. 112–115.
182. Кыпчаки в «Диване» Махмуда Кашгарского // Тюркологический сборник. 2007–2008. – М.: Восточная литература, 2009. – С. 284–293.
183. Некоторые рецессивные формы в карлукско-уйгурской временной парадигме // Сравнительно-историческое языкознание. Алтаистика. Тюркология: материалы конференции. – М.: Тезаурус, 2009. – С. 179–181.
184. Российская тюркология наших дней // Российская тюркология. – М. – Казань, 2009, № 1. – С. 3–7.
185. Туркий тилларда нисбат категориясининг семантик яруслари // Филология масалалари. – Тошкент, 2009, № 1. – С. 34–39.
186. Г.П. Мельников и проблемы тюркологии // Российская тюркология / Соавтор В.Г. Гузев. – М., 2010, № 2. – С. 35–44 .
187. In memoriam Vladimir P. Nedjalkov // *Turkic languages* / Соавтор И.А. Невская. – Volume 14, Number 2. – С. 7–13.
188. К историко-лингвистической интерпретации древнетюркских текстов // Российская тюркология. – М. – Казань, 2010, № 3. – С. 18–23.
189. Махмуд Кашгарский о языковых контактах народов Центральной Азии и Малой Азии // Ломоносовские чтения. Востокове-

- дение. Москва, 14 ноября 2011 г. / МГУ им. М.В. Ломоносова, Ин-т стран Азии и Африки. – М. – С. 184–186.
190. Программный труд академика Д.Г. Тумашевой // Диалектология, история и грамматическая структура тюркских языков. Сборник материалов международной тюркологической конференции. 21–24 октября 2011 г. – Казань, 2011. – С. 9–12.
191. К публикации грамматики Иеронима Мегизера // Иероним Мегизер. Основы тюркского языка. – Казань: Магариф-Вақыт, 2012. – С. 5–9.
- 192–196. Персоналии: Э.А. Грунина, А.А. Чеченов, И.Г. Добродомов, А. Рона-Таш, Л. Юхансон // Российская тюркология / Соавторы А.В. Дыбо, И.В. Кормушин, Н.Н. Егоров, И.А. Невская. – М.–Казань, 2012, № 1(6). – С. 163–189.
197. Rusya Federasyonu'nda Dil Mevzuatı // Erhan Sovyetler Birliği'nin Dağılmasından Yirmi Yıl Sonra Rusya Federasyonu. Türk Dilli Halklar – Türkiye İle İlişkiler / Büyükakıncı & Eyüp Bacanlı (eds.). – Ankara: Atatürk Kültür Merkezi Yayınları, 2012. – S. 69–106.
198. Пять языков у Махмуда Кашгарского // Тюркологический сборник. 2011–2012: Политическая и этнокультурная история тюркских народов и государств. – М.: Вост. лит.-ра, 2013. – С. 285–310.
199. К сопоставлению глагольных форм в рунических текстах // Тюркская руника: язык, история, культура (К 120-летию дешифровки орхоно-енисейской письменности). Ч. 1: Материалы Международной научной конференции (г. Кызыл, 10–11 июля 2013 г.). – Абакан: Хакасское кн. изд-во, 2013. – С. 25–27.
200. О функционально-стилистическом статусе языка «Дивана» Махмуда Кашгарского // Международный тюркологический симпозиум, посвященный памяти выдающегося тюрколога д.ф.н., проф., акад. РАН Э.Р. Тенишева (16–19 октября 2013 г.): сборник статей. – Казань: ГБУ «Республиканский центр мониторинга качества образования», 2013. – С. 70–73.
201. Ю.В. Щека // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность / Соавтор Е.А. Оганова. – М., 2013, № 5. – С. 205–209.
202. Законодательная база языковой политики в Российской Федерации // Tehlikedeki diller dergisi: Türk dilleri / Journal of endangered languages: Turkic languages, Cilt 2, sayı 2 (2013), Ankara. – S. 26–47. – URL: <http://www.dergi.tehlikedekidiller.com/index.php/TDD/issue>

203. Международная научная конференция «Рукописи – первичный источник изучения национального наследия // Вестник МГУ. Сер. 13: Востоковедение. – М., 2013, № 2. – С. 90–91.
204. Ю.В. Щека // Вестник МГУ. Сер. 13: Востоковедение / Соавтор Е.А. Оганова. – М., 2013, № 2. – С.92–96.
205. Индивидуально-личностное развитие школьников коренных малочисленных народов Севера // Педагогические науки / Соавтор А.Л. Бугаева. – 2014, № 3. – С. 11.
206. Повышение квалификации учителей в северных регионах России // Среднее профессиональное образование / Соавтор А.Л. Бугаева. – 2014, № 10. – С. 14–18.
207. К теоретическому обоснованию сопоставительного изучения языков // Сохранение и развитие родных языков в условиях многонационального государства: проблемы и перспективы. Материалы 5 Международной научно-практической конференции – Казань: Отечество, 2014. – С. 214–216.
208. Блестящий знаток турецкого языка и многогранный ученый Ю.В. Щека // Вопросы тюркской филологии: Материалы Дмитриевских чтений / Соавтор Е.А. Оганова. – М.: ИСАА, 2014, № 10. – С. 322–332.

Тезисы

209. О способах выражения видовых значений в алтайских языках // Проблема общности алтайских языков: тезисы. – Л., 1969.
210. Применение принципа деривации к описанию синтаксических структур предложения // Статистическое и информационное изучение тюркских языков: тезисы / Соавтор В.С. Храковский. – Алма-Ата, 1969.
211. В. Котвич о способах действия в алтайских языках // Проблемы алтаистики и монголоведения: тезисы. – Элиста, 1972.
212. К типологии выражения характера протекания действия // Финно-угорские народы и Восток: тезисы. – Тарту, 1975.
213. Взгляды акад. Видемана и проф. Веске на урало-алтайскую проблему // Финно-угорские народы и Восток: тезисы. – Тарту, 1975.
214. К проблеме идентификации аффиксов // Происхождение аборигенов Сибири: тезисы. –Томск, 1976.

215. Некоторые проблемы алтаистики в связи с проблемами этногенеза народов Сибири // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири: тезисы. – Омск, 1979.
216. К понятию грамматической категории: тезисы докладов на III Всесоюзной тюркологической конференции / Соавтор В.Г. Гузев. – Ташкент, 1980.
217. Уровни семантических абстракций в функциональной грамматике // Проблемы функциональной грамматики: тезисы. – М., 1983.
218. Проблемы тюркских реконструкций: глагольность, время // Типы языковых общностей и методы их изучения: тезисы. – М., 1984.
219. Аспектуальность в теоретических и описательных грамматиках тюркских языков // Вопросы советской тюркологии: тезисы докладов на IV ВТК. – Ашхабад, 1985.
220. Глагольная лексическая акциональность и способ действия // Функционально-типологические проблемы грамматики: тезисы. – Вологда, 1986.
221. О грамматической интерпретации бивербальных конструкций в алтайских языках // Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности: тезисы 29 сессии ПИАК. – Ташкент, 1986.
222. Взаимосвязи функционально-семантических полей в тюркских языках // Тюркология-88: тезисы докладов и сообщений V ВТК. – Фрунзе, 1988.
223. Алтайский языковой тип и проблемы функциональной грамматики // Экология северных народов: тезисы – Новосибирск, 1995.
224. По поводу термина «функция» в функциональной грамматике // Функциональная лингвистика: тезисы. – Симферополь, 1995.
225. Урало-алтайская проблема в трудах Н.С. Трубецкого // Евразия на перекрёстке культур: тезисы – М., 1999.
226. Залоговость в алтайских языках // Международный симпозиум: тезисы. – М. – Элиста, 1999.
227. Языки малочисленных этносов в образовательном пространстве РФ // Язык и общество на пороге нового тысячелетия: тезисы. – М., 2001.
228. О корреляции «толкование глагола – залог» // Категории глагола и структура предложения: тезисы. – СПб., 2001.

229. Некоторые аспекты реконструкции тюркских времён // 37 Международный конгресс востоковедов: тезисы. Т. 1. – М., 2004.
230. Членение тюркской языковой общности и межгрупповые контакты в ранней истории // Языковые контакты в аспекте истории / VI Международная научн. Конференция по сравнительно-историческому языкознанию: тезисы. Москва, 29–31 января 2008 г. – М.: МГУ, филол. ф-т, 2008. – С. 77–78.
231. Некоторые аспекты реконструкции тюркских времён // 37 Международный конгресс востоковедов: тезисы. Т.1. – М., 2004.
232. Современная тюркология в России // 38 Международный конгресс востоковедов (ICNAS–38), 10–15 сентября 2007: тезисы докладов. – Анкара, 2007.
233. Членение тюркской языковой общности и межгрупповые контакты в ранней истории // Языковые контакты в аспекте истории. VI Международная научн. конференция по сравнительно-историческому языкознанию: тезисы. Москва, 29–31 января 2008 г. – М.: МГУ, филол. ф-т, 2008. – С. 77–78.
234. Этноязыковая ситуация в Центральной Азии X–XI вв. по «Словарю Махмуда Кашгарского» // 8 Конгресс этнографов и антропологов России: тезисы докладов. Оренбург, 1–5 июля 2009 г. – Оренбург: ОГАУ, 2009. – С. 460–461.
235. О статусе рунической формы на *-taçy* / *-daçy* // От Отукуна до Стамбула (720–2010): тезисы симпозиума. Стамбул, 3–5 декабря 2010 г. – Стамбул, 2010. – С. 11. (на турец. языке).
236. Эпос «Манас» и современная тюркология // Тезисы докладов Международно-научно-практической конференции «Эпос “Манас” – памятник мировой эпической культуры», 18–19 декабря 2012. – М.: ИСАА МГУ. – С. 88–91.
237. Миноритарные языки в российском образовательном пространстве // Ломоносовские чтения. Востоковедение: тезисы докладов научной конференции 16 апреля 2012 г. – М: ИСАА, 2012. – С. 223–224.

Редактирование

238. Древнетюркский словарь / Сост. Т.А. Боровкова, Л.В. Дмитриева, А.А. Зырин, И.В. Кормушин, Н.И. Летягина, Д.М. Насилов, В.М. Надеяев, Э.Р. Тенишев, Л.Ю. Тугушева, А.М. Щербак; ред.

- В.М. Наделяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак. – Л., 1969.
239. Красная книга языков народов России. – М., 1994.
240. Государственные языки Российской Федерации: словарь. – М., 1995.
241. Таганова М.А. Итеративность в туркменском языке / Соредактор А. Овезов. – Ашгабат, 1995.
242. Шенцова И.В. Акциональные формы глагола в шорском языке. – Кемерово, 1997.
243. Национальная школа: тунгусо-маньчжурские языки: сборник / Соредактор Л.М. Горелова. – М., 1997.
244. Концепция модели этнической школы для коренных малочисленных народов Севера РФ. – М., 2001.
245. Алтайская национальная школа: сборник статей. – М., 2001.
246. Типовая общеобразовательная программа по языкам тунгусо-маньчжурской группы для школ народов Севера. – М., 2001.
247. Образование. Язык. Культура: сборник статей. – М., 2002.
248. Языки народов России. Красная книга. – М., 2002.
249. Государственные и титульные языки России. – М., 2002.
250. Национальная школа. Образование. Язык. Культура. – М., 2002.
251. Самойлович А.Н. Тюркское языкознание. Филология. Руника / Соредактор Г.Ф. Благова. – М.: Вост. лит-ра, 2005.
252. Рассадин В.И. Очерки по сложению тюрко-монгольской языковой общности. Ч. 1. Тюркское влияние на лексику монгольских языков. – Элиста: Изд-во КГУ, 2007.
253. Дыбо А.В. Лингвистические контакты ранних тюрков: Лексический фонд. Пратюркский период. – М.: Вост. лит-ра, 2007.
254. Вопросы тюркской филологии. Вып. VII. Материалы Дмитриевских чтений. – М.: МГУ, 2007.
255. Обучение родному (нерусскому) языку в условиях двуязычной образовательной среды. – М.: ИНПО, 2008.
256. Вопросы тюркской филологии. Вып. VIII. Материалы Дмитриевских чтений. – М.: МГУ, 2008.
257. А.Н. Самойлович: Научная переписка. Биография / Сост., автор Г.Ф. Благова. – М.: Восточная литература, 2008.
258. Вопросы тюркской филологии. Вып. IX. Материалы Дмитриевских чтений. – М.: МГУ, 2009.
259. Формирование методической культуры учителя как фактор повышения качества преподавания и уровня знаний учащихся-

- ся по родным языкам / Под общей редакцией Д.М. Насилова, М.Н. Кузьмина. – М.: ИНПО, 2010.
260. Ганиев Ф.А. Толковый словарь составных глаголов татарского языка. В 2-х частях. – Казань: Изд-во МНФ «Перавита», 2011–2012. (на тат. языке).
261. Благова Г.Ф. История тюркологии второй половины XIX – начала XX века в России. – М.: Вост. лит-ра, 2012.
262. Вопросы тюркской филологии. Вып. X. Материалы Дмитриевских чтений. – М.: МГУ, 2014.
263. Древнетюркский словарь. Издание второе, пересмотренное / Под ред. Д.М. Насилова, И.В. Кормушина, А.В. Дыбо, У.К. Исабековой. – Астана, изд-во «Гылым», 2016.

Рецензирование

264. Рец. на кн.: *Монгуш Д.* Формы прошедшего времени в тувинском языке // *Mitteilungen d. Instit. f. Orient Forschungen.* – Berlin, 1967, XIII, № 3.
265. Рец. на кн.: *Иванов С.Н.* Родословное дерево // *Народы Азии и Африки / Соавтор В.Г. Гузев.* – М., 1971, № 3.
266. Рец. на кн.: *Текин Т.* Орхонская грамматика // *Народы Азии и Африки.* – М., 1971, № 4.
267. Рец. на кн.: *Хазан Г., Циме П.* Берлинские Турфанские тексты. I. // *Советская тюркология / Соавтор Л.Ю. Тугушева.* – Баку, 1972, № 3. – С. 120–122.
268. Рец. на кн.: *Рассадин В.И.* Тофаларский язык // *Вопросы языкознания / Соавтор Н.И. Летягина.* – 1973, № 3. – С. 142–145.
269. Рец. на кн.: *Какук Ж.* Исследования по истории османского языка // *Советская тюркология.* – Баку, 1974, № 2. – С. 96–100.
270. Рец. на кн.: *Хазан Г.* Турецкий язык XII века // *Советская тюркология.* Баку, 1974, № 4. – С. 111–112.
271. Рец. на кн.: Орфография тюркского литературного языка // *Вопросы языкознания.* – М., 1976, № 3.
272. Рец. на кн.: *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков // *Советская тюркология.* Баку, 1977, № 1. – С. 101–106.
273. Рец. на кн.: *Садвакасов Г.С.* Язык уйгуров Ферганской долины // *Советская этнография.* – М., 1979, № 2.
274. Рец. на кн.: *Садвакасов Г.С.* Язык уйгуров Ферганской долины // *Коммунизм туги.* – Алма-Ата, 1979. (на уйг. языке).

275. Рец. на кн.: *Рассадин В.И.* Морфология тофаларского языка // Вопросы языкознания / Соавтор Н.И. Летагина. – М., 1981, № 6.
276. Рец. на кн.: *Текин Ш.* Буддийская уйгурика юаньского времени // Народы Азии и Африки. – М., 1981, № 1.
277. Рец. на кн.: *Юханссон Л.* Аффикс множественности в юго-восточных тюркских языках // Советская тюркология. Баку, 1983, № 3. – С. 89–93.
278. Рец. на кн.: *Благова Г.В.* Тюркское склонение в ареальном освещении // Вопросы языкознания / Соавтор Т.-М. Гарипов. – М., 1986, № 1.
279. Рец. на кн.: *Болд Л.* Руника Монголии // Восток / Соавтор И.В. Кульганек. – М., 1992, № 5.
280. Рец. на кн.: *Козинцева Н.А.* Локализованность действия в армянском языке // Вопросы языкознания. – М., 1993, № 2.
281. Рец. на кн.: *Благова Г.Ф.* Бабур-наме // Известия РАН. Серия языка и литературы. – М., 1996, № 5.
282. Рец. на кн.: *Гаджиахмедов Н.Э.* Словоизменительные категории имени и глагола в кумыкском языке (сравнительно с другими тюркскими языками). Махачкала: Юпитер, 2000. – 382 с. // Современные проблемы кавказского языкознания и тюркологии. Вып. 3. Махачкала: ДГУ, 2001. – С. 335–344.
283. Рец. на кн.: Литература народов России: учебное пособие / Под ред. Р.З. Хайруллина и Т.И. Зайцевой. – М., 2016.

Научное руководство

1. Сюй Ина. Деепричастные полипредикативные конструкции в уйгурском языке. 10.02.22. – М., МГУ, 1995.
2. Белякова А.В. Методика обучения синонимике алтайского языка в 5–9 классах образовательных учреждений Республики Алтай. 13.00.02. – М., ИНПО, 2005.
3. Медведева М.А. Проблемы формирования хакасского литературного языка и его нормы. – 10.02.02. – М., ИЯ РАН, 2005. (Совместно с В.Г. Карповым).
4. Умба А.М. Функциональный подход к обучению категории падежа имени существительного тувинского языка в 5–7 классах в общеобразовательных учреждениях Республики Тыва. 13.00.02. – М., ИНПО, 2005.

5. Доржу Н. С-о. Взаимосвязанное изучение состава слова и словообразования родного и английского языков в 5–9 классах общеобразовательных учреждениях Республики Тыва. 13.00.02. – М., ИНПО, 2005.
6. Муйтуева И.Н. Развитие родной речи на уровне текста учащихся 5–6 классов общеобразовательных учреждений Республики Алтай. 13.00.02. – М., ИНПО, 2005. (Совместно с Н.М. Хасановым).
7. Баджанлы Эйюп. Категория эвиденциальности в турецком языке в функционально-семантическом аспекте: в сопоставлении с алтайским языком. 10.02.22. – М., МГУ, 2005.
8. Володина Е.Г. Лексические заимствования из английского языка в современном турецком языке (на материале прессы). 10.02.22. – М., МГУ, 2007.

Оппонирование

1. Гузев В.Г. Фонетика староанатолийско-тюркского языка (по материалам ленинградского списка «Сказания о Мелике данишменде»). – КД, 10.02.22. – Л., ЛГУ, 1966.
2. Нигматов Х.Г. Морфология тюркского глагола по материалам словаря Махмуда Кашгарского. – КД, 10.665. – Л., ЛГУ, 1970.
3. Бабанаров А. Разработка принципов построения словарного обеспечения турецко-русского машинного перевода. – КД, 10.02.21. – Л., ЛГУ, 1981.
4. Доржу Ч.М. Древнеуйгурские элементы в современном тувинском языке. – КД, 10.02.06. – М., ИЯ РАН, 1984.
5. Щека Ю.В. Интонология турецкого языка и проблемы ее общетеоретического обоснования. – ДД, 10.02.06. – М., ИЯ РАН, 1993.
6. Абиьлдаева К.М. Научные основы дифференцированного обучения русскому языку в нерусской школе (на материале 3–4 класса казахской начальной школы) – КД, 13.00.02. – М., ИНПО, 1994.
7. Карпов Г.В. Система глагола в современном хакасском языке (структурный и функциональный аспекты). – ДД, 10.02.06. – М., ИЯ РАН, 1995.
8. Чеченов А.А. Историческая фонетика карачаево-балкарского языка. – ДД, 10.02.06. – М., ИЯ РАН, 1997.
9. Дрон И.В. Топонимия Республики Молдова тюркского происхождения. – ДД, 10.02.20. – М., ИЯ РАН, 1997.

10. Курпешко Н.Н. Основы обучения родному (шорскому) языку в начальной школе в условиях двуязычия. – ДД, 13.00.02. – М., ИНПО, 1997.
11. Невская И.А. Типология локативных конструкций в тюркских языках Южной Сибири. – ДД, 10.02.02. – Новосибирск, ИФ СО РАН, 1997.
12. Михайлова Н.И. Формы побуждения в шорском языке. – КД, 10.02.02. – Новосибирск, ИФ СО РАН, 1997.
13. Гаджихамедов Н.Э. Словоизменительные категории имени и глагола в кумыкском языке. – ДД, 10.02.06. – Махачкала, Дагпедун-т, 1998.
14. Нечаева А.И. Система обучения иностранных студентов-филологов использованию видов глагола в русской речи. – ДД, 13.00.02. – М., МГПУ, 1998.
15. Кызласова М.А. Обучение лексике хакасского литературного языка в диалектных условиях в 5–7 классах. – КД, 13.00.02. – М., ИНПО, 1999.
16. Сунчугашев Р.Д. Оронимия Хакасии. – КД, 10.02.06. – М., ИЯ РАН, 1999.
17. Псянчин Ю.В. Стилистика словоизменительных категорий имени существительного современного башкирского литературного языка. – ДД, 10.02.02. – М., ИЯ РАН, 2000.
18. Сертчелик С. Сопоставительный анализ форм прошедшего времени в современных армянском и турецком языках. – КД, 10.02.20. – СПб., СПбГУ, 2000.
19. Абрегов А.Н. Названия растений в адыгейском языке: Синхронно-диахронный анализ. – ДД, 10.02.20. – М., ИЯ РАН, 2000.
20. Шайхулов А.Г. Структура и идеографическая парадигматика односложных корневых слов в кыпчакских языках Урало-Поволжья в континууме ареальной, межтюркской и общетюркской лексики. – ДД, 10.02.02. – М., ИЯ РАН, 2001.
21. Бурькин А.А. Язык малочисленного этноса в его письменной форме (на материале эвенского языка). – ДД., 10.02.02. – СПб., СПбГУ, 2001.
22. Кетенчиев М.Б. Структура и семантика именных предложений в карачаево-балкарском языке. – ДД, 10.02.02 – Нальчик, КБГУ, 2001.
23. Мухтасырова Т.П. Обучение временным формам казахского глагола учащихся-казахов 5–7 классов школ Республики Алтай. – КД, 13.00.02. – М., ИНПО, 2002.

24. Грунтов И.А. Реконструкция падежной системы праалтайского языка. – КД, 10.02.22. – М., РГГУ, 2002.
25. Амырова Ж.М. Система преподавания имен прилагательных в алтайской средней школе. – КД, 13.00.02. – М., ИНПО, 2002.
26. Боргоякова Т.Г. Развитие социальных функций государственных тюркских языков республик Южной Сибири. – ДД, 10.02.02. – М., ИЯ РАН, 2003.
27. Алиев Тельман Асад оглы. «Сказание о хождении в Персию» Федота Котова как лингвистический источник (Реконструкция текста и его лингвистический анализ). – КД, 10.02.02. М., МГПУ, 2003.
28. Менгисанова С.Б. Арабизмы в кумыкском языке. – КД, 10.02.02. – М., ИЯ РАН, 2003.
29. Латфуллина Л.Г. Категория качественного прилагательного в современном татарском языке. – КД, 10.02.02. – М., ИЯ РАН, 2003.
30. Ондар Н.М. Парные слова в тувинском языке. – КД, 10.02.02. – М., ИЯ РАН, 2004.
31. Ыылмаз О. Категория номинализации действия в современном турецком языке. – КД, 10.02.22. – СПб., СПбГУ, 2004.
32. Нуриева Ф.Ш. Формирование и функционирование тюрко-татарского литературного языка периода Золотой Орды. – ДД, 10.02.02. – Казань, КазГУ, 2004.
33. Бембеев Е.В. Лингвистическое описание памятника старокалмыцкой (ойратской) письменности «Сказание о хождении в Тибетскую страну Малодербентовского База-бакши». – КД, 10.02.02. – М., ИЯ РАН, 2004.
34. Даржа У. А-о. Наречия в тувинском языке. – КД, 10.02.02. – ИЯ РАН, 2005.
35. Мушаев В.Н. Структура и семантика калмыцкого предложения. – ДД, 10.02.22. – М., ИЯ РАН, 2005.
36. Нафикова З.Г. Методическая система обучения фонетике башкирского языка русскоговорящих детей 5–6 лет в условиях ДООУ. – КД, 13.00.02. – М., ИНПО, 2005.
37. Аврутина А.С. Опыт реконструкции фонологии языка древнетюркских рунических памятников. – КД, 10.02.22. – СПб., СПбГУ, 2005.
38. Рухлядев Д.В. Древнетюркские рунические надписи 8–9 вв. как памятник историографии: генезис жанра и структура текста. – КД, 07.00.09. – СПб., ИВ РАН (ЛО), 2005.

39. Тадинова Р.А. Тюркские лексические заимствования в системе северокавказских языков. – ДД, 10.02.02. – М., ИЯ РАН, 2006.
40. Джинцанова Е.А. Взаимосвязанное обучение видам речевой деятельности на уроках калмыцкого языка в начальной школе. – КД, 13.00.02. – М., ИНПО, 2006.
41. Дубровина М.Э. Язык древнетюркских рунических памятников как источник сведений для построения модели тюркской морфологии (субстантивное словоизменение). – КД, 10.02.22. – СПб., СПбГУ, 2008.
42. Олядыкова Л.Б. Калмыцкая безэквивалентная лексика и фразеология в русских переводах произведений Давида Кугультинова. – ДД, 10.02.02. – М., 2009.
43. Убушаев Н.Н. Проблема сложения диалектной системы калмыцкого языка и её функционирование. – ДД, 10.02.02. – М., ИЯ РАН, 2010.
44. Ульмезова Л.М. Глагольное словоизменение в турецком и карачаево-балкарском языках. – КД, 10.02.22. – СПб., СПбГУ, 2010.
45. Соян А.М. Местоименные скрепы в тувинском языке. – КД, 10.02.02. – М., ИЯ РАН, 2010.
46. Насипов И.С. Финно-угорские заимствования в татарском языке: синопсис и таксономия. – ДД, 10.02.02. – Казань, ИЯЛИИ им. Г. Ибрагимова, 2010.
47. Гайнутдинова А.Ф. Частеречная транспозиция (субстантивизация) в татарском языке в сопоставлении с русским языком. – ДД, 10.02.02 – 10.02.20. – Казань, ИЯЛИИ им. Г. Ибрагимова, 2011.
48. Гусейнов Г-Р. А-К. История древних и средневековых взаимоотношений языков Северо-Восточного Кавказа и Дагестана с русским языком. – ДД, 10.02.02. – 10.02.01. – М., ИЯ РАН, 2011.
49. Теоретические проблемы словообразования в тюркских языках (на материале шорского языка). – ДД, 10.02.02. – 10.02.19. – М., ИЯ РАН, 2011.
50. Казакбаева Г.А. Арабизмы в узбекском языке в прикладном и теоретическом аспектах. – КД, 10.02.22. – М., ИВ РАН, 2012.

ЛИНГВИСТИКА

М.Г. Букулова, Э. Гениш

О НЕКОТОРЫХ ТРУДНОСТЯХ ПЕРЕВОДА ТУРЕЦКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

При переводе художественного текста переводчик сталкивается с различными трудностями на каждом языковом уровне. Традиционно эти трудности разделяют на грамматические, лексические и лексико-грамматические. Но многие грамматические проблемы невозможно рассматривать изолированно от лексических, поэтому мы полагаем более уместным говорить о лексико-грамматических проблемах перевода.

«Трудности при переводе порождаются различиями в системах языка, в частности, в системах исходного языка и языка перевода: сходное значение передается в исходном языке и языке перевода различными языковыми средствами» [Лобанова 2014: 741]. Система времен турецкого языка значительно более дифференцирована по сравнению с русским языком. Если в русском языке три времени (настоящее, прошедшее и будущее), то в турецком языке их вместе со сложными временами – четырнадцать. Турецкий язык информативней русского в представлении о времени. Так, сказуемое в турецком предложении может указывать на характер протекаемого действия (напр., времена на *-ar/-ardi*), пояснять ситуацию или состояние субъекта как следствие некоторого прошлого действия или указывать на временную последовательность (в корреляции *-di/-mişti*), тогда как в русском языке подобные нюансы отражаются лексически

(...*gövdesinin ateşler içinde yanmaya başladığını fark etti. Güneş kavak ağaçlarına doğru alçalmış, kıpkırmızı olmuştur* [Gürsel 2007: 37]. ‘В теле словно занялся пожар. Солнце уже скатилось к тополям, красным маревом разливалось над горизонтом’ [Гюрсель 2012: 47]).

Помимо этого, в отличие от русского, турецкий язык обладает грамматическими маркерами для передачи эвиденциальности. Значение эвиденциальности при переводе может быть передано лексически при помощи вводных слов («говорят», «оказывается», «выяснилось, что»), но зачастую оно бывает утрачено, как, например, в предложении: *Bir Mevlevi gelmiş tekkeye, Akşemseddin'e konuk olmuştur* [Gürsel 2007: 94]. ‘В обитель пришел дервиш мевлеви, и Акшемседдин принял его’ [Гюрсель 2012: 130].

Турецкий язык является агглютинативным, русский – флективным. Соответственно, существительные и глаголы в простом предложении турецкого языка могут присоединять к себе более одного аффикса. Тем самым, синтаксис турецкого языка значительно компрессивней и гибче русского. Нередко при переводе простое турецкое предложение передается при помощи более сложной конструкции – предложения с подчинительной связью. Например: *Onu ölümsüzleştirecek, şu fani dünyada baki kılacak, suretini sonsuza taşıyacak bir portre* [Gürsel 2007: 112]. букв. ‘Портрет, который обессмертит его, запечатлеет его навечно в этом бренном мире, продлит его изображение в вечности’.

Кроме того, турецкие причастные и субстантивные формы (на *-dik/-acak*), состоящие в самой лаконичной своей форме из одного слова, на русский язык передаются при помощи придаточных предложений с союзом «который», «то, что» и состоят из не менее чем трех слов в положительной форме и не менее чем из четырех – в отрицательной форме, в результате чего при переводе в предложении возрастает количество слов. Например, *Mehmet kendi adını taşıyan caminin avlusunda şadırvan yanında oturmuştu* [Gürsel 2007: 93]. ‘Мехмед сидел у шадырвана во дворе мечети, что носит его имя’ [Гюрсель 2012: 128].

Трудности иногда вызывает передача вида глагола. В русском языке глагол имеет совершенный (передает завершенность и целостность действия) и несовершенный (выражает процесс проте-

кания действия во времени) вид. В турецком языке вид глагола не имеет самостоятельного выражения; вместо этого видовые значения связаны с временными формами, но они не всегда совпадают с временными формами русского языка. Например, *Büyükanne..., kuşların iyiyе alamet olduğunu, onları Allah'ın gönderdiğini söyledi* [Gürsel 2007: 69]. 'Бабушка сказала, что птицы – это добрый знак и что их послал (посылает) Аллах'. Контекст не указывает на то, выражено сказуемое придаточного предложения прошедшим или настоящим временем, причем в последнем случае сказуемое обладает семантикой атемпоральности.

Турецкий язык не имеет категории рода, в отличие от русского языка, в котором родовая система сильно развита. Существительные в турецком языке относятся как к мужскому, так и к женскому роду, и пол того или иного лица не может быть уточнен местоимением третьего лица единственного числа – оно выражается одинаково для всех родов. В ряде контекстов пол персонажа, обозначенного словом *arkadaş* 'друг', *hizmetçi* 'уборщик', *öğrenci* 'студент' и т.п., не может быть уточнен из широкого контекста или ситуации. В случае, когда подобный персонаж второстепенен, выбор русского соответствия в значительной мере произвольный и определяется переводческим решением. В подобных ситуациях грамматический строй русского языка вынуждает передавать в переводе информацию, которую не содержит текст на турецком языке.

В то же время определение рода иногда может становиться настоящей проблемой. В качестве иллюстрации можно привести рассказ Селима Илери «Девушка на выданье» (*Gelinlik Kızı*). Повествование ведется от имени маленького ребенка, которому около 10 лет. Единственное определенное указание на пол рассказчика содержится в двух предложениях, в которых говорится, что ребенок хочет вырасти похожим на Джахита – высоким, широкоплечим, с крепким рукопожатием. И он хочет стать, как Джахит, инженером – профессия в Турции скорее мужская, чем женская.

В ряде контекстов словосочетание, образованное при помощи изафетной конструкции, может переводиться двояко. В качестве

примера можно привести название романа Н. Гюрселя «*Fatih'in Romani*». Действие в романе ведется по двум параллельным сюжетным линиям. Первая – повествование рассказчика по имени Фатих, который пишет роман о взятии Константинополя Мехметом Фатихом (Завоевателем) и описывает происходящие с ним события, вторая – исторические главы романа о султанах Мехмете Фатихе. Сочетание *Fatih'in Romani* (букв. 'Роман Фатиха') допускает двоякое толкование: «роман, который пишет Фатих» и «роман о Фатихе»; при этом имена рассказчика и героя исторического нарратива, с которым отождествляет себя рассказчик, совпадают. В русском языке султана Мехмеда II (*Fatih*) называют Завоеватель. Если ввести его в текст, то неизбежно теряется игра слов, основанная на совпадении имен двух главных героев романа, и неоднозначность интерпретации названия романа. В подобных случаях выбор варианта перевода также определяется решением переводчика.

Страдательный залог, который широко используется в турецком языке, значительно менее свойственен языку художественной прозы в русском языке. Традиционно страдательный залог передается на русский язык при помощи безличных глаголов, но нередко требует замены на другую синтаксическую конструкцию. Например, *Müzeler çoktan dolaşılmış, ...kanallar boyunca yürünmüş, ...bir barın loşluğunda öpüşülmüş, ...evlere ...bakılmış, tramvaylardan inilip başka tramvaylara binilmiştir* [Gürsel 2007: 112]. 'Позади прогулки по музеям и набережным каналам, поцелуи в полутьме полупустынных баров, ...комнаты в незашторенных окнах чужих домов, подножки трамваев' [Гюрсель 2012: 143]).

Для турецкого языка естественны отглагольные существительные, которые в русском языке носят, как правило, оттенок канцеляризма и характерны для стиля бюрократической документации.

Одним из способов выражения экспрессии в турецком языке является употребление синонимичных выражений – параллельно употребляемых слов и выражений одинакового или близкого референциального значения. Для русского языка употребление синонимичных определений в количестве больше двух, как пра-

вило, воспринимается как избыточность; при переводе текст, содержащий избыточную информацию, подвергается смысловому свертыванию или другому преобразованию: *Onu ölümsüzleştirecek, şu fani dünyada baki kılacak, suretini sonsuza taşıyacak bir portre* [Gürsel 2007: 112]. ‘Портрет, который навсегда запечатлеет его и тем самым обесмертит, позволит вечно пребывать в этом бренном мире’ [Гюрсель 2012: 156] (букв. ‘портрет, который обесмертит его, запечатлеет его навечно в этом бренном мире, продлит его изображение в вечности’).

Таковы в самых общих чертах проблемы перевода на лексико-грамматическом уровне. Как видно, они носят формальный характер и решаемы при помощи правильной переводческой стратегии.

Литература

- Гюрсель 2012 – *Гюрсель, Недим*. Завоеватель. – М., 2012.
Лобанова 2014 – *Лобанова Т.Н.* Мемуары Син Фэнся в переводческом аспекте: особенности передачи средств языковой выразительности с языка оригинала на язык перевода // Ученые заметки ТОГУ. – 2014. – № 4. – С. 740–748.
Gürsel 2007 – *Gürsel, Nedim*. Boğazkesen. Fatih’in Romanı. – İstanbul, 2007.

Аннотация

В статье рассматриваются некоторые типичные проблемы лексико-грамматического характера, возникающие при переводе турецкого художественного текста на русский язык.

Ключевые слова

Художественный перевод, переводческие трансформации, языковые трудности, турецкий язык

Сведения об авторах

- Букулова Марина Георгиевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры восточных языков Московского государственного гуманитарно-экономического университета (МГГЭУ); e-mail: m.bukulova@gmail.com
Гениш Эйюп – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой восточных языков Московского государственного гуманитарно-экономического университета (МГГЭУ); e-mail: eyupgenis@gmail.com

Marina Bukulova, Eyüp Geniş

Some difficulties of translation Turkish Fiction into Russian

Summary

The article deals with some cases of grammatical and lexical translation difficulties faced by translators when translating fiction texts from Turkish into Russian.

Key words

Literary translation, translation difficulties, language peculiarities, Turkish language

Information about the authors

Marina Bukulova – PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Oriental Languages at Moscow State Humanitarian-Economic University;
e-mail: m.bukulova@gmail.com

Eyüp Geniş – PhD in History, Associate Professor, Head of the Department of Oriental Languages at Moscow State Humanitarian-Economic University;
e-mail: eyupgenis@gmail.com

А.А. Гаджиева

К ВОПРОСУ О ПАДЕЖАХ В КАЗАХСКОМ ЯЗЫКЕ

Вопрос о категории падежа в тюркских языках на сегодняшний день является неоднозначным в связи с его различной интерпретацией. В большинстве грамматик по тюркским языкам ученые выделяют шесть традиционных падежей. По сей день существуют разногласия по поводу основного падежа и неоформленных грамматическими формантами родительного и винительного падежей. Так, по мнению В.Г. Гузева и Д.М. Насилова, основной падеж не входит в систему склонений в тюркских языках и не является членом парадигмы, так как неаффиксированная форма не обладает собственным падежным грамматическим значением. При использовании основной формы косвенного падежа имеет место лишь логическое выражение того или иного участника ситуации, а его связи никак не выражены [Гузов 1981: 22]. Таким образом, согласно данному суждению, падежная парадигма в тюркских языках состоит только из аффиксальных форм.

Некоторые казахские языковеды (В.А. Исенгалиева) придерживаются мнения, что родительный и винительный падежи (а исторически и диалектно – все пространственные, т.е. дательноподчинительный, местный и исходный) бывают оформленными (с аффиксами) и неоформленными (без аффикса, в виде чистой основы) [Баскаков 1966: 31]. Интересную точку зрения, на наш взгляд, относительно неоформленного родительного падежа в составе изафетных конструкций высказал известный лингвист Ф.А. Ганиев. По мнению ученого, «первые компоненты в конст-

ружках типа *алтын жүзік* ‘золотое кольцо’ не являются неформальным родительным падежом. Здесь наблюдается переход существительных в прилагательные, т.е. конверсия» [Ганиев 2015: 17].

Различие в двух подходах определяется тем, что берется за исходное: форма (основной падеж) или синтаксические функции (определение, прямое дополнение). Возможно, оба мнения имеют право на существование, если не учитывать, что синтаксическая роль падежей функционально дифференцирована. Ибо «там, где семантическое тесно переплетается с синтаксическим, необходим иной подход, предлагающий выделение сначала синтаксических различий, а затем семантических, так как семантика падежных форм устанавливается, исходя из их синтаксических функций» [Щербак 1972: 4].

Исследование категории падежа в казахском языке начинается с трудов А. Байтұрсынова. Ученый выделил шесть падежей с соответствующими аффиксами: именительный (*атау*), притяжательный (*ілік*: *-дың*), направительный (*барыс*: *-ға*), винительный (*табыс*: *-ды*), местный (*жатыс*: *-да*), исходный (*шығыс*: *-дан*) [Байтұрсынов 1992: 203]. В предлагаемой парадигме не назван совместно-инструментальный падеж в связи с тем, что он сформировался в казахском языке довольно поздно и перешел в разряд падежного аффикса в процессе грамматикализации послелога *менен*. В образцах письменной литературы конца XIX в. и начала XX в. функцию инструментального падежа выполняло служебное слово *білән*, *бірлән*, *мінән*, использованное в дальнейшем как *мәнән*. Затем приобрело форму *менен/бенен/пенен* и *мен/бен/пен* [Исаев 2010: 92].

Особенностью данного падежа является то, что трехвариантный аффикс *-мен/бен/пен*, в составе которого только мягкие звуки, вопреки закону сингармонизма присоединяется также к твердым основам. В поэзии и в разговорной речи встречается более ранний вариант аффикса *-менен/бенен/пенен*. Помимо значения совместности совершения действия и орудия, при помощи которого совершается действие, инструменталис-комитатив выражает также способ совершения действия (*шын ықыласпен жақсы көру* ‘любить от чистого сердца’), цель действия (*бір мақсатпен*

келді ‘пришел с одной целью’), место и время действия (*жолмен жүру* ‘идти по дороге’; *түнімен ұйықтамады* ‘он всю ночь не спал’).

В классификации казахского лингвиста К. Жубанова указаны девять падежей: именительный (*атау есім*), аффиксальные и безаффиксальные (явные и скрытые) родительный (*ілік*) и винительный (*табыс*), дательно-направительный (*барыс*), исходный (*шығыс*), местный (*жатыс*), приравнительный (*теңдес: -дай/дей*), уподобительный (*меңзес: -ша/ше*) и инструментальный (*көмектес*) [Жұбанов 2010: 379]. Из этой парадигмы в грамматике современного казахского языка не вошли приравнительный и уподобительный падежи. Ф.А. Ганиев суффикс *-ча/чә* (в казахском варианте *-ша/ше*) вслед за М.З. Закиевым рассматривает как словообразовательный, и слова, образованные при помощи данного суффикса, относит к разряду наречий [Ганиев 2015: 16]. Интересно отметить и тот факт, что форма *-н* в казахском языке после притяжательных аффиксов III лица в притяжательном склонении местного *-нда/нде*, дательного *-на/не* и винительного падежей *-н* встречается в составе слов со словообразовательными суффиксами *-ша/ше*, *-дай/дей*, *-сыз/сіз*: *әкесінше* ‘по-отечески’, *әкесіндей* ‘словно его отец’, *әкесінсіз* ‘без своего отца’. Некоторые современные лингвисты (Ф.А. Ганиев, Р.Ф. Зарипов) в своей классификации указывают такие формы как лишительный падеж (*-сыз/сіз*) и уподобительный падеж (*-дай/дей*).

В современном казахском языке система склонения выражена семью падежами. Существуют разногласия по поводу передачи на русский язык названий *жатыс сентік* (местный, предложный, местно-временной), *ілік сентік* (падеж принадлежности, родительный, притяжательный) и *көмектес сентік* (творительный, творительно-соединительный, инструментальный, совместный, совместно-инструментальный). По структурно-семантическим аспектам различают грамматические и пространственные падежи. К грамматическим относятся именительный – падеж подлежащего, родительный – падеж принадлежности и отношения, винительный – прямого дополнения, творительный – совместности и инструментальных отношений. К пространственным относятся оставшиеся три падежа, выражающие пространст-

венные и временные отношения. В зависимости от присоединения падежных окончаний к основе или к основе с притяжательным аффиксом, как и в других тюркских языках, различают простое и притяжательное склонение.

Одним из древних падежей в тюркских языках является местный падеж. В древнетюркских письменных памятниках функции и значения местного падежа были намного шире. Он использовался не только в значении места пребывания, направления и времени совершения действия, но и места исхода: *tilda ċiqar* ‘произноси’ (букв. *выводи с языка*) [ДТС 2016: 704]. Это можно заметить и по сохранившимся в казахском языке вопросительному местоимению *қайда?* в значениях *где? куда?* и указательных местоимений с аффиксом местного падежа *осында*, *мұнда*, *сонда* в значении места и направления. Например, *ол осында болды* ‘он был здесь’; *сен осында кел* ‘ты приходи сюда’. В казахском литературном языке употребляются слова в местном и исходном падеже, которые выражают значение места: *қалада көрдім* или *қаладан көрдім* ‘видел в городе’.

В то же время аффикс местного падежа встречается в составе многочисленных наречий казахского языка. Утратив свои некогда словоизменительные функции, аффикс местного падежа перешел в разряд омонимичных словообразующих аффиксов. Это можно проиллюстрировать примерами: *кейде* ‘иногда’, *андасанда*, *әшейінде* ‘обычно’ и др. Это же явление можно заметить в словах в форме исходного падежа, которые подверглись адвербиализации. Например, *баяғыдан* ‘издавна’, *аяқ астынан* ‘неожиданно, внезапно’, *кенеттен* ‘вдруг’. И таких примеров в казахском языке очень много, что, несомненно, вызывает определенные трудности в разграничении семантики падежных форм.

Исходный падеж также является самым многозначным в падежной системе казахского языка. Помимо основных значений – исходный пункт действия, движения, исходная точка времени, материал из которого сделан предмет, можно выделить исходный причины (*қорыққаннан жүрегі жарылып кетті* ‘от страха сердце разорвалось’), сравнения (*әкем менен биік* ‘отец выше меня’) и происхождения (*атадан қалған мұра* ‘дедовское наследство’) и т.д.

Что касается падежной парадигмы, то в учебных пособиях современного казахского языка отражено лишь аффиксальное выражение падежных значений. Тогда как, по мнению некоторых языковедов, необходимо учитывать и сочетание слов с послелогоми и служебными именами. Поскольку падежи в тюркских языках выражаются не только суффиксами, присоединяющимися к основе, но и послелогоми и служебными именами [Ганиев 2015: 18].

В казахском языкознании неоднократно высказывались мнения по поводу непосредственного участия послелогов и служебных имен в образовании аналитических падежей. Так, известный казахский лингвист А. Ыскаков считает, что послелогои выполняют такую же функцию при образовании аналитического падежа, как вспомогательные глаголы в составе сложных глаголов [Ыскаков 1991: 38]. Другой ученый Н. Оралбай указала на прямую связь послелогов с падежной категорией и выделила аналитические формы падежа. Согласно точки зрения Н. Оралбай, в аналитических формах падежа сохраняются основные значения синтетических падежей, а послелогои и служебные имена, образуя с именами сложное образование, являются средством расширения, конкретизации и обогащения значения слов [Оралбай 2007: 107–115].

Наиболее полное освещение функций и особенностей служебных имен и послелогов в казахском языке можно найти в работе В.А. Исенгалиевой. Так, автор выделила три большие группы послелогов:

1. Послелогои, используемые с именами в именительном падеже. Данная группа выражает 11 видов отношений.
2. Послелогои, используемые с именами в дательном-направительном падеже. Выражают 12 видов отношений.
3. Послелогои, используемые с именами в исходном падеже. Выражают 6 видов отношений.

К малочисленным группам автор относит группы послелогов с именами в родительном, творительно-соединительном и винительном падежах, выражающих по два вида отношений. Что касается служебных имен, то они, как правило, в большей степени выражают пространственные отношения, а в отдельных случаях

выступают выразителями других отвлеченных грамматических значений.

Таким образом, служебные имена дополняют, уточняют и конкретизируют значения падежей, а послелогои выражают различные грамматические отношения между предметами или между предметами и действиями. При помощи данной группы передаются также синтаксические отношения, не выражаемые или недостаточно выражаемые падежными формами [Исенгалиева 1957: 133].

В казахском языке, как известно, все падежи, кроме местного, используются с послелогоми и служебными именами. Например, послелогои *үшін, арқылы, сияқты, сайын* и др. сочетаются с именами в форме основного падежа и передают различные значения синтетических падежей: *емделу үшін келдім* ‘приехал лечиться’ соответствует дательно-направительному цели действия *емделуге келдім*; *күн сайын көріп тұрамын* ‘вижу каждый день’ соответствует местно-временному *күнде көріп тұрамын*; *пошта арқылы жіберілген хат* ‘письмо, отправленное почтой’ соответствует инструментальному *поштамен жіберілген хат* и т.д. По мнению Ф.А. Ганиева, к аналитическим падежам относятся не всякие сочетания существительного с послелогом. В одних случаях послелогои могут уточнять грамматическое отношение, уже выраженное косвенным падежом *үйге дейін* ‘до дома’, в других послелогои выступают единственным оформителем падежных форм *Отан үшін* ‘за Родину’. В первом случае падеж аналитико-синтетический, во втором – аналитический [Ганиев 2015: 20].

Служебные имена, как известно, представляют собой названия частей, присущих каждому предмету, и выражают конкретно-пространственные отношения между ними. Соответственно они в сочетании с именами выражают значения местного, дательно-направительного и исходного падежей. Например, *үстел үстінде* или *үстелдің үстінде* ‘на столе’ соответствует местному *үстелде*. И в том и в другом случае служебное имя *үстінде* оформлено аффиксом местного падежа, а слово *үстел* стоит в безаффиксальном или аффиксальном родительном падеже.

Несмотря на большое количество исследований по данной проблеме, на сегодняшний день все еще остаются нерешенные

вопросы по классификации падежной категории и дифференцированию отдельных значений. Некоторые ученые предлагают дополнить парадигму падежа несколькими синтетическими и аналитическими формами. Например, Ф.А. Ганиев в своих исследованиях на материале татарского языка предлагает ввести в парадигму падежа десять синтетических и восемь аналитических форм.

Синтетические падежи:

1. Именительный
2. Родительный (*-ның*)
3. Дательный
4. Винительный:
а) винительный определенный; б) винительный неопределенный.
5. Исходный
6. Уподобительный (*-дай*)
7. Лишительный (*-сыз*)
8. Обладательный (*-лы*)
9. I-Местно-временной (*-да*)
10. II-Местно-временной (*-дагы*)

Аналитические падежи:

1. Социатив (орудийно-совместный)
2. Дестинатив (причинно-целевой)
3. Уподобительно-сравнительный
4. Изъяснительный
5. Местный
6. Исходный
7. Направительный
8. Причинный

Таким образом, ученый к имеющейся парадигме синтетических падежей добавил четыре синтетических падежа и группу послеложного склонения имен. В свою очередь башкирский лингвист Р.Ф. Зарипов предлагает 19 падежных форм, объединяя их в пять семантических групп: субъектные, объектные, сравни-

тельно-уподобительные, притяжательные и пространственно-временные [Абдуллина 2009: 192].

Разумеется вопрос о семантической дифференцированности падежных форм в казахском языке все еще ждет своего решения, так как многие из указанных падежей обладают целым рядом других грамматических и семантических функций.

Литература

- Абдуллина 2009 – *Абдуллина Г.Р.* Категория падежа в башкирском языке // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – Нижний Новгород, 2009. – № 1. – С.189–193.
- Байтұрсынов 1992 – *Байтұрсынов А.* Тіл тағлымы. – Алматы, 1992.
- Баскаков, Хасенова, Исенгалиева, Кордабаев 1966 – *Баскаков Н.А., Хасенова А.К., Исенгалиева В.А., Кордабаев Т.Р.* Сопоставительная грамматика русского и казахского языков. Морфология. – Алма-Ата, 1966.
- Ганиев 2015 – *Ганиев Ф.А.* Проблемы татарского языкознания. – Казань, 2015.
- Гузев, Насилов 1981 – *Гузев В.Г., Насилов Д.М.* Словоизменительные категории в тюркских языках и понятие «грамматическая категория» // Советская тюркология. – Баку, 1981. – № 3. – С. 22–25.
- ДТС 2016 – *Древнетюркский словарь.* – Астана, 2016.
- Жұбанов 2010 – *Жұбанов Қ.* Қазақ тілі жөніндегі зерттеулер. – Алматы, 2010.
- Исаев 2010 – *Исаев С.* Қазіргі қазақ тіліндегі негізгі грамматикалық ұғымдар. – Павлодар, 2010.
- Исенгалиева 1957 – *Исенгалиева В.А.* Служебные имена и послелоги в казахском языке. – Алма-Ата, 1957.
- Оралбай 2007 – *Оралбай Н.* Қазіргі қазақ тілінің морфологиясы. – Алматы, 2007.
- Ысқақов 1991 – *Ысқақов А.* Қазіргі қазақ тілі. Морфология. – Алматы, 1991.
- Щербак 1972 – *Щербак А.М.* К характеристике системы тюркских падежей в плане содержания // Советская тюркология. – М., 1972. – № 4. – С. 3–11.

Аннотация

Статья посвящена проблеме семантической дифференцированности и классификации категории падежа в казахском языке.

Ключевые слова

Категория, падеж, семантика, классификация, послелоги, служебные имена, аналитический падеж

Сведения об авторе

Гаджиева Анар Ахметбековна – кандидат филологических наук, доцент кафедры языков и культуры народов стран СНГ и России Военного университета МО РФ; e-mail: nuanar@yandex.ru

Anar Gadgieva

Problem of category of case in the Kazakh language

Summary

The author dwells on the problem of category of case in the Kazakh language from the point of view of its semantic differentiation and classification.

Key words

Category, case, semantics, classification, postpositions, analytical case

Information about the author

Anar Gadgieva – PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Languages and Cultures of the CIS and Russia at Military University of the Ministry of Defence; e-mail: nuanar@yandex.ru

М.Э. Дубровина

АНАЛИЗ ЗНАЧЕНИЯ ПОНУДИТЕЛЬНОГО ЗАЛОГА В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ (на материале турецкого и якутского языков)

В различных тюркских языках нередко можно встретить следующие речевые употребления словоформ с аффиксом понудительного залога:

Язык ДТРП: ... *jyrgaru Jir Bajyrku jiriñä tägi sülädim, bunca jirkä jorytdym* (Ктм, 4). ‘Налево я пошел с войском вплоть до земли Йыр-Байырку, вплоть до стольких земель (стран) я доводил [войска] (заставлял идти)’.

Тур.: ... *bu adada da, dedi, istimbotsuz oturulmaz, aratıyorum, amma bir iş yarıyanını hâlâ bulduramadım*. ‘... и на этом острове не проживешь без катера, – сказал он – я ищу (букв. иницирую поиски), но подходящего пока не могу найти (букв. не могу добиться того, чтобы нашли)’.

Якут.: *Хараххын эмтэт*. ‘Ты полечи (букв. иницируй лечение) свои глаза’ (*эмтээ* – лечить, *эмтэт* – словоформа понудительного залога).

В таких высказываниях понудительный залог употребляется несколько непривычно для носителей нетюркских языков. Как видно из примеров, в таких случаях при глагольной словоформе не употребляется дополнение, которое выражало бы побуждаемый к действию объект, соответствующий реальному производителю исходного действия в объективной ситуации. Подобные употребления залога заставляют задуматься, действительно ли значение залога заключается «в передаче такого отношения между действием и связанным с ним предметом, при котором

предмет *побуждается* (курсив и выделение мое – М. Д.) к совершению действия, о котором идет речь» [Гузев 2011: 292].

Попытка определить залог как категорию, выражающую отношение между действием и связанным с ним предметом-объектом, на мой взгляд, опирается, прежде всего, на индоевропейстическую традицию. Ведь при анализе залоговых форм многие исследователи продолжают воспринимать их не как морфологические формы, а как некие синтаксические конструкции. Форма понудительного залога не является исключением. Это исходит, очевидно, из того, что в европейских языках всякая тюркская словоформа с этим аффиксом зачастую соответствует не отдельной словоформе, а целой каузативной конструкции. Например: турецкая словоформа *aldırmak* на русский язык переводится, по меньшей мере, двумя словами: 'побудить купить'. Нередко в специальной литературе отмечалось, что привязанность исследователей к своему родному языку и к тем средствам, которые присутствуют в родном языке, мешает беспристрастному анализу чужого языка. Перефразируя известные слова И.А. Бодуэна де Куртене, ошибочно было бы правила и значения одного языка накладывать на правила и значения другого языка, и тем самым объяснять один язык через другой. В этом отношении необходимо признать наличие отличительных характеристик каждого языка в целом и отдельных его составляющих, которые возникли в результате собственного пути, который каждый язык прошел в процессе своего становления. Подобное, как представляется, происходит и в случае с истолкованием значения понудительного залога. Исследователи вместо того, чтобы объективно рассматривать определенное морфологическое средство, зачастую сами того не осознавая, рассматривают те аналоги, в виде словосочетаний и целых высказываний, которые по семантике соответствуют этой форме в известном им языке. То есть, как было сказано выше, анализируется не грамматическое средство, а семантический эквивалент этого средства в своих родных, в основном европейских и славянских языках. Кроме того, тюркский понудительный залог нередко описывают так, словно бы это происходит исключительно для того, чтобы обучить иностранца владеть этим средством, поэтому дают лишь внешние характе-

ристики, т.е. как и к какому глаголу присоединять аффикс залога, как в высказывании употребляется слово, выражающее реального производителя действия (в виде дополнения) и т.д., при этом не отдавая себе отчет в том, что такие описания пригодны лишь для учебников, но не для теоретических изысканий, в которых эти описания нередко и присутствуют.

Прежде всего, хотелось бы подчеркнуть, что тюркский понудительный залог – это морфологическое, а не синтаксическое средство; это такая форма, которая по своей значимости для тюркской языковой системы не уступает, а может, даже и превосходит ту, которую имеет страдательный залог в системе европейских языков. Возможно даже, что не противопоставление значений ‘действительный – страдательный’, как это происходит в европейских языках, могло стать отправной точкой для развития всей тюркской категории залога, а нечто заложенное именно в значении понудительного залога. Косвенным доказательством подобной важности понудительного залога для тюркских языков может служить тот факт, что частотность употребления понудительного залога в текстах древних тюркских языков намного выше, чем частотность употребления других залоговых форм [Дубровина 2011: 174]. Во многих современных тюркских языках, как, например, в якутском, понудительный залог до сих пор употребляется намного чаще, чем словоформы других залогов – возвратного, взаимного и страдательного [Харитонов 1963: 51].

Можно отметить несколько существенных моментов, которые встречаются в тюркологической литературе при описании этого залога. Во-первых, в основном полагают, что главным звеном в высказывании, где употреблена форма понудительного залога, продолжает оставаться так называемый реальный производитель действия. Выражениями типа «субъект действия исходной основы», «фактический производитель действия», «тот, кто совершает исходное действие в действительности» пестрят описания, посвященные анализу этой формы. Среди американских тюркологов реального производителя действия принято и вовсе называть «вставленным подлежащим каузативной конструкции» [Эргуванлы 1897: 299]. Если же задаться вопросом, почему тюркологов больше заботит тот, кто в действительности

совершает действие, нежели субъект высказывания (подлежащее), то станет понятным, что в этом случае происходит, к сожалению, весьма типичное для многих лингвистических концепций смешение разных онтологических реальностей. В конкретном случае явно происходит смешение уровня объективной действительности с уровнем языковой системы, т.е. исследователь явно описывает не языковую систему, а ситуацию из окружающего мира.

Рассмотрим пример такого смешения:

Ahmet'e mektubu yazdırđım (хрестоматийный пример). 'Я попросил Ахмета написать письмо'. При анализе этого высказывания традиционно отмечают, что реальный производитель действия 'писать' Ахмет стоит в форме дательного падежа и выступает в предложении в качестве косвенного дополнения. Говоря так, исследователь подменяет анализ семантики самого высказывания анализом конкретной объективной ситуации, в которой Ахмет якобы пишет письмо по принуждению. Причем при подобном анализе вообще пытаются не обращать внимания на то лицо, которое собственно принуждает Ахмета к действию. В лучшем случае о нем могут упомянуть.

Однако речь-то должна идти не об объективной ситуации, а о конкретной языковой системе. Если мы разбираем турецкое высказывание, то на первый план, как представляется, должны выходить турецкие языковые средства и те значения, которые за ними закреплены в этом языке. Для теоретического анализа неправомерно полагать, что в высказывании *Ahmet'e mektubu yazdırđım* присутствует «вставленное предложение» *Ahmet mektubu yazdı* и оно-де и является ключевым для коммуникации. Такой подход сплошь и рядом можно наблюдать и в западной тюркологии, и в отечественной. Но применение его может быть оправданно, как было сказано выше, лишь в образовательных целях, когда в аудитории среди нетюрок, которые изучают турецкий (или любой тюркский язык), для упрощения приводят такие примеры.

Прежде всего, автор статьи, анализируя тюркские залоговые формы, пришел к твердому убеждению, что в залоговых формах нашла свое языковое выражение связь исключительно **между**

действием и его субъектом. Фактический материал не дает оснований для того, чтобы согласиться с теми, кто считает, что залог – это проявление отношения между действием, его субъектом и *объектом*. Основанием для такого вывода является следующая цепочка рассуждений.

Главной функцией языка признается коммуникативная, т.е. передача информации. Для этого информация или мыслительное содержание, подлежащее передаче, кодируется коммуникантом и с помощью языковых средств выражается в речи. Согласно данным логики, среди логических форм мышления важнейшим элементом выступает суждение – мысль, в которой присутствует два соотносимых понятия – субъект и предикат. [Колшанский 2012: 77–78]. Логический субъект и логический предикат являются двумя основными компонентами, с одной стороны, это тот необходимым минимум любой законченной мысли, с другой – то основное, что подлежит передаче в акте коммуникации. По определению П.В. Таванца, «субъект есть знание о предмете суждения. Предикат есть знание о признаке предмета» [Таванец 1955: 37–38]. Будучи предметом мысли, логический субъект – это то, что коммуникант ставит в центр своего высказывания, именно о нем коммуникант стремится передать нечто новое в виде предиката. Согласно самой распространенной позиции, логический субъект получает языковую форму в виде подлежащего предложения, предикат же – в виде сказуемого. Причем, как отмечает Г.В. Колшанский, вопрос об отношении логического субъекта и подлежащего **не может** основываться на отношении реального деятеля и логического субъекта [Колшанский 2012: 140], т.е. логический субъект мысли – это не обязательно реальный производитель действия.

Несмотря на все оговорки и варианты, в преобладающем количестве случаев предикат материализуется в глаголе или одной из его форм. Таким образом, выбор того или иного залога напрямую связан с тем, **что** или **кто** является тем предметом мысли, о котором коммуникант стремится сообщить некую информацию. На речевом уровне это находит свое отражение в том, какая конкретно лексема выступает в роли подлежащего. Таким образом, стремление говорящего сообщить новую информацию

о логическом субъекте подталкивает его находить те средства, которые позволяют ему высветить ведущую роль в высказывании именно субъекта мысли (логического субъекта). Как было сказано выше, логический субъект мысли в речевом высказывании получает вид грамматического субъекта или подлежащего. Зачем же заставлять язык создавать глагольное средство, с помощью которого на первый план будет выдвигаться информация об объекте действия, т.е. о некоем второстепенном компоненте? Ведь любой объект при действии является уточняющим элементом, как на мыслительном, так и на языковом уровне, и таким образом представляет собой именно второстепенный для коммуникации компонент.

Если же мы определяем понудительный залог как средство передачи связи действия и объекта, который понуждается к этому действию, тогда получается, что на первый план в коммуникации выходит не предмет мысли, а нечто второстепенное. Тогда зачем коммуникант в принципе говорит об этом? Что интересует говорящего, когда он составляет высказывание типа: *Ahmet'e mektubu yazdirim* – объект действия *Ahmet* или его субъект *ben*? На мой взгляд, естественно субъект *ben*. В противном случае, т.е. если бы говорящий хотел сообщить информацию об Ахмете, им была бы выбрана иная модель высказывания: *Ahmet mektubu benim zorlamamla yazdi* (Информант) 'Ахмет написал письмо по моему принуждению'.

Таким образом, объект действия по определению не может быть вовлечен в грамматическое значение залога, ибо весь интерес сосредоточен на отображении ситуации из двух участников – самого действия и его субъекта. Подходя к проблеме залога, автор предлагает сместить фокус интереса исследования с объекта действия, как это нередко происходит, на его субъект.

Ordu örgin anta itidim (1) çyt anta tokytdym (2) (Мч, 20). 'Я приказал сделать (1) там военный дворец, я приказал возвести (2) там стены'.

Этот пример явно демонстрирует, что интерес говорящего сосредоточен не на том, кого побуждают к действию, смысл высказывания достаточно точно указывает на то, что говорящего совсем не интересует личность реального производителя действия,

посредством введения аффикса понудительного залога происходит указание исключительно на того, кто побуждает к действию.

Большую пищу для размышлений в этом отношении предлагает фактический материал якутского языка. В нем исследователи регистрируют интересные случаи употребления словоформ с аффиксом понудительного залога:

Бу киһи харчытын уордарбыт (*уор* – ‘красть’, *уор+дар* – словоформа с аффиксом понудительного залога). Данное высказывание исследователь якутского языка Л.Н. Харитонов предлагает интерпретировать в несколько пассивном ключе, предполагая приобретение «понудительным глаголом» страдательного оттенка значения: ‘У этого человека украли деньги’ [Харитонов 1963: 64]. Между тем, наша позиция не дает никаких оснований для того, чтобы и смысл конкретной глагольной словоформы, и смысл всего высказывания представлять в страдательном виде, ибо мысль, которую хотел передать говорящий, заключается, очевидно, в том, чтобы высветить активную роль в совершении действия *уор* – ‘красть’ именно грамматического субъекта, т.е. *бу киһи* ‘этого человека’. На смысловом уровне высказывание должно интерпретироваться, как ‘*этот человек позволил (пустил) украсть свои деньги*’.

И фактический материал, и теоретические размышления все больше и больше подталкивают автора статьи к убеждению, что понудительный залог наделен функцией высвечивания активной роли субъекта в совершении действия. Может быть, это связано с тем, что в тюркских языках в парадигме категории залога отсутствует действительный залог, т.е. на грамматическом уровне связь между субъектом и действием никак не оформлена. Отсутствие показателя залога в ряде тюркских глаголов и глагольных словоформ вовсе не является свидетельством того, что действие имеет так называемое «агентивное» значение. Примеры показывают, что характер взаимоотношений между предметом (определяемым) и действием, называемым глагольной основой, совершенно неясен и выявляется только с опорой на все высказывание целиком. Зачастую основы тюркских глаголов, не имея аффикса залога, в своем лексическом значении могут иметь некоторую пассивную сему, например: тур. *doğ-* ‘рождаться’, *değiş-* ‘ме-

няться’, *piş-* ‘готовиться’ (о еде), *uyan-* просыпаться, *düş-* падать, *don-* замерзать; якут. *бус-* ‘вариться’, *уөскээ-* ‘возникать, появляться’.

Можно предположить, что наличие понудительного залога позволяет носителям языка указать в высказывании на то, что в совершении действия ведущая, активная роль принадлежит именно его субъекту. При таком подходе все те многочисленные случаи употребления понудительного залога, которые обнаруживаются по разным тюркским языкам, легко бы нашли свое объяснение. Вследствие чего не возникло бы необходимости говорить о том, что в каких-то ситуациях залог несет чисто каузативное значение, в каких-то – лишь употребляется для того, чтобы сделать исходный глагол переходным, а в каких-то – вообще имеет некий страдательный оттенок.

Таким образом, понудительный залог предлагается рассматривать как морфологическое средство указания на такую связь между действием и субъектом, при которой субъект понимается как *инициатор* действия, о котором идет речь. В значении этой залоговой формы содержится сигнал, что (исходное) действие совершается *по инициативе субъекта*, т.е. субъект действия выступает в качестве *инициатора* исходного действия. Тем самым, хотя действие совершается и не «его руками», его ведущая роль остается неизменной. Исходя из сформулированного значения залога, понятными становятся те многочисленные случаи употребления этой формы в высказываниях, в которых носители языка не чувствуют потребности в обозначении самостоятельным словом того, кто в реальном мире производит действие. В приведенном диалоге можно увидеть, что информант В полностью уверен в том, что действие совершил именно он:

А: *Sen bunu aldın mı?* – В: *Evet, aldırđım.* (Информант) ‘А: Ты это купил? – В: Да, я дал указания купить’.

Литература

Гузев 2011 – Гузев В.Г. Глагольное словоизменение в турецком языке // Очерки по теоретической грамматике восточных языков: Существительное и глагол. – 2011. – С. 289–351.

- Дубровина 2011 – *Дубровина М.Э.* Категория залога языка древнетюркских рунических памятников // Очерки по теоретической грамматике восточных языков / под ред. В.Г. Гузева. – 2011. – С. 159–178.
- Колшанский 2012 – *Колшанский Г.В.* Логика и структура языка. – Изд-е третье. – М., 2012.
- Таванец 1955 – *Таванец П.В.* Вопросы теории суждения. – М., 1955.
- Харитонов 1963 – *Харитонов Л.Н.* Залоговые формы глагола в якутском языке. – М.-Л., 1963.
- Эргуванлы 1987 – *Эргуванлы Э.* Нетипичный случай падежного оформления в турецкой каузативной конструкции // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIX. Проблемы современной тюркологии. – М., 1987. – С. 299–310.

Аннотация

В статье автор делает попытку вернуться к изучению тюркской категории залога с позиций теоретической лингвистики. Внимание автора было обращено на необычное для европейских языков использование каузативной формы в некоторых тюркских языках (в частности, в турецком и якутском языках). Традиционно многие лингвисты считают, что грамматическая форма каузатива сигнализирует о связи действия и объекта, при которой объект побуждается к действию. По мнению же автора, эта грамматическая форма является морфологическим указанием, во-первых, на отношения между действием и субъектом, а не объектом, а во-вторых, в значении формы заложена информация о том, что именно субъект при действии является его инициатором.

Ключевые слова

Понудительный залог, каузатив, каузатив в турецком языке, каузатив в якутском языке, грамматика тюркских языков, турецкая грамматика

Сведения об авторе

Дубровина Маргарита Эмильевна – кандидат филологических наук, доцент СПбГУ; e-mail: maggydu@rambler.ru

Margarita Dubrovina

Analysis of meaning of causative in Turkic languages (on the materials of the Turkish and Yakut languages)

Summary

The author makes an attempt to revert to the study of Turkic causative from the standpoint of theoretical linguistics. The author's attention was drawn to unusual

for European languages using of causative form in some Turkic languages (in Turkish, in Yakut). Traditionally, many linguists believe that grammatical form of causative signals connection of action and object in which the object has been induced to act. According to the author's opinion, this grammatical form is a morphological indication, firstly, of the relation between action and subject, rather than object, and secondly, subject is understood as initiator of the action.

Key words

Causative, causative in Turkish, causative in Yakut, Turkish grammar

Information about the author

Margarita Dubrovina – PhD in Philology, Associate Professor of Saint-Petersburg State University; e-mail: maggydu@rambler.ru

О.М. Кадырова

ОБ ИЗУЧЕНИИ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ МЕТОДОМ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ ТЕКСТОВ

Метод изучения параллельных текстов успешно применяется исследователями не одно столетие. Например, изучение трудов миссионеров, создававших переводы религиозных текстов («Отче наш» на 25 языках К. Геснера и др.). Чаще всего такой подход используется в практических целях – освоение иностранного языка. В наше время практикуется метод «Ильи Франка», предлагающий освоение неродного языка путем чтения текстов с подстрочным и параллельным переводом. Элементы данного метода используются и в студенческих аудиториях. Е.А. Оганова и Е.И. Ларионова предлагают сопоставительный метод для разъяснения сложных моментов турецкого языка русскоязычным слушателям. Речь идет о формах на *-та-* и на *-Длк-*, которым сложно подобрать аналоги в русском языке [Оганова 2014; 2016].

В 1950–1970-е гг. прошлого столетия в нашей стране активизировались сопоставительные исследования разнотипных языков, что выразилось в трудах Р. Якобсона, В.Н. Ярцевой, О.С. Ахмановой, А.И. Смирницкого и др. Это было связано с необходимостью усовершенствования преподавания русского языка в национальных школах [Закирьянов 2015]. Сопоставительный анализ русского языка с другими языками народов Советского Союза позволял акцентировать внимание обучающихся на типичных именно для их аудитории сложностях фонетики, морфологии, лексики, синтаксиса.

В наше время кроме проблемы способов обучения языкам актуален вопрос компьютерного анализа. Создаются корпуса национальных языков. А.В. Дыбо возглавляет проект корпусов миноритарных тюркских языков, И.В. Кормушин и И.А. Невская развивают проект корпуса древнетюркского языка, продолжая работу М. Эрдала и И.А. Невской [Невская 2000; 2005]. Специально для анализа корпусов тюркских языков разработаны анализаторы, позволяющие исследователю быстро находить морфемы в текстах с учетом их парадигмы. Тексты снабжаются параллельным переводом на русский язык [Дыбо 2014].

Существует мнение о том, что анализ параллельных текстов разнотипных языков является наиболее эффективным сопоставительным методом. По словам В.Б. Кашкина, это «естественный лингвистический эксперимент, поставленный самой практикой языковой деятельности» [Кашкин 2007: 12]. Исследователь считает данный метод наиболее «экономным», так как разноструктурность исключает интерферирующее влияние языка оригинала, сохраняя чистоту эксперимента. Результаты анализа помогают более эксплицитно представить скрытую грамматику исходного языка, соотнести ее с категориями явной грамматики, с универсальным инвентарем семантических и грамматических смыслов. И хотя переводчик может иметь собственное видение контекстной ситуации, в нарративном тексте разночтения бывают нечасто, к тому же, мы исследуем грамматические параллели, а не компетенцию переводчика. Когда исследователь читает записанные ранее безотносительно к его исследованию оригинальные тексты, у него появляется возможность абстрагироваться от личного восприятия и объективно рассмотреть изучаемые языковые реалии [Лемская 2006]. Поэтому и мы прибегаем к данному методу исследования турецких предложений с конвербами. В данной работе излагаются способы и предварительные результаты исследования романа современного турецкого автора Орхана Памука «Снег» [Pamuk 2002; Памук 2006]. Текст был выбран на основании того, что автор – носитель турецкого языка в его современном состоянии. Принципиально также то, что роман ранее переведен на русский язык А.С. Аврутиной безотносительно к нашему исследованию.

Турецкий текст, состоящий из 109 163 слов, был подвергнут полуавтоматической обработке, включавшей выделение и ручную разметку конвербов, употребленных в разных синтаксических и семантических контекстах, грамматическими тегами. Параллельно с этим была проведена работа по разметке русского перевода турецкого текста и выделены русские синтаксические конструкции, ставшие переводными эквивалентами турецких конвербов и конвербиальных клауз. Был проведен подсчет количественных характеристик указанных форм.

Объектом исследования стали четыре конвербиальные формы на *-Ip*, *-ArAk*, *-InC*, *-ken*. Цель исследования – выявить количественные и качественные характеристики турецких конвербов, сопоставить их с эквивалентами в тексте на русском языке, чтобы установить, какими формальными средствами происходит членение универсальных смысловых зон турецкого и русского языков.

Результаты изложены в таблицах 1, 2 и на графиках 1, 2, 3, 4, 5.

Основные итоги разметки русского и турецкого текстов

1. Исследование частотности встречаемости конвербиальных форм на *-Ip*, *-ken*, *-InC*, *-ArAk* показало, что форма на *-ArAk* оказалась менее встречаемой в турецком нарративном тексте, чем формы на *-Ip* и *-ken*, что совпадает с результатами Д. Слобина, который исследовал методом анкетирования употребление конвербов детьми, говорящими на турецком языке [Slobin 1995]. Форма на *-Ip* оказалась самой частотной и функционально востребованной.

Практическая значимость полученных данных заключается в том, что они позволяют сформулировать рекомендации по последовательности изучения турецких конвербиальных форм студентами, а также указать более предпочтительные конструкции для перевода с русского языка на турецкий язык.

2. Количественные данные подтвердили то, что свойства турецкой конвербиальной клаузы во многом соответствуют свойст-

вам финитной клаузы. При этом удалось выявить особенности употребления форм на *-ArAk*, которые в отличие от других конвербиальных форм не могут быть разносубъектными, что сближает их с русским деепричастиями (наибольшее число эквивалентов-деепричастий получили формы на *-ArAk*).

3. Изучая проблему линейной позиции конвербиальной клаузы в структуре предложения, удалось установить, что постпозиция как правило встречается только в предложениях с прямой речью, причем инверсия может быть обусловлена грамматическими правилами: глагол говорения *demek* замыкает прямую речь, а зависимый от него конверб должен быть употреблен либо до начала прямой речи, либо в постпозиции.

4. Разносубъектная конструкция для конверба на *-Ip* без участия общих для предикатов членов предложения, хотя и возможна в других тюркских языках, для турецкого, видимо, неграмматична. Эту проблему упоминает Ж. Корнфильт [Kornfilt 2007: 110], и это подтверждает наше исследование текста, в котором не встречалось конструкций с *-Ip*, не имеющих общего с основным предикатом актанта или сирконстанта.

5. Сопоставительный анализ конвербиальных форм с их переводными эквивалентами позволил сформулировать типологические различия турецкого и русского языков, которые в данном случае заключаются в доминировании тех или иных единиц разных уровней языка, служащих для передачи одинакового смысла.

Перспективы дальнейшей разработки темы

1. В перспективе необходимо дальнейшее изучение как отмеченных в работе форм, так и многих других.

2. В данном корпусном исследовании мы занимались конвербами на *-Ip*, *-ArAk*, *-Inca*, *-ken* – наиболее частотными формами. Однако необходимо изучать и другие конвербиальные формы, которых еще около ста и которые нужно размечать в большом количестве текстов в течение достаточно длительного времени.

Таблица 1.

Статистическая таблица результатов исследования

КОНВЕРБЫ В ТУРЕЦКОМ ТЕКСТЕ	-Ip	-ArAk	-InсA	-ken
Кол-во единиц в тексте	811	324	212	400
Линейная позиция				
Препозиция	99%	94%	100%	99%
Постпозиция	1%	6%	0%	1%
Синтаксическая роль конверба				
Сирконстант	70%	100%	100%	100%
Признаки сочинительной связи	30%	0%	0%	0%
Зависимые конверба				
Аргументы	30%	29%	47%	18%
Сирконстанты	36%	20%	24%	40%
Аргументы и сирконстанты	21%	20%	29%	23,5%
Нет зависимых	13%	31%	0%	18,5%
Разносубъектность	6%	0%	50%	34%
из них				
Субъект NP	70%		75%	83%
Субъект PRO	15%		25%	15,5%
Субъект рron	15%		0%	1,5%
Видо-временное значение				
Предшествование	52,5%		20%	0%
Одновременность	31%	100%	6%	100%
Непосредственное предшествование	16,5%		74%	0%
ПЕРЕВОДНОЙ ЭКВИВАЛЕНТ				
Часть речи				
Деепричастие (конверб)	29%	55%	30%	18%
Финитный глагол	58%	30%	68%	81%
Причастие	6%	4%	2%	1%
Инфинитив	4%	2,5%	0%	0%
Существительное	1,5%	7%	0%	0%
Прилагательное	1,5%	0%	0%	0%
Наречие	0%	1,5%	0%	0%
Дополняет поясняющий элемент	50%	4%	48%	36%
Видо-временное значение совпадает	95%	85%	91%	92%
Разносубъектность	54%	15%	63%	55%
из них				
субъект NP	42%	50%	77%	50%
Субъект PRON	50%	44%	10%	45%
Субъект рго	8%	6%	13%	5%

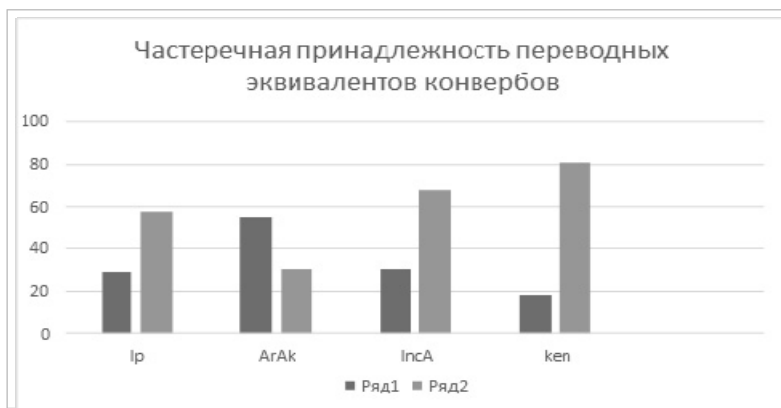
Линейная позиция эквивалента				
Препозиция	15%	28%	45%	48%
Постпозиция	20%	48%	15%	27%
Сочинение	65%	24%	40%	25%

Таблица 2.

Наиболее встречаемые переводные эквиваленты турецких конвербов

Аффикс конверба	Русское соответствие
-ken	'в то время как'; 'пока'; 'когда'; 'раз уж'
-IncA	'как только'; 'сразу после того, как'; 'немедленно'
-Ip	'когда'; 'после того как'; 'и'; бессоюзная сочинительная связь
-ArAk	деепричастные формы

График 1

Ряд 1 – деепричастия. Ряд 2 – финитные предикаты.

График 2

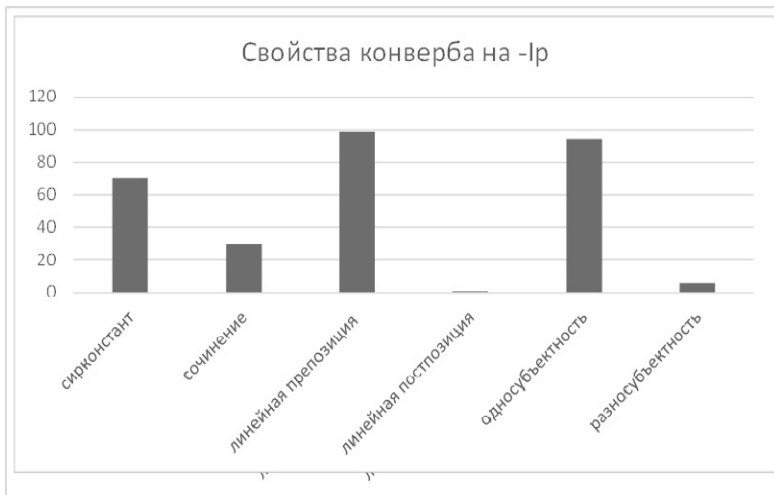

График 3

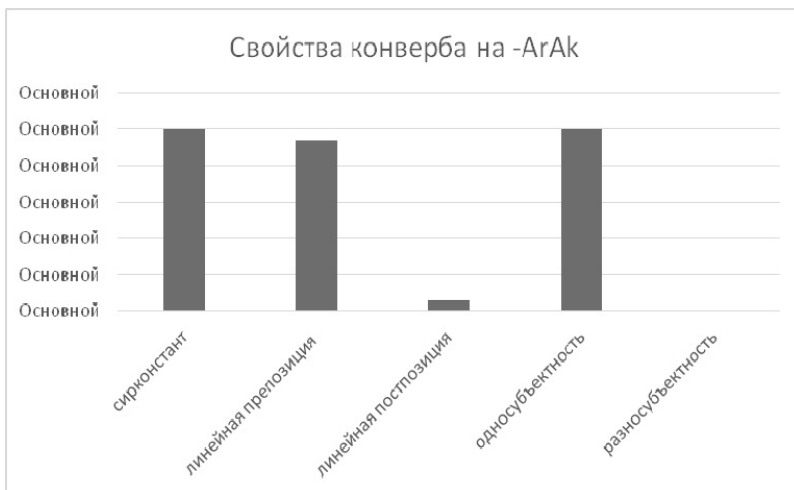

График 4

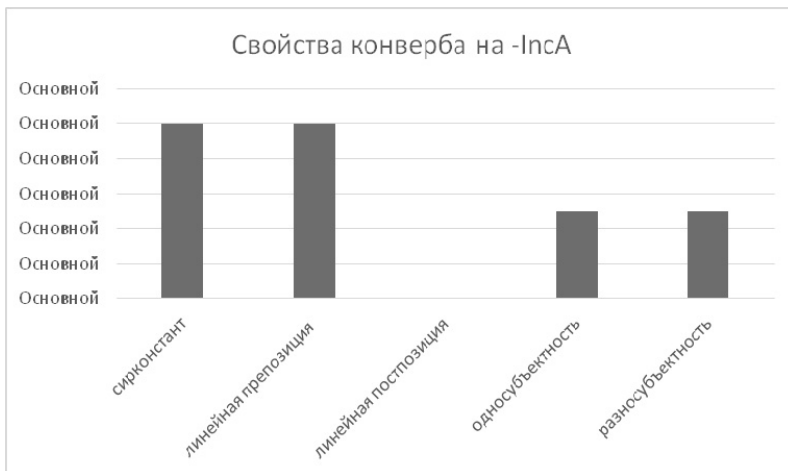
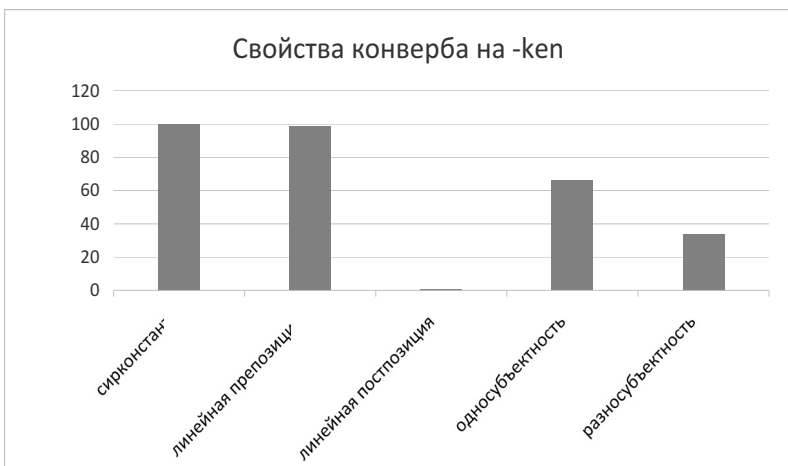

График 5

Литература

- Дыбо 2014 – *Дыбо А.В., Шеймович А.В.* Автоматический морфологический анализ для корпусов тюркских языков // Вестник ТГГПУ. Филология и культура. – 2014. – № 2 (36). – С. 20–26.
- Кадырова 2017 – *Кадырова О.М.* Опыт классификации турецких конвербов // Современный ученый. – 2017. – № 4. – С. 267–272.
- Кадырова 2015 – *Кадырова О.М.* Теоретические проблемы описания турецких конвербальных форм // The Fifth European Conference on Languages, Literature and Linguistics, February, 10, 2015. – Вена (Австрия), 2015. – С. 263–273.
- Кадырова 2016 – *Кадырова О.М.* Турецкие конвербы на -Ir: сочинение или подчинение // Успехи современной науки и образования. – 2016. – № 5. – С. 113–116.
- Кадырова 2016 – *Кадырова О.М.* Эквиваленты турецкий деепричастий в русскоязычном тексте (по материалам корпусного исследования) // Ислам и тюркский мир: проблемы образования, языка, литературы, истории и религии. Материалы VIII международной тюркологической конференции 22 апреля 2016. – Елабуга, 2016. – С. 238–242.
- Кашкин 2007 – *Кашкин В.Б.* Сопоставительная лингвистика. – Воронеж, 2007.
- Лемская 2006 – *Лемская В.М.* Потенциал применения методов корпусной лингвистики в рамках дескриптивного подхода в исследовании чулымско-тюркского языка // Вестник ТПУ. Серия: Гуманитарные науки (Филология). – 2006. – № 4 (55). – С. 174–177.
- Ладо 1989 – *Ладо Р.* Лингвистика поверх границ культур // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV. Контрастивная лингвистика / сб. статей под ред. В.Г. Гак. – М., 1989. – С. 32–62.
- Невская 2000 – *Невская И.А.* Электронный корпус древнетюркских текстов доисламского периода // Чтения памяти Э.Ф. Чиспиякова. Часть 2. Материалы научной конференции. – Новокузнецк, 2000. – С. 4–6.
- Невская 2005 – *Невская И.А.* Компьютерные базы лингвистических данных как основа для сохранения и возрождения коренных тюркских языков Сибири // Образование и устойчивое развитие коренных народов Сибири. – Новосибирск, 2005. – С. 90–99.
- Оганова 2016 – *Оганова Е.А.* Из опыта преподавания турецкого глагольного имени на -mA русскоязычным студентам // Актуальные вопросы тюркологических исследований / сб. статей под ред. Н.Н. Телицина, Й.Н. Шена. – СПб., 2016. – С.72–80.
- Оганова 2014 – *Оганова Е.А., Ларионова Е.И.* Инновации в преподавании турецкого языка в России: сопоставительный метод // Актуальные вопросы тюркологических исследований. Сб. статей к 75-летию В.Г. Гузева. – СПб., 2014. – С.158–165.
- Памук 2006 – *Памук О.* Снег / пер. А.С. Аврутиной. – СПб., 2006.

- Реформатский 1987 – *Реформатский А.А.* О сопоставительном методе // Лингвистика и поэтика. – М., 1987. – С. 40–52.
- Щерба 1974 – *Щерба Л.В.* Преподавание иностранных языков в средней школе. Общие вопросы методики. – М., 1974.
- Электронный корпус хакасского языка. <http://khakas.altaiqa.ru/html> (дата обращения 30.09.2017).
- Ярцева 1981 – *Ярцева В.Н.* Контрастивная грамматика. – М., 1981.
- Kornfilt 2007 – *Kornfilt J.* Nominal and nominalized finite clauses in Turkish. – Oxford, 2007.
- Slobin 1995 – *Slobin D.I.* Converbs in Turkish child language: a grammaticalization of event coherence // Martin Haspelmath, Ekkehard König. Converbs in Cross-Linguistic Perspective: Structure and Meaning of Adverbial Verb Forms – Adverbial Participles, Gerunds. – Berlin-New York, 1995. – P. 349–372.
- Pamuk 2002 – *Pamuk O. Kar.* – İstanbul, 2002.

Аннотация

Работа содержит некоторые сведения об итогах и перспективах изучения тюркских языков методом анализа параллельных текстов. Речь идет в основном о сопоставлении элементов текста. В частности, автор приводит описание и основные итоги собственного исследования, посвященного свойствам турецких конвербов на *-Ip, -InçA, -ken, -ArAk*. Исследование проводилось методом анализа нарративного текста на турецком языке и текста его перевода на русский язык, который был сделан ранее безотносительно к исследованию автора.

Ключевые слова

Сопоставительное языкознание, корпус языка, контрастивные исследования, контрастивная грамматика, сопоставление текстов, турецкие конвербы

Сведения об авторе

Кадырова Ольга Михайловна – младший научный сотрудник отдела Языков народов Азии и Африки Института Востоковедения Российской Академии Наук (ИВ РАН); e-mail: alfabem@yandex.ru

Olga Kadyrova

Study of Turkic languages by analyzing parallel texts

Summary

The paper gives information about results and perspectives of text-based contrastive analysis gained by studying properties of Turkic languages. It is basically

about mapping elements of texts. Particularly the paper offers some results gained by studying properties of Turkish converbs with markers *-Ip*, *-InçA*, *-ken*, *-ArAk*. The author analyzes elements of a narrative text in the Turkish language and their equivalents in Russian. The Russian translation has been made previously regardless to the work.

Key words

Contrastive linguistics, corpus of language, contrastive analysis, contrastive grammar, text-based studies, Turkish converbs

Information about the author

Olga Kadyrova – Junior Researcher of the Department of Asian and African Languages at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences; e-mail: alfabem@yandex.ru

Т.В. Лосева-Бахтиярова

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ БОЛИ В ТУРКМЕНСКОМ ЯЗЫКЕ

Данная работа посвящена исследованию глагольных и именных предикатов, связанных с ситуацией телесного дискомфорта на материале туркменского языка.

Как правило, глагольное семантическое поле в языке довольно многочисленно (ср. глаголы движения, речи и т.д.). Изучение семантического поля «боль» в других языках мира показывает, что собственно глаголов боли всего несколько (1-2, максимум 5): ср. в русском – один: ‘болеть’, в английском – два: *to ache, to hurt*; в немецком – тоже два: *schmerzen, wehtun*. Специфика лексической зоны боли в том, что основная масса болевой лексики заимствуется из других полей: движения, горения, деформации и пр. «Именно такого рода картина – с некоторыми вариациями в конкретных языках – и претендует, по-видимому, на универсальность: в поле боли есть небольшое “ядро” – максимум из нескольких собственно болевых глаголов (которые, кстати, как правило, представляют собой довольно близкие и не очень четко различающиеся квазисинонимы), а все остальные противопоставления обслуживаются в нем переносными значениями “гастарбайтеров” из других семантических классов» [Концепт боль в типологическом освещении 2009: 9].

Данный этап нашего исследования включает в себя вычленение собственно глаголов боли. Предметом исследования также являются имена, обозначающие боль и ее разновидности. В основном, работа ведется в синхронном аспекте, но с привлечением этимологических данных, а значит, имеет выход на диахронический план.

Специальные глаголы боли в туркменском языке представлены глаголом *agyrmak* ‘болеть’ (о каком-либо органе или части тела) и его устным диалектным вариантом с долгим у – по-видимому, развившимся звукоподражательным путем – *agyrymak* ‘ощущать боль в течение долгого времени, ощущать затяжную боль’.

Agyrmak имеет исконно тюркское происхождение. Этот общетюркский глагол является производным от именного члена глагольно-именных омонимов *a:g ~ a:g-*, семантика которых охватывается значениями ‘боль’ ~ ‘болеть’ [ЭСТЯ 1974: 85]. Это неопредельный глагол из класса стативных предикатов.

Синтаксическая конструкция при этом следующая: часть тела или орган, испытывающие боль, являются подлежащим и стоят в основном падеже; лицо, испытывающее боль, оформляется аффиксом принадлежности: *kelläm agyrýar* ‘у меня болит голова’ досл. ‘голова моя болит’.

Причина боли выражается исходным падежом: *kelläm şakyrđydan agyrýar* ‘от шума болит голова’. Либо причина боли занимает позицию подлежащего, орган или часть тела, испытывающие боль – прямого дополнения, сам же глагол ставится в форме понудительного залога: *şakyrđy kellämi agyrtdy*.

Agyrmak универсален в плане сочетаемости с любой частью тела или органом, а также ситуации, вызывающей боль. Это может быть как внешний стимул, так и внутренние нарушения в организме. Он также не передает различия, было ли это одномоментное давление, действие, или это длительное состояние. Ср. в немецком языке: «*schmerzen* – когда боль намного глубже... а *wehtun* это то, что случается резко, что не заходит так далеко» [Лосева-Бахтиярова 2013: 7]. Глагол, как правило, стоит в форме настоящего времени на *-ýar*.

Данный глагол передает также душевные ощущения, что подчеркивает синкретизм самой природы боли. При этом синтаксическая конструкция остается прежней, но вместо названий органа или части тела выступают слова ‘душа’, ‘нутро’: *ýaşayýsuna janym agyrýar* ‘у меня болит душа (я переживаю, печалюсь) от того, как он живет’; *birine nebsiň agyrmak* ‘болеть душой о ком-то’. Однако, как подчеркивают сами носители туркменского языка, «переживания эти без особой горести». *Agyrmak*

также образует наименования лентяев и тунеядцев: *hiç zada jany agyrmadyk* ‘душа его ни о чем не болит’.

Следующим выражением значения ‘испытывать боль’ является сочетание слова ‘боль’ с глаголами со значением ‘испытывать’, ‘ощущать’: *agyry duýmak/çekmek/synmak*. Орган или часть тела соединяются со словом ‘боль’ посредством одноаффиксного изафета: *diş agrysy duýýaryn* ‘у меня болит зуб’ – досл. ‘я испытываю зубную боль’. Данное сочетание используется в туркменском языке намного реже.

С его помощью также передается душевная боль: *nebis agrysy bilen* ‘с болью в душе’, а само слово *agyry* помимо огорчения, обиды может передавать что-то надоедливое, доставляющее заботы, хлопоты.

Agyry является исконным и общетюркским обозначением боли: туркм., ктат., аз. *agyry*; тур. *agrı*; гаг. *ary*; каз. *avru*; кбалк., ккалп. *avruv*; узб. *og'riq*; кырг., алт. *oru*; хак. *agyryg*; тув. *aryg*; баш. *авурув*; тат. *авуру*; лоб. *aryjuk*; як. *yary*.

Боль имеет различные разновидности в зависимости от характера и интенсивности: *yüregiñe düşüp barýan agyry*, *yiti agyry* ‘острая боль’, *sanjy* ‘режущая боль’, *çydap bolmaýan agyry* ‘невыносимая боль’, *syzlap duran agyry* ‘ноющая боль’, *güýçli agyry* ‘сильная боль’.

Как мы видим, в данном случае могут использоваться отдельные наименования или описательные конструкции.

В туркменском языке слово *agyry* может также употребляться в значении ‘болезнь’: *göz agrysy* ‘глазная болезнь’. Данное значение, однако, является устаревшим.

Следующее по частотности обозначение боли в туркменском языке – персидское заимствование *dert*. Но, в отличие от *agyry*, оно передает только душевную боль, горе, мучение: *derdini gozgamak* ‘бередить чьи-то сердечные раны’, *derdini paylaşmak* ‘поделиться с кем-то своим горем’, а в переносном значении означает ‘хлопоты’, ‘обуза’: *olaryň dertleri özlerine ýetik* ‘у них своих хлопот хватает’.

При этом отметим, что в значении ‘болезнь, недуг’ *dert*, как и *agyry*, употребляется и для описания физических ощущений: *agyr dert* ‘тяжелая болезнь’.

Та же ситуация и с наименованием *kesel*: ‘боль’ как душевные страдания, муки и ‘болезнь, недуг’ как физическое состояние: *gan azlyk keseli* ‘анемия’, *ýokanç kesel* ‘инфекционное заболевание’.

Кроме этого, *kesel*, в отличие от *agyry* и *dert*, также обозначает ‘больной, нездоровый, хворый’.

Значение как физической, так и душевной боли в туркменском языке может передаваться именной конструкцией: слово ‘боль’ плюс слово ‘есть, имеется’. Лицо, испытывающее боль, обозначается притяжательным аффиксом: *kelle agyrym bar* ‘у меня голова болит’ – досл. ‘моя головная боль есть’; *jan agyrym bar* ‘сердце/душа болит’. Именной предикат в данном случае используется реже глагольного.

В отличие от ‘болеть’, где процесс в основном представляется продолжительным, ‘больно’ обычно передает временное явление. В туркменском языке конструкция с ‘больно’ строится так же, как и с глаголом ‘болеть’: лицо, испытывающее боль, оформляется аффиксом принадлежности, в такой конструкции участвует часть тела, которая занимает позицию подлежащего, то есть мы имеем субъектную синтаксическую конструкцию: ‘мне больно’ – *hemme ýerim agyryýar* – досл. ‘все мои места болят’; *nebsim agyryýar* ‘мне больно’ – досл. ‘моя душа болит’. Ср. в русском языке – лицо, испытывающее боль, ставится в дательном падеже, а название части тела отсутствует: ‘мне больно’.

Другой специальный глагол в этой области – ‘болеть’ в смысле ‘иметь заболевание, быть нездоровым, недомогать’. В отличие от узбекского языка, где в данном значении употребляется уже описанный нами *og’rimoq*, в туркменском языке в этом случае используются другие глаголы: *kesellemek* и *syrkavlamak*.

Это же значение передается сочетанием имени ‘больной, недомогающий’ и вспомогательного глагола: *kesel/syrkav bolmak*.

Если же указывается заболевание, то оно занимает место части тела или органа, а лицо, испытывающее недомогание, занимает позицию подлежащего: *men dümev bilen keselledim* ‘я заболел гриппом’.

Возможна именная конструкция: *men kesel/syrkav* ‘я болен’.

Отметим, что ситуация ‘болеть’ = ‘болит’ и ‘болеть’ = ‘болеет’ различаются в отношении субъекта действия, а также валент-

ностей: на часть тела или орган, который болит, и на заболевание.

Можно заметить, что заболевание не означает непременно появления собственно болевых ощущений.

Остальные глаголы, относящиеся к лексике боли, как уже говорилось выше, заимствованы из других семантических полей путем метафорического переноса.

Литература

- Концепт боль в типологическом освещении 2009 – *Бонч-Осмоловская А.А., Рахилина Е.В., Резникова Т.И.* Глаголы боли: лексическая типология и механизмы семантической деривации // Концепт боль в типологическом освещении. – Киев, 2009.
- Лосева-Бахтиярова 2013 – *Лосева-Бахтиярова Т.В.* Человек не может всегда быть один, или одиночество это помощник // R.I.P. – 2013. – N. 44.
- Падучева 2004 – *Падучева Е.В.* Динамические модели в семантике лексики. – М., 2004.
- Русско-туркменский словарь. – М., 1956.
- Современный русско-туркменский словарь. – М., 2015.
- Туркменско-русский словарь. – М., 1968.
- ЭСТЯ 1974 – *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков: Общeturкские и межтюркские основы на гласные. – М., 1974.
- ЭСТЯ 2003 – *Насилов Д.М., Левитская Л.С., Благова Г.Ф.* Этимологический словарь тюркских языков: Общeturкские и межтюркские основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С». – М., 2003.

Аннотация

Работа посвящена вычленению и исследованию специальных глаголов боли на материале туркменского языка. Предметом рассмотрения также являются имена, обозначающие боль. Нами было определено, одним или разными глаголами (и именными предикатами) передаются физическая и душевная боль, и существует ли при этом разница в синтаксических конструкциях. Мы также проследили сочетаемость глаголов и имен с частями тела или органами, испытывающими боль, и ситуацией, ее вызывающей.

Ключевые слова

Специальные глаголы боли, физическая боль, душевная боль, лексическое значение, синтаксическая конструкция

Сведения об авторе

Лосева-Бахтиярова Танем Валерьевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры тюркской филологии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: uni_philology@yahoo.com.

Tanem Loseva-Bahtiyarova

Special verbs of pain in the Turkmen language

Summary

The author tries to single out and researches special verbs and nouns defining pain in the Turkmen language. The author analyses if physical pain and mental anguish have the same or different way of representation. The article considers possibility to combine verbs and nouns with parts of body or organs and situation that causes pain.

Key words

Special verbs of pain, physical pain, mental anguish, lexical sense, syntactical construction

Information about the author

Tanem Loseva-Bahtiyarova – PhD in Philology, Head Teacher at the Department of Turkic Philology, Institute of Asian and African Studies of Lomonosov Moscow State University; e-mail: uni_philology@yahoo.com.

Е.М. Напольнова

ОТГЛАГОЛЬНОЕ ИМЯ НА -(Y)İŞ И РАЗВИТИЕ СЕМАНТИКИ ТУРЕЦКИХ ГЛАГОЛОВ

Начатая в 1932 г. в Турецкой Республике языковая революция была нацелена на создание полноценного национального языка. В этой связи принято говорить об отказе от арабо-персидской лексики, однако фактически не менее насущной была необходимость развития синтаксиса турецкого языка, практически не менявшегося в течение нескольких столетий в связи с использованием турецкого языка только в качестве разговорного. Эти два направления эволюции языка актуальны и в наши дни.

Для создания новых лексем используется ряд словообразовательных аффиксов с разной степенью активности. Среди наиболее активных показателей можно назвать *-(y)ım* и *-ti*: *al-ım sat-ım* ‘купля-продажа’ от *al-* ‘покупать’ и *sat-* ‘продавать’, *dinle-ti* ‘концерт’ от *dinle-* ‘слушать’ вместо заимствованного *konser* ‘концерт’ и т.д. Несистематичность этого процесса не позволяет разграничить семантику отдельных показателей.

Основой синтаксиса сложного предложения в современном турецком языке являются отглагольные имена (масдары на *-ma* и *-mak*), субстантивно-адъективные формы (САФ) на *-dik* и *-(y)acak*, причастия и деепричастия, однако условия их использования в сочетании с достаточно жестким порядком слов значительно утяжеляют синтаксическую структуру высказываний.

Отглагольное имя на *-mak* в современном турецком языке утвердилось в качестве словарной формы глаголов и используется в высказываниях без посессивных аффиксов в функции субъекта (1), предиката (2) и прямого дополнения в форме неформального аккузатива (3), а также в форме локатива (4) и

аблатива (5) (показатели двух последних падежных форм фонетически не влияют на показатель *-mak*):

- (1) *Sigara iç-mek öldür-ür*
Сигарета пить-NMLZ убивать-AOR
'Курение убивает',
- (2) *Zenginlik çok şey-e sahip ol-mak değil*
Богатство много вещь-DAT хозяин быть-NMLZ NEG
az şey-e ihtiyaç duy-mak-tır
мало вещь-DAT потребность чувствовать-NMLZ-IND
'Богатство состоит не в обладании большим количеством вещей, а в потребности в малом количестве вещей',
- (3) *Bura-da otur-mak isti-yor-um*
Это.место-LOC сидеть-NMLZ хотеть-PRS-1SG
'Я хочу сидеть здесь',
- (4) *Oraya yarın git-mek-te fayda var*
То.место-DAT завтра идти-NMLZ-LOC польза иметься
'Туда имеет смысл пойти завтра',
- (5) *Otur-mak-tan varis ol-ur mu?*
сидеть-NMLZ-ABL варикоз быть-AOR Q
'Может развиться варикоз от сидения?'

С показателями датива, аккузатива (которые должны привести к редукции ауслатного *-k* → *-ğ-*) и генитива в литературном языке *-mak* не используется, т.е. сужение сферы использования может быть обусловлено даже фонетически.

Отглагольное имя на *-ma* используется с разными падежными показателями, часто лексикализуется (*savun-ma* 'оборона, защита' от *savun-* 'обороняться, защищаться', *iç-ur-t-ma* 'воздушный змей' от *iç-ur-t-* 'заставлять летать, запускать'), в составе устойчивых изафетных словосочетаний может использоваться в функции определения без посессивных показателей (6), а в остальных случаях обычно используется с посессивными показателями (7, 8):

- (6) *otur-ma grub-u*
сидеть-NMLZ группа-POSS3SG
'мягкая мебель',

- (7) *Gel-me-si-ni* *isti-yor-um*
 приходит-NMLZ-POSS3SG-ACC хотеть-PRS-1SG
 ‘Я хочу, чтобы он пришел’,
- (8) *yap-il-ma-sı* *gerek-en-ler*
 делать-PASS-NMLZ-POSS3SG требоваться-PC-PL
 ‘то, что нужно сделать’.

САФы не лексикализируются и используются только с посессивными показателями:

- (9) *gel-diğ-im* *gün*
 приходит-SAF-POSS1SG день
 ‘день, когда я пришел’,
- (10) *gel-eceğ-in-i* *bil-iyor*
 приходит-SAF-POSS2SG-ACC знать-PRS
 ‘знает, что ты придешь’.

Масдар на *-ma* и субстантивно-адъективные формы за редкими исключениями в высказываниях не могут замещать друг друга, т.к. выбор одного из них определяется семантикой управляющего глагола.

В ряде случаев необходимость использования посессивных показателей существенно осложняет высказывание, и, соответственно, язык ищет новые, более компактные, синтаксические средства.

Интересующий нас показатель $-(y)ı\i\text{ş}/-(y)ı\i\text{ş}/-(y)u\i\text{ş}/-(y)ü\i\text{ş}$ используется во многих тюркских языках в качестве словообразовательного аффикса [СИГТЯ 1988: 448].

В современном турецком языке этот показатель демонстрирует высокую степень активности и используется в двух функциях: как словообразовательный аффикс и как аффикс отглагольного имени, наделенного синтаксическими функциями – то есть отвечает обеим указанным выше задачам. Ввиду отсутствия соответствующих исследований некоторые семантические особенности лексем на $-(y)ı\i\text{ş}$, рассматриваемые ниже, побудили нас хотя бы поверхностно сопоставить использование формы на $-(y)ı\i\text{ş}$ в двух литературных произведениях – романах Сабахаттина Али «Мадонна в меховом мантио» (1940) (МММ) и Орхана Па-

мука «Черная книга» (1990) (ЧК). Статистический анализ частотности этой формы, который учитывал бы ее использование в разных функциях, не проводился, однако в ЧК имя на $-(y)ı\text{ş}$ используется чаще. Кроме того, между двумя произведениями обнаруживаются существенные различия в сфере использования этого показателя.

С функционально-семантической точки зрения у имени на $-(y)ı\text{ş}$ можно выделить следующие характерные черты.

▪ Имя на $-(y)ı\text{ş}$ может характеризовать процесс протекания действия, указанного в глагольной основе, например:

(11) *nefes al-ı\text{ş}-ı* (ЧК)
дыхание брать-*I\text{Ş}*-POSS3SG
'то, как она дышала',

(12) *kafa tut-u\text{ş}-u*
голова держать-*I\text{Ş}*-POSS3SG
'то, как она держала голову'.

▪ В лексикализовавшихся употреблении имени на $-(y)ı\text{ş}$ значение протекания действия часто отсутствует: *gir-ı\text{ş}* 'вход' от *gir-* 'входить', *bak-ı\text{ş}* 'взгляд' от *bak-* 'смотреть' и др.

▪ В ЧК отсутствие у $-(y)ı\text{ş}$ значения протекания действия очевидно из его регулярного использования для описания повторяющихся действий, например:

(13) *bir budalalık-lar ve aldan-ı\text{ş}-lar dizi-si*
один глупость-PL и обманываться-*I\text{Ş}*-PL серия-POSS3SG
'ряд глупостей и попыток обмануть себя',

(14) *her adım-ı-mi at-ı\text{ş}-ı-nda*
каждый шаг-POSS3SG-ACC бросать-*I\text{Ş}*-POSS3SG-LOC
'при каждом шаге',

(15) *üçüncü anlat-ı\text{ş}-ı*
третий рассказ-*I\text{Ş}*-POSS3SG
'когда рассказывал в третий раз'.

▪ Для имени на $-(y)ı\text{ş}$ (как и неологизмов с другими словообразовательными аффиксами) характерна функция замещения

заимствования, например: *de-yiş* ‘выражение’ от *de-* ‘говорить’ вместо арабского заимствования *ifade* с тем же значением.

▪ В отдельных случаях за счет использования имени на *-(y)iş* создаются компактные выражения, которые значительно удлинились бы при использовании других языковых средств, например в ЧК:

- (16) *diş macun-u gülümse-yiş-ler-i*
 зуб паста-POSS3SG улыбаться-*IŞ*-PL-POSS3SG
 ‘ее улыбки, напоминающие рекламу зубной пасты’.

Сравнение двух указанных литературных произведений позволяет выделить следующие особенности использования имени на *-(y)iş*.

В МММ имя на *-(y)iş* в значительно большей степени, чем в ЧК, сохраняет свою глагольную природу. Это находит выражение в том, что

▪ во-первых, с помощью этого показателя регулярно образуются имена от составных глаголов (заимствованная лексема + вспомогательный глагол) (17, 18):

- (17) *mecbur ol-uş-u*
 вынужденный быть-*IŞ*-POSS3SG
 ‘то, что он был вынужден (сделать это)’;

- (18) *müracaat et-me-yiş-im*
 обращение AUX-NEG-*IŞ*-POSS1SG
 ‘то, что я не обратился (с заявлением)’;

▪ во-вторых, показатель присоединяется к глагольной основе с отрицанием (18, 19):

- (19) *orada hiç uğra-ma-yiş-im*
 туда совсем заходить-NEG-*IŞ*-POSS1SG
 ‘то, что я туда никогда не заходил’;

▪ и в-третьих, отмечено выражение кратного повторения действия в форме, характерной для глаголов:

- (20) *ikinci bir defa ev-ler-i-ne gid-iş-im-de ...*
 второй один раз дом-PL-POSS3SG-DAT идти-*IŞ*-POSS1SG-LOC
 ‘когда я пошел к ним домой во второй раз, ...’

Использование *-(y)iş* с составными глаголами отмечается и в других источниках того же периода (пример О.Н. Каменевой):

- (21) *Bu çok malum fikra-yı tekrar*
 этот очень известный анекдот-ACC повторение
ed-iş-im-e sebep ... (Akşam)
 AUX-*IŞ*-POSS1SG-DAT причина
 ‘Причина того, что я повторяю этот очень известный анекдот ...’.

▪ Для МММ характерна возможность замены формы на *-(y)iş* на масдар *-ma*:

- (22) *Her akşam aynı saat-te gel-iş-i*
 каждый вечер тот.же час-LOC приходить-*IŞ*-POSS3SG
bu-nu göster-iyor-du
 это-ACC показывать-PRS-PST

‘Об этом свидетельствовало то, что она каждый вечер приходила в одно и то же время’,

вместо *gel-iş-i* возможно *gel-me-si*.

▪ Возможность замены на САФ зафиксирована нами в МММ только в одном случае:

- (23) *her hatırla-yış-ta insan-in iç-i-ni*
 каждый вспоминать-*IŞ*-LOC человек-GEN нутро-POSS3SG-ACC
sızla-t-iyor
 нуть-CAUS-PRS

‘душа ноет каждый раз, когда человек вспоминает’,

вместо *hatırla-yış-ta* возможно *hatırla-dığ-in-da*, но с посессивным показателем, что в данном случае несколько изменит синтаксические связи в высказывании.

В ЧК

▪ не обнаружено примеров использования показателя *-(y)iş* в сочетании с составными глаголами;

▪ выражения кратного повторения действия используются регулярно и строятся в форме, характерной не для глагола, а для имени (24),

▪ формы на *-(y)ış* регулярно используются в синтаксических функциях, делающих возможным их замену как на масдар *-ta* (24), так и на САФы (25, 26):

(24) *yeraltı-na bu birinci in-iş-ten*
под.землей-DAT этот первый спускаться-*IŞ*-ABL
'из этого первого путешествия под землю',

вместо *in-iş-ten* возможно *in-me-si-nden*, но с посессивным показателем,

(25) *ben-i çağır-dığ-ı hayâl alem-i-ne*
я-ACC звать-SAF-POSS3SG воображение мир-POSS3SG-DAT
çekin-meden gir-iş-im-e bak-arak ...
стесняться-CV входить-*IŞ*-POSS3SG-DAT смотреть-CV
'глядя на то, что я без стеснения вошел в мир его фантазий ...',

вместо *gir-iş-im-e* возможно *gir-diğ-im-e*,

(26) *ilk oğl-u-nu bir gün bırak-arak*
первый сын-POSS3SG-ACC один день оставлять-CV
yurtdışı-na gid-iş-i ...
заграница-DAT идти-*IŞ*-POSS3SG
'то, что он однажды уехал за границу, бросив своего сына ...'

вместо *gid-iş-i* возможно *git-me-si*.

▪ В то же время имя на *-(y)ış* и в ЧК продолжает сохранять глагольное управление в сочетаниях с существительными (27):

(27) *gerçek-ler-e göz-ler-i aç-ış*
настоящий-PL-DAT глаз-PL-ACC открывать-*IŞ*
'то, что он наконец увидел реальность'.

Если говорить об использовании отглагольного имени на *-(y)ış* в бытовой речи, то, по нашим наблюдениям, оно ограничивается лексикализовавшимися случаями, а таковых в современном языке насчитывается очень большое количество, вклю-

чая высокочастотные составные лексемы как *al-iş ver-iş* ‘торговля, покупки («шопинг»)’ от *al-* ‘брать, покупать’ и *ver-* ‘давать, продавать’, *gid-iş dön-üş* ‘туда-обратно’ от *git-* ‘идти’ и *dön-* ‘возвращаться’ и др. Использование этого отглагольного имени в синтаксических функциях и замены им конструкций с масдарами или САФами в бытовой речи мы не отмечали. Такое положение связано с большей, по сравнению с письменной речью, простой синтаксиса устных высказываний.

Все сказанное позволяет говорить о том, что показатель на *-(y)iş* представляет собой активно (значительно более активно, чем другие показатели отглагольных имен) развивающееся языковое средство, которое может использоваться для выполнения как словообразовательных, так и синтаксических функций. Преимуществом *-(y)iş* перед масдарами и САФами является отсутствие синтаксических и каких-либо иных ограничений на его использование. Словообразовательные функции *-(y)iş* задействованы как в разговорном, так и в литературном (т.е. обработанном и сознательно нормируемом) языке. Его использование в синтаксических функциях на современном этапе развития турецкого языка является признаком литературного языка и в значительной степени авторским выразительным средством.

Еще одну особенность форм на *-(y)iş* мы заметили при исследовании семантики глаголов *yürü-* ‘шагать’ и *kalk-* ‘вставать, подниматься; трогаться с места’.

В [ТРС 1977], подготовленном с использованием изданий [ТС] за 1963 и 1966 гг., для *yürü-* как глагола перемещения указаны значения ‘двигаться, ходить, идти, маршрутировать, шагать’ и ‘пройтись, прогуляться’; в [ТС], изданном в 1989 г. – ‘передвигаться вперед шагами, идти’, ‘постоянно перемещаться по суше или по воде в каком-либо направлении’, ‘ходить, идти пешком’. Для отглагольного имени *yürüyüş* в 1977 г. – значения 1. ‘движение, ход, шаг’, 2. ‘походка, аллюр’, 3. ‘поход, марш, пробег, прогулка’, а в 1989 г. отмечается значительное расширение спектра значений *yürüyüş* – ‘ходьба или способ ее осуществления’, ‘ходьба со спортивными целями’, ‘групповая ходьба с целью протеста или привлечения внимания к проблеме’ [ТС] (примеры 28-30 – наши):

- (28) *yürüyüş yap-*
 ходьба делать
 ‘совершать прогулку’,
- (29) *yürüyüş band-ı*
 ходьба лента-POSS3SG
 ‘тренажер для ходьбы’,
- (30) *Taksim’-de-ki 1 Mayıs tören-ler-i-ne*
 Таксим-LOC-ADJ 1 май торжество-PL-POSS3SG-DAT
katıl-acak grup-lar yürüyüş-ler-i-ne başla-dı
 участвовать-FUT группа-PL ходьба-PL-
 POSS3SG-DAT начинать-PST
 ‘Группы, которые будут участвовать в праздновании 1 мая на площади Таксим, начали свое шествие’.

На сайте [TDK] за 2017 г. существенных изменений в значениях глагола и отглагольного имени по сравнению с 1989 г. не отмечается, однако обнаруженные нами актуальные примеры указывают на то, что с распространением марша как формы выражения общественного мнения, соответствующее значение отглагольного имени перешло на исходный глагол в финитной форме, т.е. усилился компонент сознательно-активности:

- (31) *İzmir 9 Eylül’-de terör-e karşı yürü-yor*
 Измир 9 сентябрь-LOC террор-DAT против шагать-PRS
 ‘9 сентября в Измире состоялось шествие против террора’,
- (32) *İstanbul Boğaziçi köprü-sü-ne yürü-dü*
 Стамбул Богазичи мост-POSS3SG-DAT шагать-PST
 ‘Жители Стамбула двинулись к мосту Богазичи’,
- (33) *İstanbul Berkin Elvan için yürü-yor*
 Стамбул Беркин Эльван для шагать-PRS
 ‘Жители Стамбула участвуют в шествии в память Беркина Эльвана’.

Таким образом, можно констатировать опережающее развитие семантики формы на *-(y)üş* и следующее за ним развитие семантики глагола *yürü-* за счет включения в его значение семы сознательно-активного действия.

Ряд последних примеров указывает на то, что сема сознательно-активности перемещения *yürü-* постепенно распространяется и на виртуальное перемещение:

(34) *Terim, nereye yürü-yor?*

Терим куда шагать-PRS
‘Куда движется Терим?’

(35) *Benim amaç-ım güzel gün-ler-e yürü-mek*
Мой цель-POSS1SG красивый день-PL-DAT шагать-NMLZ
‘Моя цель – стать счастливым’

(36) *Kraliçe 2. Elizabeth rekor-a yürüyor*
Королева 2 Елизавета рекорд-DAT шагать-PRS
‘Королева Елизавета II идет на рекорд’,

при наличии стандартного выражения *rekor-a git-* ‘рекорд-DAT идти’ → ‘идти на рекорд’,

(37) *Asla yalnız yürü-me-yecek-sin*
ни.в.коем.случае одинокий шагать-NEG-FUT-2SG
‘Тебе никогда не придется идти в одиночку’

(плакат в поддержку Р.Т. Эрдогана после попытки государственного переворота в 2016 г.),

(38) *Adam kız-a yürü-yor* (сленг)
мужчина девушка-DAT шагать-PRS
‘Он «клеит» девушку’.

Глагол *kalk-* (др.-тюрк. *qalı-* ‘подниматься, взлетать; прыгать, скакать; подпрыгивать; вздыбливаться, вставать на дыбы’ [ДТС: 411]) и его этимологические эквиваленты в других тюркских языках в самом общем смысле описывают направленное вверх движение – «подниматься», часто резкое (формы интенсивного действия от *қал-* ‘вставать, подниматься’ при помощи афф. *қ-* [ЭСТЯ 1997: 224–226]).

В турецком языке в первичном значении *kalk-* описывает вставание с места человека и животных, и распространилось на транспортные средства регулярного сообщения (автобус, поезд и т.д.) в значении начала движения:

- (39) *tren / otobüs / vapur kalk-ıyor*
поезд / автобус / пароход отправляться-PRS
'поезд / автобус / пароход отправляется',

при невозможности, например,

- (40) **bisiklet kalk-ıyor*
велосипед отправляться-PRS
*'велосипед отправляется'.

Выделение регулярных транспортных средств в отдельную категорию с использованием иных языковых инструментов характерно и для русского языка: в сочетании с их названиями используются глаголы *ходить, идти*, однако невозможно **мотоцикл ходит, идет*.

Соответственно, из летающих аппаратов *kalk-* сочетается только с самолетом и является стандартным выражением момента отправления, а не начала движения вообще:

- (41) *Uçak kaç-ta kalk-tı?*
самолет сколько-LOC отправляться-PST
'Во сколько вылетел самолет?'

Большинство респондентов указывает на несовместимость лексем *kalk-* с *kuş* 'птица' и с названиями видов птиц, хотя имеются и противоположные примеры:

- (42) *Kartal kalk-ar dal salk-ar* (скороговорка)
орел вставать-AOR ветка качаться-AOR
'Орел взлетает, ветка качается',

- (43) *Tam sigara yak-ıyor-du-m ki kuş kalk-tı*
точно сигарета зажигать-PRS-PST-1SG что птица вставать-
PST
'Я как раз закуривал, когда птица взлетела'.

Причиной отступления от узуса в первом случае является необходимость создания трудноартикулируемого ритмического рифмованного выражения, а во втором случае, судя по общей тематике текста, речь идет об охотничьем профессионализме.

Появление новых реалий, описание которых старыми языковыми средствами трудно или невозможно, требует «переосмысления значений языковых форм в процессе их приспособления к новому номинативному заданию» [ЯН 1977: 91]. Соответственно, развитие летательных аппаратов определило необходимость создания языковых средств для описания различных стадий их движения. В результате характерной для современного турецкого языка активизации глагольного имени на *-(y)iş*, речь о котором шла выше, лексема *kalkış* освободилась от характерной для исходного глагола семы ‘отправление регулярного транспортного средства’ и приобрела более общее значение ‘старт, взлет’ в отношении как самолета (44), так и других воздушных и наземных аппаратов:

- (44) *Uçak kalkış-a geç-iyor*
самолет взлет-DAT переходить-PRS
‘Самолет взлетает’,
- (45) *Füze kalkış-ı-nı izle*
ракета взлет-POSS3SG-ACC следить
‘Наблюдай за взлетом ракеты’,
- (46) *gemi-den kalkış yap-ma-ya çalış-an*
корабль-ABL взлет делать-NMLZ-DAT работать-PC
helikopter
вертолет
‘вертолет, пытающийся взлететь с корабля’,
- (47) *balon kalkış alan-ı*
шар взлет площадка-POSS3SG
‘стартовая площадка для воздушного шара’,
- (48) *kalış yarış-ı* (синоним *drag yarış-ı* от англ. *drag racing*)
старт гонка-POSS3SG
‘дрэг-рейсинг’.

В примерах 45, 46 и 47 невозможна замена *kalkış* на *kalkma*, так как последняя форма сохраняет значение исходного глагола, а в отношении самолета образовалось две пары антонимов: *kalkış iniş* ‘взлет – посадка’ и *kalkış varış* ‘вылет – прилет’.

Носители турецкого языка, владеющие литературным языком, безусловно соглашаются с наличием указанного различия в значении исходного глагола и имени *kalkış*, хотя и не замечают его без специального указания. По их словам, в современном языке по-прежнему невозможно использование исходного глагола в отношении нерегулярных транспортных средств, однако обнаруженные нами отдельные примеры указывают на то, что влияние имени *kalkış* все же приводит к модификации значения и расширению лексической сочетаемости самого глагола – пока лишь в нефинитных формах:

- (49) *Kalk-ış-ta* *Vettel* *ve* *Alonso*
 встать-NMLZ IŞ-LOC Феттель и Алонсо
bir-bir-ler-i-yle *uğraş-ırken* 3. *sıra-dan*
 один-один-PL-POSS3SG-INS заниматься-CV 3 очередь-ABL
kalk-an *Massa liderliğ-e* *otur-du*
 встать-PC Масса лидерство-DAT садиться-PST
 ‘Пока на старте Феттель и Алонсо боролись друг с другом, стартовавший с третьей позиции Масса захватил лидерство’ (о гонках Формулы-1),

- (50) *füze* *kalk-tıĝ-ı* *zaman*
 ракета встать-SAF-POSS3SG время
 ‘когда взлетает ракета’.

Эти примеры позволяют говорить о том, что в турецком языке, как и в русском, «у глаголов движения семантические процессы тесно связаны с изменением характера субъекта действия, что влечет за собой различные движения внутри глагольного класса, его внутреннее развитие» [Копорская 1996: 118].

В отношении отглагольного имени на *-(y)ış* можно утверждать, что оно представляет собой одно из языковых средств, с помощью которого современный турецкий язык активно заполняет семантические и синтаксические лакуны.

ГЛОССЫ

- ABL – отложительный падеж (аблатив)
ACC – винительный падеж (аккузатив)
ADJ – показатель имени прилагательного (адъективизатор)
AOR – аорист (настоящее-будущее время)
AUX – вспомогательный глагол
CAUS – понудительный залог
CV – деепричастие (конверб)
DAT – дательный падеж (датив)
FUT – будущее время
IND – изъявительная модальность
INS – инструментальный падеж (инструментатив)
LOC – местный падеж (локатив)
NEG – отрицание
NMLZ – имя действия (номинализатор)
PASS – пассивный залог (пассив)
PC – причастие
PL – множественное число
POSS – посессивный показатель
PRS – настоящее время
PST – прошедшее время
Q – вопросительная частица
SAF – показатель субстантивно-адъективной формы (именной отглагольной формы, которая может использоваться в функции как существительного, так и прилагательного)
SG – единственное число
1 – первое лицо
2 – второе лицо
3 – третье лицо

Литература

- ДТС 169 – Древнетюркский словарь. – М.-Л., 1969.
Копорская 1996 – Копорская Е.С. «Семантический архетип» глаголов физического движения в его отношении к строению глагольного класса // Словарь. Грамматика. Текст. – М., 1996.
TDK – Официальный сайт Турецкого лингвистического общества. <http://www.tdk.gov.tr> (дата обращения 01.10.2017).
СИГТЯ 1988 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. – М., 1988.

ТРС 1977 – Турецко-русский словарь. – М., 1977.

ЭСТЯ 1997 – Этимологический словарь тюркских языков: Общeturкские и межтюркские основы на буквы К, Қ. – М., 1997.

ЯН 1977 – Языковая номинация. – М., Наука, 1977.

Источники примеров

Akşam – газета «Akşam» за 29.07.1932. <http://gazeteler.ankara.edu.tr/dergiler/2399/171034/29029.pdf> (дата обращения 01.09.2017).

МММ – *Ali, Sabahattin. Kürk Mantolu Madonna.* – 1940.

ЧК – *Pamuk, Orhan. Kara Kitap.* –1990.

Аннотация

Отглагольное имя на *-(y)ış* используется во многих тюркских языках. В современном турецком языке этот показатель демонстрирует высокую степень активности и используется в двух функциях: как словообразовательный аффикс и как аффикс отглагольного имени, наделенного синтаксическими функциями. Его важной особенностью в отличие от отглагольных имен на *-ma, -mak* и *-dik/-(y)acak* является отсутствие ограничений в использовании, что отвечает как задаче развития синтаксиса современного турецкого языка, так и задаче формирования новых лексем.

Ключевые слова

Турецкий язык, отглагольное имя, номинализация в турецком языке

Сведения об авторе

Напольнова Елена Марковна – кандидат филологических наук, доцент Университета Озйегин, Турция; e-mail: elenapolnova@yahoo.com

Elena Napolnova

Verbal noun ending in *-(y)ış* and development of semantics of Turkish verbs

Summary

Nominalization affix *-(y)ış* is used in many Turkic languages. In modern Turkish language, this form demonstrates a high degree of activity and is used in two

functions: as a derivational verbal affix as well as a nominalization affix in forms with syntactic functions. Its important feature, in contrast to verbal nouns ending in *-ma*, *-mak* or *-dik/-(y)acak*, is lack of restrictions in usage. This reflects need for both syntax development of the modern Turkish language and formation of new lexemes.

Key words

Turkish language, verbal nouns, nominalization in Turkish

Information about the author

Elena Napolnova – PhD in Philology, Associate Professor of Özyeğin University, Turkey; e-mail: elenapolnova@yahoo.com

Ю.В. Норманская, Ф.Ш. Нуриева

ДИАЛЕКТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРВЫХ КИРИЛЛИЧЕСКИХ КНИГ НА ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

В настоящее время распространено воззрение, что письменность для уральских и алтайских языков России на основе латинской и кириллической график создавалась в рамках политики языкового строительства Советского государства после 1917 г., тогда же началось активное создание литературных языков, нормативных словарей и грамматик, обучение детей грамоте на родных языках. В некоторых энциклопедических статьях при описании конкретного языка мы найдем информацию о том, что на этом языке было издано несколько книг и до 1917 г., но практического значения для создания письменности они не имели.

В 2015 г. во время работы в Национальной библиотеке Финляндии мы обнаружили более тысячи книг на уральских и алтайских языках, созданных до 1917 г. в рамках миссионерской деятельности Русской православной церкви. Часть этих текстов хранится в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге. Собрания этих библиотек частично пересекаются, но довольно много книг, которые есть только в одной из этих библиотек. Еще какое-то количество изданий находится в библиотеках и архивах Москвы, Казани, Йошкар-Олы, Австрии и др. Некоторые из этих книг, в основном по уральским языкам, имеются в открытом доступе на сайтах библиотек Санкт-Петербурга [Интернет 1] и Хельсинки [Интернет 2]. Но еще приблизительно около тысячи книг, в первую очередь, по тюркским языкам, лежат в хранилищах библиотек, и многие из них отсутствуют даже в каталогах, как сообщали нам в дирекции национальной биб-

лиотеки Финляндии. Часть книг не имеет твердого переплета, книги очень ветхие и, видимо, в связи с этим часто теряются. В Национальной библиотеке Финляндии около 20% книг, перечисленных в каталоге, уже утеряно. За 2 года постоянной работы мы не раз сталкивались с тем, что книга, которую мы успели оцифровать и вернуть в библиотеку, через несколько месяцев также оказывалась утраченной. В связи этим нам представляется крайне важной и срочной максимально полная оцифровка этих книг и их анализ с целью установления значимости этих книг для создания письменности и для истории конкретных языков.

Подавляющее большинство найденных книг были переведены в результате деятельности Переводческой комиссии Православного миссионерского общества. Она была создана во второй половине XIX в. (1869) и находилась в ведении Братства Св. Гурия, образованного в 1867 г. в г. Казани. У истоков Переводческой комиссии стояли видные филологи и миссионеры Н.И. Ильминский, В.В. Миротворцев, И.Я. Яковлев. С начала 90-х гг. XIX в. ее возглавлял профессор Казанской Духовной Академии М.А. Машанов. Комиссия работала по официально признанной системе Н.И. Ильминского, в основе которой лежит первоначальное обучение детей с опорой на родной язык. Н.И. Ильминский был приверженцем простых, понятных переводов, предлагал учитывать при работе особенности разговорного языка. Каждый перевод, подготовленный тем или иным лицом, посылался для чтения и исправления лицам, хорошо владевшим родным языком. После того, как он становился безупречным с точки зрения языка, точности и назидательности, рукопись рекомендовалась к печати.

Окончание эпохи создания этих текстов совпало с Октябрьской революцией 1917 г. В XX столетии, в основном, видимо, по идеологическим причинам изучение этих памятников не приветствовалось. В настоящее время нет даже полного каталога этих текстов, словарей и грамматик. Наши пилотные исследования показали, что в научной и религиозной современной литературе нет данных о более чем 70% памятников, которые нам удалось найти, проанализировав далеко не полную коллекцию фондов!

В результате деятельности Переводческой комиссии на 50 языках России были созданы первые переводы Евангелия, другой

богослужебной и назидательной литературы, словари, грамматики и буквари на этих языках. В настоящее время мы нашли переводы изданий на следующие уральские и алтайские языки: тюркские: татарский, крымско-татарский, башкирский, казахский, азербайджанский, узбекский, алтайский, якутский, чувашский; монгольские: бурятский, калмыцкий; тунгусские: эвенский, эвенкийский, нанайский; уральские: ливский, чудский, карельский, саамские, черемисский (марийский), эрзянский, мокшанский, коми-зырянский, коми-пермяцкий, вотяцкий (удмуртский), хантыйский, мансийский, ненецкий, селькупский. Предварительный филологический анализ этих памятников показывает, что в большинстве случаев перевод делался на несколько диалектов каждого из языков. Например, марийские памятники есть как минимум на трех сильно различающихся диалектах, которые в настоящее время считаются разными языками: на луговом, волжском и горном, саамские на двух диалектах: кильдинском и нотозерском, мансийские – на кондинском (восточно-мансийском), пельмском и других приуральских (западно-мансийских) диалектах. И для других языков явно видно, что памятники создавались в разных районах на основании разных диалектов, которые, правда, различаются не столь сильно, как языки, перечисленные выше. Например, эрзянские памятники принадлежат к трем диалектным группам: северной, северо-западной и центральной, удмуртские к северной, срединной и южной и т.д.

Как было сказано выше, большая часть этих книг (более тысячи изданий разного объема от 30 до 400 страниц) ранее не была введена в научный оборот; многие из них неизвестны специалистам по перечисленным языкам ни у нас, ни за рубежом. При этом важность этого материала для изучения истории уральских и алтайских языков трудно переоценить. Как минимум для 20 языков в рамках деятельности Переводческой комиссии впервые были разработаны письменность, словари, грамматики, тексты. В научной литературе при описании создания письменности, например, на мансийском или на селькупском языках кратко указывается факт существования некоторых из этих изданий, но отмечается, что особого значения для становления письменности они не имели, не подчеркивается и важность фиксации в них опреде-

ленного языкового среза, фактически первого для большинства уральских и алтайских языков. В устных беседах, на конференциях мне также доводилось неоднократно слышать высказывания о том, что эти фиксации не представляют особенного интереса в связи с крайней неточностью в передаче языковых данных и многочисленными «ошибками». При этом исследования первых кириллических книг, созданных в рамках деятельности Переводческой комиссии на татарском [Нуриева 2015; Нуриева 2017; Норманская, Нуриева 2017], на чувашском [Савельев 2016], на башкирском [Норманская, Каримова, Эмба 2016 а, б, в], на казахском [Шаймердинова 2016; Дыбо, Норманская 2016], на саамском [Бакула 2016; Норманская 2016], на селькупском [Норманская 2015], на удмуртском [Безенова 2015, 2016, 2017], на пельымском мансийском [Норманская 2015; Норманская, Кошелюк 2017] и на марийском языке [Ключева, Норманская 2015] показали, что эти книги выполнены на высоком научном уровне, они имеют **системные** отличия от современных литературных языков, но эти особенности связаны, в первую очередь, с тем, что они были написаны на диалектах соответствующих языков. Выяснение биографий их авторов, места их рождения, выявление родного диалекта и соотнесение графических особенностей с современным диалектом, распространенным в районах проживания создателей книг, показывает, что в большинстве случаев они практически не отличаются. Это является свидетельством того, что, с одной стороны, большинство диалектов за 100–150 лет, прошедшие со времени создания первых книг, изменились очень незначительно, с другой, точность фиксации близка к той, которую современные ученые получают лишь в результате анализа диалектов в фонетической программе Праат. При этом следует учитывать, что большинство миссионеров не имели филологического образования, а были носителями языка либо русскими священниками, работавшими в плотном контакте с наиболее образованными и верующими носителями, поэтому мы можем лишь восхищаться точностью их работы.

В настоящей статье мы бы хотели остановиться на разборе результатов, полученных при анализе первых кириллических книг на татарском языке.

Первые словари татарского языка уже были проанализированы в докторской диссертации [Юсупова 2009]. Словари И. Гиганова – татарско-русский и русско-татарский – были изданы в 1801 и 1804 гг. Эта деятельность была продолжена другими авторами. В XIX в. вышли в свет словари А. Троянского (1833, 1835), С. Кукляшева (1859), Л. Будагова (1869, 1871), К. Насыри (1878, 1892), Ш. Габдельгазиза (1893), М. Юнусова (1900). В этих словарях татарский материал приводился в арабской графике. Начиная с 1876 г. стали появляться первые кириллические словари, созданные в рамках деятельности переводческой комиссии, Н. Остроумова (1876, 1892), Миссионерского общества (1880, 1882, 1886, 1888, 1891), А. Воскресенского (1894).

В работе [Юсупова 2009] проведен графический анализ арабграфических словарей А. Троянского (1833, 1835), Л. Будагова (1869, 1871), С. Кукляшева (1859), М. Юнусова (1900). Показано, что «довольно большое количество слов передано графически в традиционном старотатарском (древнетюркский вариант) языке. Это объясняется тем, что некоторые словари были составлены как учебные пособия для чтения древне- и старотюркских и старотатарских текстов» [Юсупова 2009]. Действительно, в ряде случаев мы видим в этих словарях архаизированные формы, без фонетических изменений, прошедших в татарском языке, например, *бугдай* ‘пшеница’ [Троянский 1833: 219] – лит. тат. *бодай*; *агыз* ‘рот, уста’ [Троянский 1833: 52] – лит. тат. *авыз*; *капуг* ‘ворота’ [Будагов 1871: 65] – лит. тат. *капка*; *тәкәрмәч* ‘колесо’ [Кукляшов 1859: 33] – лит. тат. *тәгәрмәч* и т.д.

В кириллических словарях, созданных в рамках деятельности Переводческой комиссии: Остроумов (1876); Словарь татарского языка (1880) (последний словарь в настоящее время в электронном виде с параллелями из литературного татарского языка доступен на сайте <http://lingvodoc.ispras.ru>), принципы записи слов таковы, что формы оказываются значительно более близкими к современному татарскому языку. Несомненно, это объясняется тем, что комиссия работала по официально признанной системе Н.И. Ильминского, по которой за основу переводов миссионерской литературы следовало брать понятный простому народу разговорный язык.

Для того чтобы выяснить, насколько особенности, выделенные нами на материале словарей, не случайны, Ф.Ш. Нуриева проанализировала помимо словарей еще семь кириллических книг, созданных в период с 1862 до 1908 г.:

- 1) Священная история от сотворения мира до кончины Иосифа по книге Бытия, изложенная на народном татарском языке (1862) [Священная история 1862];
- 2) Святое Евангелие Господа нашего Иисуса Христа на народно-татарском языке (1866) [Евангелие 1866];
- 3) Первый опыт словаря народно-татарского языка по выговору крещенных татар Казанской губернии. Составитель Николай Остроумов (1876) [Словарь 1876];
- 4) Словарь татарского языка (1880) [Словарь 1880];
- 5) Требникъ на татарском языке (1881) [Требник 1881];
- 6) Попыты переложения христианских вероучительных книг на татарский и другие инородческие языки (1883) [Опыты 1883];
- 7) Чын ден княгясе [Учение о православной вере] (1897) [Учение 1897];
- 8) Земная жизнь Господа нашего Иисуса Христа (1900) [Земная жизнь 1900];
- 9) Святое Евангелие господа нашего Иисуса Христа на татарском языке (1908) [Евангелие 1908].

При анализе первых трех книг [Опыты 1883; Учение 1897; Евангелие 1908] Ф.Ш. Нуриевой был выявлен ряд изоглосс, которые есть во всех рассмотренных изданиях. Эти признаки были подробно описаны в статье [Нуриева 2015], здесь кратко перечислим их:

- 1) Под влиянием [o], [ø] 1-го слога происходит огубление негубных кратких [ы], [e] последующих слогов: *бйбня* [Евангелие 1908: 21] – лит. тат. *венә* ‘в дом’, *тблкбләрнен* [Евангелие 1908: 21] – лит. тат. *төлкеләрнең* ‘лис’;
- 2) В ряде случаев (в корнях указательных местоимений) [o] 1-го слога соответствует неогубленное [ы]: *былай* [Евангелие 1908: 36; Учение 1897: 37] – лит. *болай* ‘так, таким образом’, *мыны* [Евангелие 1908: 23; Учение 1897: 37] – лит. *моны* ‘так’;

3) В конечном слоге литературному *-у, -ү* (долгим) обычно соответствует дифтонг *-ьу/-еү*: *ышаньу* [Евангелие 1908: 21] – лит. *ышану* ‘поверить’, *куркьу* [Евангелие 1908: 22] – литер. *курку* ‘испуг’, *тьйьу* [Евангелие 1908: 22] – лит. *тью* ‘запрещать’;

4) В текстах книг литературному *й* в начале слова соответствует звонкий *ж*, например: *жсараулы* [Учение 1897: 4] – лит. тат. *яраклы* ‘пригодный’;

5) Литературному *х* часто соответствует *к*, как в тюркских, так и в заимствованных словах, например: *курльй* [Евангелие 1908: 23] – лит. тат. *хурльй* ‘оскорбляет’, *катын* [Учение 1897: 26] – лит. тат. *хатын* ‘жена’;

6) Фарингальный звук *h* в арабских заимствованиях в анлауте всегда опускается: *әр* [Учение 1897: 7] – лит. тат. *һәр* ‘каждый’, *ичкем* [Учение 1897: 17] – лит. тат. *һичкем* ‘никто’;

7) *n* в соответствии с лит. тат. *ф* в персидских и арабских заимствованиях: *пяриштя* [Евангелие 1908] – лит. тат. *фәрештә* ‘ангел’, *пайда* [Евангелие 1908] – лит. тат. *файда* ‘польза’;

8) В текстах наблюдаются отдельные случаи употребления вместо заднеязычного *ң* переднеязычного носового *n*: *төлкөләрнен* [Евангелие 1908: 21] – литер. *төлкеләрнең* ‘лис’, *башлыгынын* [Евангелие 1908: 25] – литер. *башлыгының* ‘главного’, *шуннан сун* [Евангелие 1908: 25] – литер. *шуннан соң* ‘после этого’.

Оказалось, что привлечение материала еще по шести источникам [Священная история 1862; Евангелие 1866; Словарь 1876; Словарь 1880; Требник 1881; Земная жизнь 1900] дает следующий результат: лишь в одном, самом раннем, памятнике [Священная история 1862] часть упомянутых особенностей отсутствует и есть другие графические особенности. Они будут подробно рассмотрены ниже. Материал же пяти более поздних памятников письменности [Евангелие 1866; Словарь 1876; Словарь 1880; Требник 1881; Земная жизнь 1900] показывает те же признаки, выделенные в статье [Нуриева 2015]. Особенности № 2–8 присутствуют абсолютно регулярно во всех памятниках.

Еще одна черта регулярно представлена во всех рассмотренных книгах за исключением [Священная история 1862]:

9) Написание *ей* в соответствии с лит. *и* дифтонгического происхождения:

тейеишез [Земная жизнь 1900] – лит. тат. *тиеишез* ‘неположено’; *итмейче* [Земная жизнь 1900] – лит. тат. *итмичэ* ‘не сделав, не совершив’; *тейеуэннян* [Требник 1881] – лит. тат. *тиоеннан* ‘от прикосновения’; *ябей* [Требник 1881] – лит. тат. *яби* ‘бабушка’; *телейбез* [Требник 1881] – лит. тат. *телибез* ‘хотим’; *тейеишле* [Евангелие 1908] – лит. тат. *тиеишле* ‘положенные’; *эчмей* [Евангелие 1908] – лит. тат. *эчми* ‘не пьет’.

Наиболее существенной для определения диалектной принадлежности рассматриваемых книг является особенность № 1: графическое отражение губного сингармонизма, огубление кратких [ы], [е] второго слога в позиции после [о], [ə] первого слога, которое присутствует в книгах [Словарь 1880; Земная жизнь 1900] во всех словоформах, а в [Евангелие 1866; Словарь 1876; Требник 1881; Евангелие 1908] только в части случаев. При этом статистика наличия огубления [ы], [е] второго слога в лексемах, которые имеют [о], [ə] в первом слоге, в этих четырех книгах разная. В [Словарь 1876; Требник 1881] примеры с огублением встречаются в подавляющем большинстве случаев (примерно в 20 раз чаще, чем без огубления). В [Евангелие 1866], наоборот, примеры с огублением достаточно редкие, примерно в 5 раз чаще встречаются словоформы без огубления [ы], [е] второго слога. В [Евангелие 1908] примеров с огублением [ы], [е] второго слога несколько больше, чем в [Евангелие 1866], но все равно случаи без огубления встречаются примерно в три раза чаще. Приведем примеры этих случаев:

[Евангелие 1866]. Под влиянием [о], [ə] первого слога огубление НЕ происходит: *жюкыдан* – лит. *йюкыдан* ‘из сна’ (1: 24); *жондызчыларь* – литер. *йолдызчылар* ‘звездочеты’ (2: 1)¹; *жондызчыларны* – литер. *йолдызчыларны* ‘звездочетов’ (2: 7); *жюкыдан* – лит. *йюкыдан* ‘из сна’ (1: 24); *жсӧргезясе* – литер. *йӧртӧсе* ‘необходимость водить’ (2: 6); *тӧшендя* – лит. *тӧшендӧ* ‘во сне’ (2: 13); *ӧченчӧ* – лит. *ӧченче* ‘третий’. **Огубле-**

¹ Полу жирным шрифтом отмечены слова, наличие/отсутствие огубления в которых различается в зависимости от издания Евангелия.

ние происходит: *оло* – литер. *олы* ‘большой’ (2: 4, 6); *төгӧль* – лит. *тугел* ‘нет’ (2: 6); *ӧчӧнь* – лит. *ӧчен* ‘ради’ (2: 18).

[Евангелие 1908]. Под влиянием [o], [ø] первого слога огубление НЕ происходит: *жокыдан* – лит. *йокыдан* ‘из сна’ (1: 24); *жондызчыларны* – литер. *йолдызчыларны* ‘звездочетов’ (2: 7); *жӧргезясе* – литер. *йӧртәсе* ‘необходимость водить’ (2: 6); *тӧшендя* – литер. *тӧшендә* ‘во сне’ (2: 13). Огубление происходит: *жондозчыларь* – литер. *йолдызчылар* ‘звездочеты’ (2: 1); *оло* – литер. *олы* ‘большой’ (2: 4, 6); *төгӧль* – литер. *тугел* ‘нет’ (2: 6); *ӧчӧнь* – лит. *ӧчен* ‘ради’ (2: 18); *ӧчӧнчӧ* – литер. ‘*ӧченче*’ (3).

[Словарь 1876]. Огубление НЕ происходит: *борчыл* – литер. *борчыл* ‘беспокоиться, утомиться’ [Словарь 1876: 60]; *жӧзенче* – литер. *йӧзенче* ‘сотый’ [Словарь 1876: 73]; *кӧзге* – литер. *кӧзге* ‘осенний’ [Словарь 1876: 90]; *кӧшел* – литер. *кӧшел* ‘кучи’ [Словарь 1876: 92]. Огубление происходит: *коро* – литер. *коры* ‘сухой’ [Словарь 1876: 92]; *жондоз* – литер. *йолдыз* ‘звезда’ [Словарь 1876: 74]; *бӧркӧт* – литер. *бӧрке* ‘орел, беркут’ [Словарь 1876: 60].

[Требник 1881]. Огубление НЕ происходит: *сорыйбыз* – лит. *сорыйбыз* ‘просим’ [Требник 1881: 11]. Огубление происходит: *ӧлӧш* – литер. *өлеш* ‘доля’ [Требник 1881: 11]; *торогуыз* – лит. *торыгуыз* ‘вставайте’ [Требник 1881: 12]; *кӧйӧ* – лит. *кӧе* ‘напев’ [Требник 1881: 11].

Таким образом, на основании этой особенности можно условно разделить памятники № 2–9 на три группы:

1) огубление гласных [ы], [е] второго слога происходит всегда, если в первом слоге есть [o], [ø]: [Словарь 1880; Земная жизнь 1900];

2) огубление гласных [ы], [е] происходит в подавляющем большинстве случаев, если в первом слоге есть [o], [ø]: [Словарь 1876; Требник 1881];

3) огубление гласных [ы], [е] происходит достаточно редко, если в первом слоге есть [o], [ø]: [Евангелие 1866, 1908].

Если обратиться к историческим данным, выясняется, что было несколько центров создания первых кириллических книг на татарском языке: в первую очередь, у кряшен Заказанья, ср.

[Исхаков 2015], далее из переписки 1880-х гг. Н.И. Ильминского следует, что он неоднократно советовал татарским переводчикам наибольшее внимание уделять нагайбакам в связи с угрозой их отпадения от Православной церкви. В пос. Остроленском, где проживали нагайбаки, был построен деревянный храм, и на его освящении 18 января 1882 г. в честь Покрова Пресвятой Богородицы Евангелие впервые читали на татарском языке.

Можно предположить, что несколько типов памятников, различающихся статистикой употребления форм с сингармонизмом по огубленности гласных второго слога, создавались на разных говорах заказанских татар и нагайбаков. Если обратиться к данным современных диалектов по Атласу народных татарских говоров [Интернет 3], то оказывается, что в диалекте нагайбаков и заказанских говорах в основном всегда присутствует губная гармония во втором слоге, например, в Мамадышском, Лаишевском, Балтасинском районах. Отметим, что как раз в этих районах по [Исхаков 2014] были отмечены наибольшие успехи в деле христианизации татар. Первый Трехсвятительский крещено-татарский скит при Спасо-Преображенском монастыре был открыт в 1905 г. близ деревни Малое Некрасово Лаишевского уезда. Вероятно, в этом регионе были созданы [Словарь 1876, 1880; Земная жизнь 1900, Требник 1881].

А в Высокогорском районе губная гармония отмечена не была. Известно, что там также находился один из центров православия в Татарстане – Седмиозерная Борогордицкая пустынь. Возможно, в основу языка переводов [Евангелия 1866, 1908] лег говор этого района.

В наиболее ранней из доступных нам книг [Священная история 1862] зафиксированы другие языковые особенности. Сначала кратко остановимся на наличии/отсутствии черт, отмеченных для других рассматриваемых книг.

В [Священная история 1862] регулярно присутствуют две из перечисленных выше специфических черт кириллических татарских книг, и еще одна спорадически:

1) В текстах книг литературному *й* в начале и середине слова соответствует звонкий *жс*, например: *жюлында* [Священная история 1862: 3] – лит. тат. *юлында* ‘на дороге (пути)’, *жилань*

[Священная история 1862: 6] – лит. тат. *елан* ‘змея’, *жюкли* [Священная история 1862: 7] – лит. тат. *йёкле* ‘беременная’;

2) Фарингальный звук *h* в арабских заимствованиях в анлауте всегда опускается: *ичь кимь* [Священная история 1862: 1] – лит. тат. *ничкем* ‘кто-либо’, *арь* [Священная история 1862: 5] – лит. тат. *һәр* ‘каждый’;

3) Соответствие $x \sim k$ наблюдается в тюркских и заимствованных из других языков словах – это черта в памятнике присутствует нерегулярно, ср. *катынь* [Священная история 1862: 5] – лит. тат. *хатын* ‘жена’, но *Худай* [Священная история 1862: 1] – лит. тат. *Ходай* ‘Бог’.

Остальные черты – губной сингармонизм, делабиализация огубленных гласных после губных согласных в местоименных корнях, дифтонг *yu* в соответствии с долгим конечным *y* литературного татарского, дифтонг *ey* в соответствии с литер. *и* дифтонгического происхождения – отсутствуют.

Зато в [Священная история 1862] присутствует ряд черт, отсутствующих в остальных книгах:

1) Регулярное употребление графем *y*, *ÿ* в соответствии с лит. *o*, *ø*: *уйряткань* [Священная история 1862: 1] – лит. тат. *өйрәткән* ‘научил’, *кутылырсынъ* [Священная история 1862: 2] – лит. тат. *кутылырсың* ‘освободишься’, *устиндя* [Священная история 1862: 1] – лит. тат. *өстендә* ‘на нем’, *турсын* [Священная история 1862: 1] – лит. тат. *торсын* ‘пусть встает, живет’, *муны* [Священная история 1862: 1] – лит. тат. *монь* ‘это’, *кушларъ* [Священная история 1862: 4] – лит. тат. *кошлар* ‘птицы’, *чурда* [Священная история 1862: 6] – лит. тат. *чорда* ‘в эпоху’, *урибъ* [Священная история 1862: 7] – лит. тат. *өрөп* ‘дуя’. Графемы *o*, *ø* в книге вообще отсутствуют.

2) Употребление графемы *и* в соответствие с лит. *e*, *э*: *Билдирирь* [Священная история 1862: 1] – лит. тат. *белдерер* ‘даст знать’, *устирирь* [Священная история 1862: 9] – лит. тат. *үстерер* ‘вырастит’, *битиргянь* [Священная история 1862: 9] – лит. тат. *бетергән* ‘уничтожил’. Эта особенность прослеживается во всей книге практически регулярно за исключением *e* в однословах, например, в *эшь* – лит. тат. *эш* ‘работа’ [Священная история 1862: 46], и в формах слова *бер* – ‘один’: *бергя* – лит.

тат. *бергэ* ‘вместе’ [Священная история 1862: 15], *берси* – лит. тат. *берсе* ‘один из них’ [Священная история 1862: 24].

3) В формах глагола **ber-* ‘давать’ в памятнике представлено *e* в первом слого на месте лит. *и*: *бер-* – лит. тат. *бир* ‘дай’, *берсинь* – лит. тат. *бирсен* ‘пусть отдает’ [Священная история 1862: 12].

4) В соответствии с лит. тат. *и* в открытом слоге употребляется *ий*: *ний* [Священная история 1862: 1] – лит. тат. *ни* ‘что’, *дйлярь* [Священная история 1862: 1, 2] – лит. тат. *дилэр* ‘говорят’, *жюрйлярь* [Священная история 1862: 3] – лит. тат. *йөрилэр* ‘ходят’, *тймягизь* [Священная история 1862: 3] – лит. тат. *тимэгез* ‘не трогайте’, *улмй* [Священная история 1862: 3] – лит. тат. *улми* ‘не умрет’, *жюрй* [Священная история 1862: 5] – лит. тат. *юри* ‘нарочно’. В одном случае зафиксировано употребление *ей*: *дей* – лит. тат. *ди* ‘говори’ [Священная история 1862: 40], как в других первых кириллических книгах на татарском языке.

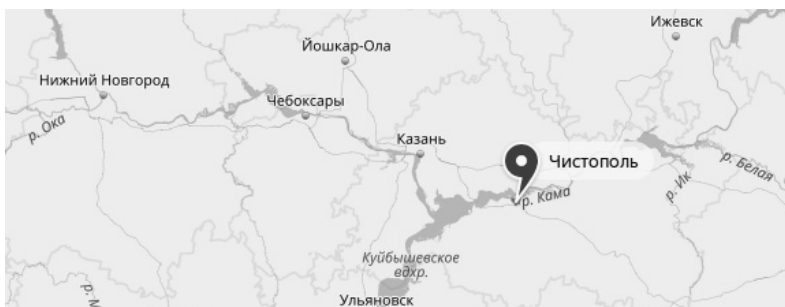
5) Наблюдается сохранение ПТю **r* в словах *тупракны* [Священная история 1862: 9] – лит. тат. *туфракны* ‘землю’, *жяпрагынь* [Священная история 1862: 8] – лит. тат. *яфрагын* ‘лист’.

6) Иногда в памятнике происходит выпадение гласной в первом слоге или втором слоге: *блай* [Священная история 1862: 1] – лит. тат. *болай* ‘так’, *кшляргя* [Священная история 1862: 1] – лит. тат. *кешелэргэ* ‘людям’, *брь* [Священная история 1862: 1] – лит. тат. *бер* ‘один’, *бянь* [Священная история 1862: 2] – лит. тат. *белэн* ‘с’, *кряшинчя* [Священная история 1862: 2] – лит. тат. *керэшенчэ* ‘по-кряшенски’, *гна* [Священная история 1862: 1] – лит. тат. *гына* ‘только’.

7) В заимствованиях, в нескольких случаях, представлено соответствие *б* – лит. тат. *в*: *багытта* [Священная история 1862: 1] – лит. тат. *вакытта* ‘вовремя’, *хайбаннарь* [Священная история 1862: 5] – лит. тат. *хайваннар* ‘звери’.

Вопрос о диалектной принадлежности памятника [Священная история 1862] решается с помощью привлечения исторических данных к интерпретации орфографии памятника. Как указывается в [Исхаков 2015], его авторами были Н.И. Ильминский и первый кряшенский просветитель Василий Тимофеевич Тимофеев, который родился в 1836 г. в деревне Никифорово (ныне Чиябаш Алькеевского района Республики Татарстан). Из данных Атласа

народных татарских говоров [Интернет 4] следует, что в этой деревне в настоящее время распространен чистопольский говор мишарского (западного) диалекта татарского языка.

Как указывается в [Махмутова 1978: 34], в мишарских диалектах кыпчакский процесс передвижения гласных ПТю $*i > e$, $*e > i$, $*u > o$, $*o > u$, $*ï > ö$, $*ö > ï$ не завершился.

Урок церковного пения в школе Братства св. Гурия в с. Белая Гора Чистопольского уезда Казанской губернии (РГИА. Ф.835. Оп.3. Д.173. Л.7)

В работе [Баязитова 2008: 112–113] приведены отрывки текстов на современном чистопольском диалекте. В них, так же как и в тексте памятника, отсутствуют графемы *o*, *ö*, а рефлексам ПТю **u* (> лит. тат. *o*), **ü* (> лит. тат. *ö*) являются *y*, *ü*.

Итак, на основании рассмотренных 9 книг в настоящей статье выявлено 4 диалектных группы: 1) чистопольский диалект мишарского [Священная история 1862], заказанские и нагайбакский диалекты татарского языка: 2) [Словарь 1880; Земная жизнь 1900]; 3) [Словарь 1876; Требник 1881]; 4) высокогорский говор: [Евангелие 1866, 1908]. В статье [Нуриева 2017] было установлено, что один из коротких переводных текстов (исповедь) был создан на сергачском диалекте мишарского. Так, в настоящий момент на территории Татарстана уже выявлено 5 центров создания первых кириллических книг. Это согласуется с историческими данными о том, что в Татарстане миссионерская деятельность велась весьма активно². С точки зрения лингвистики эти памятники также имеют большую ценность, поскольку, как показал проведенный анализ, они были созданы с большой точностью, с одной стороны, с другой, практически не имеют существенных отличий от современных татарских диалектов, что указывает на минимальное количество изменений, которые имели место в татарском языке за последние 150 лет. Это довольно сильно отличает татарские книги от удмуртских [Безенова 2015, 2016, 2017] и марийских [Ключева, Норманская 2015], которые значительно архаичнее современных диалектов. Можно предположить, что «стабильность» татарского языка связана с более ранней письменной традицией.

² «Для утверждения в православии кряшен обер-прокурор Св. Синода А.Н. Протасов 5 февраля 1847 г. предписал правлению КазДА подготовить переводы книг, необходимых для проведения христианского богослужения на татарском языке. Для этой цели при академии был организован специальный Переводческий комитет, в состав которого вошли ректор КазДА архимандрит Григорий, профессор Казанского университета А.К. Казем-Бек, бакалавры академии Н.И. Ильминский и Г.С. Саблуков. Комитет поставил перед собой амбициозную задачу по переводу всего комплекса необходимой православной богослужебной литературы для проведения полноценной церковной службы на татарском языке» [Исхаков 2014: 226].

Список сокращений

лит. тат. – литературный татарский язык
ПТю – пратюркский язык

Литература

- Бакула 2016 – *Бакула В.Б.* Вокализм первого слога в кильдинском диалекте саамского языка по данным Евангелия от Матфея (1878) // Урало-алтайские исследования. – 2016. – №3. – С. 13–33.
- Баязитова 2008 – *Баязитова Ф.С.* Чистой керэшеннэре сөйлэше // Татар халык сөйлэшлэре: Ике китапта. – Икенче китап. – Казан, 2008. – С. 109–114 б.
- Безенова 2016 а – *Безенова М.П.* Наставление христианское святителя Тихона на вотском языке 1891 г.: графические и вокалические особенности // Урало-алтайские исследования. – 2016. – №1. – С. 7–40.
- Безенова 2016 б – *Безенова М.П.* Наставление христианское святителя Тихона на вотском языке 1891 г.: особенности консонантизма // Урало-алтайские исследования. – 2016. – С. 46–63.
- Богородицкий 1953 – *Богородицкий В.А.* Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками. – Казань, 1953.
- Дыбо, Норманская 2016 – *Дыбо А.В., Норманская Ю.В.* Первые кириллические книги на казахском языке как источники для изучения истории диалектов и создания литературной нормы // Урало-алтайские исследования. – 2016. – №4. – С. 138–153.
- Евангелие 1866 – Святое Евангелие Господа нашего Иисуса Христа на народно-татарском языке. – Казань, 1866.
- Евангелие 1908 – Святое Евангелие господина нашего Иисуса Христа на татарском языке. – Казань, 1908.
- Земная жизнь 1900 – Земная жизнь Господа нашего Иисуса Христа. – Казань, 1900.
- Интернет 1 – http://primo.nlr.ru/primo_library/libweb/action/search.do?dscent=1&afterTimeout=32C22F71DF28E6FAD2088074869497CC&dstmp=1436814982203&vid=07NLR_VU1&fromLogin=true
- Интернет 2 – <http://uralica.kansalliskirjasto.fi/>
- Интернет 3 – http://newipi.antat.ru/maps-razdel_id-2.html
- Интернет 4 – http://newipi.antat.ru/naselennie_punkti.html
- Исхаков 2014 – *Исхаков Р.Р.* Очерки истории традиционной культуры и религиозности татар-кряшен (XIX – начало XX в.). – Казань, 2014.
- Исхаков 2015 – *Исхаков Р.Р.* К истории создания первого кириллического алфавита и формированию письменной традиции кряшен-татар (крещеных татар) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2015. – № 17 (3).

- Ключева, Норманская 2015 – *Ключева М.А., Норманская Ю.В.* Первые луговомарийские буквари 1870-х гг.: лингвистический обзор. Часть I. Введение. Гласные звуки и буквы для них. // Урало-алтайские исследования, Языки мира. – Москва, 2015. – С. 3, 18, 18–63.
- Махмутова 1978 – *Махмутова Л.Т.* Опыт исследования тюркских диалектов: мишарский диалект татарского языка. – М., 1978.
- Норманская 2015 – *Норманская Ю.В.* Новые полевые и архивные данные по мансийским диалектам и их значение для прамансийской реконструкции системы вокализма первого слога. // Урало-алтайские исследования, Языки мира. – Москва, 2015. – № 4 (19). – С. 4, 19, 63–78.
- Норманская 2015 – *Норманская Ю.В.* Ударение в первых книгах на селькупском языке, созданных Н.П. Григоровским в XIX веке // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований, – 2015. – № 4. – С. 9–17.
- Норманская, Каримова, Эмба 2017 – *Норманская Ю.В., Каримова Р.Н., Эмба З.Н.* В.В. Катаринский – автор первой кириллической книги на башкирском языке? // Урало-алтайские исследования. – 2017. – № 2. – С. 46–53.
- Норманская, Кошелюк 2017 – *Норманская Ю.В., Кошелюк Н.А.* Архивный пельмско-русский словарь, составленный русским священником о. Константином Словоцовым, как источник, позволяющий оценить точность записей в мансийских словарях А. Каннисто и Б. Мункачи // Урало-алтайские исследования. – 2017. – № 3. – С. 151–161.
- Нуриева 2015 – *Нуриева Ф.Ш.* Диалектаная основа книг на «крещено-татарском» языке второй половины XIX века // Урало-алтайские исследования. – 2015. – № 2. – С. 67–74.
- Нуриева 2017 – *Нуриева Ф.Ш.* Языковой памятник говора сергачских мишарей: текст исповеди XIX века // Урало-алтайские исследования. – 2017. – № 3 (26). – С. 161–174.
- Опыты 1883 – Опыты переложения христианских вероучительных книг на татарский и другие инородческие языки. – Казань, 1883.
- Савельев 2016 – *Савельев А.В.* Чувашский перевод одной проповеди середины XIX века // Урало-алтайские исследования. – 2016. – № 1. – С. 68–105.
- Священная история 1862 – Священная история от сотворения мира до кончины Иосифа по книге Бытия, изложенная на народном татарском языке. – Казань, 1862.
- Словарь 1876 – Первый опыт словаря народно-татарского языка по выговору крещенных татар Казанской губернии. Составитель Николай Остроумов. – Казань, 1876.
- Словарь 1880 – Словарь татарского языка. – Казань, 1880.
- Требник 1881 – Требник на татарском языке. – Казань, 1881.
- Учение 1897 – Чын ден княгясе [Учение о православной вере]. – Казань, 1897.

Аннотация

В статье на основании анализа графики первых девяти татарских кириллических книг сделан вывод о том, что они были созданы в четырех различных регионах. Восемь книг написаны на различных диалектах казанского (среднего) наречия татарского языка. А одна наиболее ранняя [Священная история 1862] книга написана на чистопольском диалекте мишарского наречия. Это, насколько нам известно, первый наиболее ранний источник по этому наречию, поэтому анализ его особенностей важен для изучения истории татарского языка и работы православных миссионеров в XIX в. в Татарстане.

Ключевые слова

Татарский язык, диалекты, первые кириллические книги, история языка

Сведения об авторах

Норманская Юлия Викторовна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института Языкознания РАН; e-mail: julianor@mail.ru

Нуриева Фануза Шакуровна – доктор филологических наук, профессор Казанского (Приволжский) федерального университета; e-mail: fanuzanurieva@yandex.ru

Yulia Normanskaya, Fanuza Nuriyeva

Dialectic features of the first Cyrillic books in the Tatar language

Summary

The authors analyze the first nine Tatar Cyrillic books and conclude that they were created in four different regions. Eight books are written in various dialects of the Kazan (middle) dialect of the Tatar language while one of the earliest [Sacred history 1862] book is written in Chistopol dialect of Mishar. This is, as far as we know, the earliest source on this dialect, so the analysis of its features is important for study of the history of the Tatar language and Orthodox missionaries in the XIXth century in Tatarstan.

Key words

Tatar language, dialects, first Cyrillic books, history of language

Information about the authors

Yulia Normanskaya – PhD in Philology, Senior Researcher of the Institute of Linguistic Research of the Russian Academy of Sciences; e-mail: julianor@mail.ru

Fanuza Nuriyeva – PhD in Philology, Professor of Kazan Federal University; e-mail: fanuzanurieva@yandex.ru

*Ф.Ш. Нуриева, М.М. Петрова,
М.М. Сунгатулина*

**МЕСТОИМЕНЕНИЯ
В ГРАММАТИКЕ ИЕРОНИМА МЕГИЗЕРА
«INSTITUTIONUM LINGVAE TURCICAE LIBRI QUATUOR»
(1612)¹**

Начальный этап развития грамматической теории в тюркологической науке отражён в грамматике Иеронима Мегизера «*Institutionum linguae Turcicae libri quatuor*» («Основные правила тюркского языка в четырех книгах»), изданной в Лейпциге в 1612 г. [1]. Эта книга четыре века назад послужила импульсом для изучения тюркских языков в Западной Европе. Конечно, попытки изучения тюркских языков в Европе предпринимались и раньше. Знаменитый рукописный Кодекс Куманикус, рукописное пособие, составленное флорентийцем Филиппо Ардженти «*Regola del parlare Turcho*» (1533), первая турецкая грамматика итальянского монаха Пьетро Феррагута (1611) тоже являются свидетельством этого. Перечисленные рукописные пособия, к сожалению, в настоящее время труднодоступны для исследования. Да и сама Грамматика Мегизера, рассматриваемая в данной работе, тоже долгое время была закрыта для изучения. Не стоит упускать и то обстоятельство, что для работы с ранними грамматиками необходимо знание европейских языков.

Первые грамматики, возникшие на основе греко-латинской традиции, подготовили почву для последующей языковедческой деятельности, которая дала впоследствии грамматические иссле-

¹ Статья написана при поддержке гранта РФФИ18-012-00402 «Грамматика Иеронима Мегизера “*Institutiones linguae Turcicae libri quatuor*” (1612): историко-лингвистическое исследование».

дования, отражающие уже своеобразие тюркского языка. Несмотря на обращение к системам грамматик других языков в попытках освещения фонетического, морфологического и лексического строя чуждого для них языка, авторы высказывали самостоятельные суждения о природе тех или иных языковых явлений, характерных для данных языков.

Видный российский тюрколог Д.М. Насилов поддержал исследование труда Иеронима Мегизера, считая, что эта работа является новым шагом в изучении истории языков тюркских народов и поможет более полному раскрытию особенностей формирования литературных стилей в разные исторические периоды [Мегизер 2012: 9].

Иероним Мегизер был видным ученым своего времени. Родился в 1554 г. в городе Штутгард. В 1571–1577 гг. он учился в Тюбингене, в 1582 г. изучал право в городе Падуа. Много путешествовал, был в Италии, на Мальте, в Англии, в Голландии. Изучал также историю, занимался картографией, астрономией. С 1590 г. занимал должность историографа эрцгерцога Карла в Граце, в 1593–1601 гг. работал директором протестантской школы в Клагенфурте. После возвращения во Франкфурт, работал профессором Лейпцигского университета. В 1612 г. ему предложили пост директора городской библиотеки в городе Линц. Умер Иероним Мегизер в 1619 г. в городе Линц в Австрии. Он оставил свыше 36, в большинстве случаев, изданных по нескольку раз, сочинений, которые в настоящее время принадлежат к числу раритетов наших библиотек. Слава авторитетного историка и филолога была закреплена за ним, благодаря, изданному впервые в 1592 г. (2-е изд. – 1603 г.) Многоязычному сравнительному словарю. Основные свои труды Мегизер писал на латинском языке, поскольку это был язык межкультурного общения. Это нашло отражение в содержании, графических и языковых особенностях и структуре грамматики Иеронима Мегизера «*Institutiones linguae Turcicae libri quatuor*» (1612). Грамматическая часть полностью написана на латыни, естественно, с приведением примеров на тюркском языке. Хрестоматийный же материал приведен на тюркском языке с переводами на латинский (в основном) и другие европейские языки [Мегизер 2012: 282–285].

В настоящей статье мы остановимся на одной из самых своеобразных самостоятельных частей речи, которая обнаруживается почти во всех языках мира – на местоимениях. В современной лингвистической науке местоимение определяется как лексико-грамматический класс слов, который включает в себя слова, указывающие на предметы, признаки, качества, количество, определяемые ситуацией, но не называющие их. Ученые-тюркологи при описании местоимений делают акцент именно на функцию замещения, выполняемую ими. Это идет от этимологии латинского слова *Pronomina*, дословно означающего ‘вместо имени употребляющиеся слова’.

Если перейти к истории вопроса выделения местоимений как самостоятельной части речи, то они рассматривались более или менее подробно во всех ранних грамматиках. В своей грамматике «*Institutionum linguae Turcicae libri quatuor*» (1612) Иероним Мегизер лишь кратко останавливается на общих вопросах о частях речи. Грамматика, написанная на латинском языке, несомненно, предназначалась для людей образованных, поскольку для знакомства с основными сведениями по тюркскому языку читатель должен был знать латинский язык. Для сопоставления отличительных свойств частей речи тюркского языка наряду с латинским языком, он обращается к фактам других европейских и восточных языков [Нуриева, Петрова, Сунгатуллина 2013: 92–97]. Выделяя местоимение как часть речи, Иероним Мегизер посвящает ему специальную главу V, под названием «*De pronomibus*» [Мегизер 2012: 96–105]. При рассмотрении местоимений он опирается на латинскую классификацию разрядов местоимений. Хотя в учебниках латинского языка даются понятия, определения местоимений как части речи, Иероним Мегизер опускает этот теоретический материал, сразу переходит к классификации тюркских местоимений, используя при этом латинскую терминологию. Характеризуя состав местоимений, автор выделяет лишь три разряда местоимений, хотя в грамматике и в хрестоматийном материале зафиксированы и другие разряды тюркских местоимений. Это связано с тем, что, с одной стороны, в то время теория местоимений была недостаточно разработана, а с другой стороны, Иероним Мегизер и не ставил перед собой

теоретические задачи. Он использовал те достижения, которые применялись при описании языков в его время. Грамматика Иеронима Мегизера нацелена на практическое освоение тюркского языка. Он пишет: «Местоимения у тюрков бывают указательные ‘demonstrativa’ – *ben* ‘я’, *sen* ‘ты’, *bu* ‘этот’, *oll* ‘тот’, вопросительные ‘interrogativa’ – *khim* ‘кто’, притяжательные ‘possessiva’ – *benum* ‘мой’, *senum* ‘твой’, *onung* ‘твой’, *bisum* ‘наш’, *sisum* ‘ваш’ [Мегизер 2012: 96]. Он даже не перечисляет полный состав местоимений, относящихся к каждому из разрядов. Например, в указательных выделяет – *ben* ‘я’, *sen* ‘ты’, *bu* ‘этот’, *oll* ‘тот’, хотя дальше дает парадигму и других местоимений этого разряда *bis* ‘мы’, *sis* ‘вы’, *onlar* ‘они’. В хрестоматийном материале встречается вариативное написание местоимений, например 2-го лица ед.ч.: *sen~sin* ‘ты’: *la vuermecte nige sin?* ‘А когда ты возвратишь’ и др. [Мегизер 2012: 97, 215]. Нужно подчеркнуть, что личные местоимения не выделены им в отдельный разряд, они совмещены с указательными. Мегизер не рассматривает также в особых разрядах определительные, неопределенные, отрицательные, вопросительные, возвратные местоимения. В хрестоматийном материале зафиксированы все перечисленные выше местоимения. Примеры из хрестоматийного материала (даны номера пословиц из грамматики): 1) Определительные местоимения: *her* ‘каждый’, *herkhim* ‘каждый, всякий’: № 66 ***Herneste samanile*** ‘Всякому делу свой час’; № 77 ***Herkhim duniaje delli gelur gendibu alemde delli kalur*** ‘Кто в этот мир сумасшедшим пришел, им и останется’; № 89 ***Her kischi egel gamini noscheder*** ‘Всякий чашу смерти пьет’; 2) Отрицательное местоимение *hitchneste* ‘все, ничто’: № 76 ***Schole kholai hitschneste jockdur andankhi gutscholakhi istemejup edessen*** ‘Все простое, что делаешь с неохотой, становится трудным’; 3) Вопросительное местоимение: *neile* ‘как, каким образом’: № 104 ***Adem neile gelmi schonungile gider*** ‘Человек как пришел, так и возвращается’ и другие.

В большинстве случаев Мегизер приводит парадигму склонений местоимений в качестве образцов. Ученый использует те же названия падежей, что и в латинском языке, и приводит их в том же порядке, а именно: именительный *nominativus*, роди-

тельный *genetivus*, дательный *dativus*, винительный *accusativus*, творительный *ablativus* падежи. В образцах склонения местоимения 3-го лица ед.ч. автор системно приводит форму *oll:olung, ole, oli, olden*, вместо правильных *anung, anga, ani, andin*. Возможно в теоретической части допущена неточность, так как в хрестоматийном материале обнаруживаются правильные варианты. Например: в родительном падеже – *anung*, в дательном падеже – *anga*: *Onutma ulum dahim **angadur**: bugiun bangaisse jarin **sangadur*** ‘Не забывай о смерти: сегодня ко мне, завтра к тебе’ [Мегизер 2012: 205].

Особый интерес представляет описание И. Мегизером разряда притяжательных местоимений. Автор рассматривает несколько подгрупп местоимений в данной группе. Первая подгруппа представлена родительным падежом личных местоимений: *benum* ‘мой’ и *senum* ‘твой’. Ко второй подгруппе относятся местоимения с формами *–umkhiler*: *bisumkhiler* ‘наши’ и *sisumkhiler* ‘ваши’. При этом автором верно замечено, что первый вид притяжательных местоимений является всего лишь видоизмененными местоимениями в форме родительного падежа. Мегизер подчеркивает своеобразие употребления латинских и тюркских местоимений. Он пишет: «Латинское местоимение 3-го лица в притяжательном значении используется в форме родительного падежа ед.числа и не склоняется ни по падежам, ни по числам *cujus*.» В этом же разряде он рассматривает родительный падеж вопросительных местоимений *khimungdur* ‘чей-то, кого?’ Также автор примечает неопределенное местоимение *birkhimse* ‘кто-то’, хотя и не называет его таким термином и не выделяет в отдельный разряд. О склонении данного разряда местоимений автор пишет следующее: «Все притяжательные же местоимения, поскольку являются формой родительного падежа, также ничем иным при склонении не отличаются» [Мегизер 2012: 98]. Автор примечает дополнительно еще один способ образования притяжательных местоимений: при помощи частиц (термин автора), присоединяющихся к существительным, т.е. существительные употребляются без особых местоимений, а просто добавлением окончания, означающего принадлежность. Автором объясняется также разница употребления частиц *-ut* и *-m*: «*-ut* же добав-

ляется в том случае, если слово на согласный оканчивается, например, *basch* 'голова' – *baschum* 'моя голова', а к тем словам, которые на гласный заканчиваются, тем *-m* присоединяется, как например: *iolge* 'спутник', *iolgem* 'мой спутник'» [Мегизер 2012: 98]. Далее таким же образом Мегизер объясняет употребление окончаний 2-го лица ед.ч. *-ung/-ng*, 3-го лица ед.ч. *-i/-ssi*, 1-го лица мн.ч. *-us/-mus*, 2-го лица мн.ч. *-ungus/-ngus*, 3-го лица мн.ч. *-i*. Автор приводит примеры с каждой частицей, которые далее склоняет по падежам. Хотя автор и допускает употребление данных частиц для определения притяжательности, он также говорит, что: «... для большей определенности выражения в речи иногда добавляются и сами местоимения *benum* 'мой', *senum* 'твой', *onung* 'его', 'ее', *bisung* 'наш', *sisung* 'ваш'» [Мегизер 2012: 98–105]. Данная традиция рассмотрения категории принадлежности как разряда особых притяжательных местоимений была типичной при составлении татарских грамматик по образцу строения европейских языков [Нуриева, Петрова, Сунгатуллина 2013.2: 52].

Мегизер также обращает внимание на образование сложных местоимений: «Есть еще и сложные местоимения – *bengendum* 'я сам', *sengendum* 'ты сам', *olgendi* 'он сам', *birkhimse* 'никто'» [Мегизер 2012: 105–106] и дает образцы их склонения. В тюркских языках эти местоимения рассматриваются в разряде возвратных местоимений, и хотя автор не выделяет данный разряд, они фактически есть, зафиксированы в иллюстративном материале.

Таким образом, рассмотрение зафиксированных в Грамматике местоимений свидетельствует о том, что Иероним Мегизер опирается на общепринятое в то время в лингвистической науке отношение к этой части речи. Несмотря на некоторые сложности в анализе такой сложной грамматической темы, как местоимение, ученым высказаны самостоятельные суждения о природе местоимений в тюркских языках. Богатый хрестоматийный материал дополняет теоретическую часть и дает исследователям возможность представить более полную лингвистическую картину исследуемого периода.

Литература

- Megiserus 1612 – *Megiserus H. Institutiones linguae Turcicae libri quatuor.* – Leipzig, 1612.
- Мегизер 2012 – *Мегизер И.* Основы тюркского языка (перевод и комментарии Нуриевой Ф.Ш., Петровой М.М., Сунгатуллиной М.М.). – Казань, 2012.
- Нуриева, Петрова, Сунгатуллина 2013 – *Нуриева Ф.Ш., Петрова М.М., Сунгатуллина М.М.* Общая характеристика межъязыкового текста в работах Иеронима Мегизера // *Филология и культура.* – 2013, № 1. – С. 91–96.
- Нуриева, Петрова, Сунгатуллина 2013.2 – *Нуриева Ф.Ш., Петрова М.М., Сунгатуллина М.М.* Особенности перевода тюрко-латинской грамматики Иеронима Мегизера «*Institutionum linguae Turcicae libri quatuor*» (1612 г.) // *Российская тюркология.* – 2013, № 2 (7). – С. 92–97.
- Нуриева 2017 – *Нуриева Ф.Ш.* Грамматические труды братьев Фаизхановых в развитии татарской лингвистической науки // *Ислам в современном мире.* – 2017. Том 13. № 4. – С. 46–64.

Аннотация

В статье анализируется пятая глава Грамматики Иеронима Мегизера, посвященная теме местоимения. В статье рассматривается краткая история вопроса и выясняются особенности подхода ученого к тюркоязычному материалу. Выяснена специфика подачи разрядов тюркских местоимений, их изменения, особенности использования местоимений в теоретической и хрестоматийной частях Грамматики.

Ключевые слова

Мегизер, грамматика, тюркский, местоимения, разряды

Сведения об авторах

Нуриева Фануза Шакуровна – доктор филологических наук, профессор Казанского федерального университета; e-mail: fanuzanurieva@yandex.ru
Петрова Маргарита Михайловна – преподаватель латинского языка в Казанской православной духовной семинарии; e-mail: benelat926@gmail.com
Сунгатуллина Миялуша Масхутовна – учитель английского языка в МБОУ «Лицей №26» г. Казани; e-mail: milaushateacher@gmail.com

Fanuza Nurieva, Margarita Petrova, Milyausha Sungatullina

Pronouns in the Grammar book

by H. Megiser «Institutionum linguae turcicae libri quatuor» (1612)

Summary

In the article the fifth chapter of the grammar of Hieronymus Megiser, devoted to the subject of the pronoun, is analyzed. The article is devoted to a brief history of the issue and explains peculiarities of the scientist's approach to Turkic material. Specifics of explaining categories of Turkic pronouns, their changes, peculiarities of use of pronouns in the theoretical and textbook parts of the grammar have been clarified.

Key words

Megiser, grammar, Turkic, pronouns, ranks

Information about the authors

Fanuza Nurieva – PhD in Philology, Professor of Kazan Federal University;
e-mail: fanuzanurieva@yandex.ru

Margarita Petrova – Teacher of Latin at Kazan Orthodox Seminary; e-mail:
benelat926@gmail.com

Milyausha Sungatullina – Teacher of English at lyceum 26 in Kazan; e-mail:
milaushateacher@gmail.com

Е.А. Оганова, С.Н. Воробьева

**ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ОФОРМЛЕНИЯ
РОДИТЕЛЬНОГО/ОСНОВНОГО ПАДЕЖА
СУБЪЕКТА ДЕЙСТВИЯ В СОСТАВЕ
ГРАММАТИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ С ФОРМАМИ
НА *-diđi* И *-(y)acađı***

Выбор между основным и родительным падежом при оформлении субъекта действия (СД) в грамматических конструкциях с формами на *-diđi* и *-(y)acađı*¹ представляет определенные трудности для изучающих турецкий язык, а следовательно, является методологической проблемой для преподавателей.

Целью данной статьи является выявление семантико-синтаксических закономерностей падежного оформления СД в конструкциях с формами на *-diđi* и *-(y)acađı* и анализ некоторых из них, традиционно вызывающих сложности у изучающих турецкий язык с точки зрения правильной постановки падежа СД.

В фундаментальном исследовании по грамматике турецкого языка турецкого лингвиста Зейнеп Коркмаз [Korkmaz 2009] нет указаний на падежное оформление СД конструкций с формами на *-diđi* и *-(y)acađı*. Специально этот вопрос не рассматривается и в ряде других наиболее авторитетных грамматик, написанных турецкими учеными, например, в работах Тахсина Бангуоглу [Banguođlu 2015] и Мухаррема Эргина [Ergin 2009]. Оставляет этот вопрос без внимания и известный английский лингвист Г. Льюис [Lewis 2001].

¹ Формы на *-diđi* и *-(y)acađı* – грамматические конструкции, образующиеся в результате субстантиваций причастий на *-dik* и *-(y)acak* путем присоединения к ним аффиксов принадлежности и передающие название действия с одновременным сохранением выраженности значений склонения и времени [Щека 2007: 394–395].

В недавно вышедшей работе петербургского лингвиста В.Г. Гузева «Теоретическая грамматика турецкого языка» вопрос о падежном оформлении СД грамматических конструкций с формами на *-diği* и *-(y)acağı*, которые ученый называет «субстантивно-адъективные формы (саф)» [Гузев 2015: 161], также не освещается.

Московский лингвист Ю.В. Щека в «Практической грамматике турецкого языка» относительно оформления падежа СД в рассматриваемых конструкциях пишет: «Субъект действия в общем случае (с учетом важных исключений, которые будут изучаться специально) выражается притяжательным местоимением или словом в родительном падеже: *bildik* (известный) – *benim bunu bildiğim* (то, что я это знаю)» [Щека 2007: 394].

Авторами статьи были проанализированы все конструкции с формами на *-diği* и *-(y)acağı*, индексируемые в работах по грамматике наиболее авторитетных отечественных и зарубежных лингвистов, с учетом двух обстоятельств: 1) архаичные конструкции с формами на *-diği* и *-(y)acağı* к исследованию не привлекались; 2) различные значения одной и той же конструкции рассматривались отдельно.

В результате проведенного исследования определилось, что в тринадцати таких конструкциях СД употребляется в родительном падеже, в двенадцати – в основном падеже. Соответственно, неправомерно утверждать, что оформление СД родительным падежом в таких конструкциях является правилом, а его употребление в основном падеже – исключением.

Преподавательская практика подтверждает, что такой подход к интерпретации этого явления затрудняет падежное разграничение СД данных конструкций у студентов. При объяснении этого вопроса целесообразно идти «от простого к сложному», а именно попытаться обобщить случаи оформления СД родительным или основным падежом, после чего перейти к исключениям внутри этих обобщений.

Здесь нужно отталкиваться от синтаксической функции конструкции в предложении и ее семантики.

СД всегда оформляется **родительным падежом** в следующих случаях.

1. Конструкции с формами на *-diği* и *-(y)acağı* выполняют в предложении функции подлежащего (1), сказуемого (2), дополнения (3) и определения (4). Например: 1) *Kızımın bu akşam nereye gideceği hiç belli değil*. ‘Совершенно непонятно, куда моя дочь пойдет сегодня вечером’. 2) *Hepimizi rahatsız eden, müdürümüzün ne gibi bir karar alacağıdır*. ‘То, что нас всех беспокоит, – какое решение примет наш директор’ 3) *Leyla, kardeşinin dün gece eve çok geç geldiğini söyledi*. ‘Лейла сказала, что ее брат накануне вечером пришел домой очень поздно’. 4) *Tolga'nın okuduğu dergi hiç ilginç değil*. ‘Журнал, который читает Толга, совершенно не интересный’.

В позиции дополнения особого внимания с точки зрения падежного оформления СД заслуживают конструкции, образованные от глагола *olmak*, так как в них возможен как родительный, так и основной падеж СД, что тесно связано с категорией определенности/неопределенности в турецком языке.

При дистантном положении СД и форм на *-diği* и *-(y)acağı*, образованных от глагола *olmak*, оформление родительного падежа СД обязательно: *Paranın orada olduğunu bilmiyordum*. ‘Я не знал, что деньги там’.

При контактном положении СД и форм на *-diği* и *-(y)acağı*, образованных от глагола *olmak*, СД может не оформляться аффиксом родительного падежа, в случае если он воспринимается говорящим как неопределенный: *Evde hiç ekme olmadığını söylüyorum*. ‘Я говорю, что дома совсем нет хлеба’. Но не: ~~*Evde hiç ekmeğini olmadığını söylüyorum*~~.

Это правило не распространяется на следующие случаи:

– когда СД воспринимается говорящим как определенный, единственный в своем роде, уникальный: *Öteki dünyanın olduğuna inanıyor musun?* ‘Верить ли ты в существование другого мира?’;

– когда СД выражен именем собственным или местоимением: *Evde kimse olmadığını farkettim*. ‘Я заметил, что дома никого нет’. *Evde Ali'nin olduğunu bilmiyordum*. ‘Я не знал, что в доме находится Али’.

– когда СД оформлен аффиксом притяжательности: *Bu sınıfta hiçbir arkadaşım olmadığını kabul etmek zorundayım*. ‘Я вынужден признать, что в этом классе у меня совсем нет друзей’. Стоит

отметить, однако, что в предложении типа *Ali'nin oğlu olduğunu bilmiyordum* 'Я не знал, что у Али есть сын' СД не оформляется аффиксом родительного падежа. Возможно, это связано с тем, что логическим СД в этой конструкции является не сын, а Али, который и так уже оформлен родительным падежом, так как представляет собой определение в составе двуаффиксного изафета.

2. В вводных предложениях, представляющих собой в общем плане ссылку на источник информации. Речь идет о конструкциях *-diği gibi* (*-(y)acağı gibi*) и *-diğına göre* (*-(y)acağına göre*). Например: *Annem^[in] söylediği gibi yarın yağmur yağacakmış*. 'Как сказала моя мама/по словам моей мамы, завтра пойдет дождь'. *Akşam gazetesinin^[in] yazdığına göre bu bakan en yakın zamanda istifa edebilir*. 'Как пишет газета «Акшам», этот министр может в ближайшее время уйти в отставку'.

3. Формы на *-diği* и *-(y)acağı* входят в состав одноаффиксного или двуаффиксного изафета вне зависимости от синтаксической роли изафета в предложении. Рассмотрим эти случаи подробнее.

1) В составе одноаффиксного изафета. К ним относится группа конструкций типа *-diği haberi* 'новость о том, что', представляющих собой определяемое по отношению к определению, где определяемое выражено словом со значением сообщения или информации, а определение – формами на *-diği* и *-(y)acağı*, расшифровывающими содержание сообщения или информации: *Herhangi bir zammın^[in] yapılmadığı bilgisi tarafınıza sunulmuştur*. 'Вам была направлена информация о том, что никакие надбавки не выплачивались'.

Это же значение может передаваться при помощи форм *-diği* и *-(y)acağı* в сочетании с послелогоми типа *ilişkin, dair, ait, ile ilgili* 'связанный с, имеющий отношение к', а также с послелогоми типа *hakkında, konusunda* 'о, по поводу, по вопросу', причем следующее за этими послелогоми определяемое не будет связываться с предшествующим определением, выраженным формами на *-diği* и *-(y)acağı*, при помощи изафета: *Kardeşimin^[in] geldiğine dair haber beni sevindirdi*. 'Новость о том, что приехал мой брат,

меня обрадовала'. *Fuarın iyi geçtiği hakkındaki bilgi müdürümüzü memnun etti.* 'Информация о том, что выставка прошла хорошо, обрадовала нашего директора'.

К этой же группе конструкций относятся конструкции типа *-diği açıklamasında bulunmak* 'выступить с заявлением о том, что', активно используемые в официально-деловом и публицистическом стиле: *Almanya hükümeti, dinlemelerin ABD tarafından yapıldığı iddiasında bulundu.* 'Правительство Германии утверждает (утверждало), что прослушивание осуществлялось США'.

2) В составе двухаффиксного изафета. К ним относятся конструкции типа *-diğinin (-(y)acağının) yanında* 'наряду с тем что, на фоне того что', *-diğinin (-(y)acağının) dışında* 'помимо того, что, кроме того, что'. *Anne babasının söylediğinin dışında bir şey yapma lütfen.* 'Пожалуйста, не делай ничего помимо того, что говорят тебе родители'.

СД по общему правилу оформляется **основным падежом** в тех случаях, когда конструкции с формами на *-diği* и *-(y)acağı* выполняют в предложении функцию обстоятельства. К этой группе конструкций относятся такие, как *-diği için (-(y)acağı için)* 'так как, потому что' (придаточное предложение причины), *-diği halde (-(y)acağı halde)* 'несмотря на то что' (придаточное предложение уступки), *-diği zaman (-(y)acağı zaman)* 'когда' (придаточное предложение времени) и др. Например: *Biz eve geç döndüğümüz için kedimiz çok acıkmış.* 'Так как мы вернулись домой поздно, наша кошка очень проголодалась'. *Bu konsere kendim gidemeyeceğim halde sana iki bilet aldım.* 'Несмотря на то что я сам не смогу пойти на этот концерт, я купил тебе два билета'. *Ali eve yürüdüğü zaman bir arkadaşına rastladı.* 'Когда Али шел домой, он встретил друга'.

Существует, однако, ряд конструкций, являющихся исключениями из этого правила, – в них СД употребляется не в основном, а в **родительном падеже**. Рассмотрим эти конструкции подробнее.

1) Конструкции, передающие значение сравнения-подобия *-diği gibi* и *-(y)acağı gibi* 'подобно тому, как; так, как...': *Ali her zaman babasının söylediği gibi uyarar.* 'Али всегда поступает так, как говорит его отец'.

2) Конструкции меры и степени *-diği kadar (denli, oranda, nispette)* и *-(y)acağı kadar (denli, oranda, nispette)*: *Bu işte, bir insanın olabileceği kadar sabırlı davrandım.* ‘В этом деле я вел себя настолько сдержанно, насколько вообще может быть сдержанным человек’.

Относительно конструкции меры и степени *-(y)acağı kadar* следует сделать важное замечание: как известно, существует тесно связанная с ней конструкция *-(y)acak kadar*, представляющая собой сочетание причастия на *-(y)acak* и послелога *kadar* и передающая значение предельности и гипотетичности/нереальности/гиперболизации действия, выраженного сказуемым главного предложения, – в отличие от конструкции *-(y)acağı kadar*, которая передает значение меры, степени проявления реального действия, следующего после действия, выраженного сказуемым главного предложения.

Относительно проблемы наличия/отсутствия собственного СД в конструкции *-(y)acak kadar* Ю.В. Щека утверждает следующее: «В показателе *-(y)acak kadar* аффикс *-(y)acak* оформляет причастие, наличие отдельного субъекта при котором – и вопроса о падежном выражении которого даже не может возникнуть, так как он может быть только в основном падеже – встречается лишь в лексически обусловленном и архаичном употреблении» [Щека 2004: 49].

Однако же, как показывают примеры из турецких источников, собственный СД у конструкции *-(y)acak kadar* может присутствовать, несмотря на утверждение обратного в статье Ю.В. Щеки, хотя количество примеров с собственным СД в конструкции *-(y)acak kadar* существенно меньше тех, в которых СД конструкции *-(y)acak kadar* совпадает с подлежащим главного предложения. В случае наличия собственного СД конструкции он оформляется, как правило, основным падежом. В то же время он также может оформляться и родительным падежом, вследствие чего сама конструкция *-(y)acak kadar* получает аффикс принадлежности и формально совпадает с конструкцией *-(y)acağı kadar* (*-(y)acak* + аффикс принадлежности *-i* = *-(y)acağı*) – здесь уже вступает в силу правило оформления двухаффиксного изафета. Однако заслуживает внимания тот факт, что при таком

оформлении конструкция *-(y)acađı kadar* не перестает передавать два основных значения, выражаемых конструкцией на *-(y)acak kadar*, а именно предельности и гипотетичности/нереальности/гиперболизации действия, выраженного сказуемым главного предложения. Так, следующие ниже примеры переводятся на русский язык одинаково: ‘Мое горе было настолько велико, что никто не смог бы/мог бы его понять’. *Derdim, hiç kimse^{enin} anlatayacađı kadar büyüktü.* – СД конструкции *-(y)acak kadar* оформляется аффиксом родительного падежа, форма на *-(y)acak* оформляется притяжательным аффиксом (более распространенный вариант оформления данной конструкции). *Derdim, hiç kimse anlatayacak kadar büyüktü.* – СД конструкции *-(y)acak kadar* не оформляется аффиксом родительного падежа, форма на *-(y)acak* не оформляется притяжательным аффиксом (менее распространенный, грамматически «неправильный» вариант оформления данной конструкции). Подробнее о конструкциях меры и степени в турецком языке см. [Оганова 2014].

Традиционно вызывающим сложности у студентов является вопрос о разграничении придаточного предложения времени (*-diđi zaman*), СД которого оформляется **основным падежом** (1), и придаточного определительного предложения, определяемым к которому является слово, передающее в широком смысле значение времени (время, минута, день, год и пр.), СД которого оформляется **родительным падежом** (2): 1) *Sen Leyla’yı gördüđün zaman seni tanıyamadı.* ‘Когда ты увидел Лейлу, она тебя не узнала’. 2) *Leyla ^[nün] seni gördüđü günü hatırlıyor musun?* ‘Ты помнишь день, когда Лейла увидела тебя?’

Следовательно, в методологическом плане этому вопросу нужно уделить особое внимание. Хорошие результаты были получены после отработки данных конструкций в сопоставительном плане в виде соответствующих упражнений (подробнее см. [Оганова, Ларионова 2018: 113–114]).

Таким образом, можно заключить, что метод разграничения конструкций по линии их синтаксических функций и семантики позволяет делать ряд обобщений, систематизирующих вопрос об оформлении СД конструкций с формами на *-diđi* и *-(y)acađı* родительным или основным падежом.

Литература

- Гузев 2015 – *Гузев В.Г.* Теоретическая грамматика турецкого языка. – СПб., 2015.
- Оганова 2014 – *Оганова Е.А.* Об особенностях употребления в турецком языке конструкций меры и степени *-dîği kadar, -(y)acağı kadar* // в сб. Вопросы тюркской филологии. Выпуск X: Материалы Дмитриевских чтений. – М., 2014. – С. 76–91.
- Оганова, Ларионова 2018 – *Оганова Е.А., Ларионова Е.И.* Современный турецкий язык: практикум по грамматике. Часть 2. – М., 2018.
- Щека 2004 – *Щека Ю.В.* Турецкая форма на *-dîği/-acağı* и ее функционирование в обороте меры и степени // Вестник Московского университета. – М., 2004. – № 1. – С. 40–57.
- Щека 2007 – *Щека Ю.В.* Практическая грамматика турецкого языка. – М., 2007.
- Banguoğlu 2009 – *Banguoğlu, Tahsin.* Türkçenin Grameri. – Ankara, 2015.
- Ergin 2009 – *Ergin, Muharrem.* Türk Dil Bilgisi. – İstanbul, 2009.
- Korkmaz 2009 – *Korkmaz, Zeynep.* Türkiye Türkçesi Grameri (Şekil Bilgisi). – Ankara, 2009. – S. 912–972.
- Lewis 2001 – *Lewis, George.* Turkish Grammar. – Oxford University Press, 2001. – P. 163–164, 184–186.

Аннотация

Статья посвящена особенностям оформления родительного/основного падежа субъекта действия (СД) в составе конструкций с формами на *-dîği* и *-(y)acağı*. На основе анализа всех известных конструкций с указанными формами авторы выявляют семантико-синтаксические закономерности падежного оформления СД, а также останавливаются на тех конструкциях, которые традиционно вызывают сложности у изучающих турецкий язык с точки зрения правильной постановки падежа СД.

Ключевые слова

Турецкий язык, конструкции с формами на *-dîği* и *-(y)acağı*, основной падеж, родительный падеж, субъект действия, методика преподавания

Сведения об авторах

Оганова Елена Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры тюркской филологии Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: ova8@yandex.ru

Воробьёва Светлана Николаевна – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры тюркской филологии Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: svetlanavorobyova@yandex.ru

Elena Oganova, Svetlana Vorobyeva

Upon genitive/common case of agent in the constructions with the forms *-dığŭ* and *-acağŭ*

Summary

The article is devoted to peculiarities of case-forms (genitive or common case) of agent in the constructions with the forms *-dığŭ* and *-acağŭ*. On the analysis of all known constructions including these forms the authors trace semantic and syntactic regularities of the case of agent and dwell on the constructions causing difficulties for those who learn Turkish from the point of view of genitive/common case of agent.

Key words

Turkish language, constructions with the forms *-dığŭ* and *-acağŭ*, common case, genitive case, agent, methodology of teaching

Information about the authors

Elena Oganova – PhD in Philology, Associate Professor at the Department of Turkic Philology, Institute of Asian and African Studies of Lomonosov Moscow State University; e-mail: ova8@yandex.ru

Svetlana Vorobyeva – PhD in Philology, Teacher at the Department of Turkic Philology, Institute of Asian and African Studies of Lomonosov Moscow State University; e-mail: svetlanavorobyova@yandex.ru

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

А.С. Аврутина, Ю.А. Аверьянов

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ И СУФИЙСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В КЛАССИЧЕСКОМ РОМАНЕ АХМЕДА ХАМДИ ТАНПЫНАРА «СПОКОЙСТВИЕ»

Роман классика турецкой литературы Ахмеда Хамди Танпынара (1901–1962) «Спокойствие» (Huzur) первоначально с февраля по июнь 1948 г. печатался в отрывках, позднее он издавался целиком, выдержав не одно издание¹. «Спокойствие» является вторым романом трилогии, название которой дал ее первый роман – «Мелодия лада Махур» (Mahur Beste), который также сначала публиковался в отрывках. Лишь в 1972 г. он впервые был опубликован в Турции полностью. Третья часть трилогии «Те, что за сценой» (Sahnenin Dışındakiler) был издан в 1973 г. [Аврutiна 2013: 42–43]. Существует мнение, что «Спокойствие» можно считать автобиографическим романом [Пылев 2011: 59], однако пристальный анализ трилогии свидетельствует об ошибочности подобного подхода.

Духовные поиски главных героев романа «Спокойствие» – молодых интеллигентных жителей Стамбула – Мюмтаза и Нуран – приводят их к увлечению османской классической музыкой, поэзией и суфийскими идеями. Внутренний мир героев –

¹ В 2018 г. роман был издан на русском языке (См.: Танпынар А.Х. Спокойствие / Пер. с турец. А. Аврутиной, под ред. Ю. Аверьянова. – М.: Ad Marginem. 2018).

мужчины и женщины – раскрывается в таинственных образах, наследии предшествующих эпох, начиная со средиземноморской древности и кончая ушедшим в прошлое османским средневековьем, связанным с великой державой. Мюмтаз собирается написать научно-популярную книгу об одном из наиболее ярких поэтов, принадлежавшем к османской суфийской традиции и воплотившем в своих творениях богатую символику мистицизма – Шейхе Галибе (1757–1799). Правда, этот замысел так и остается нереализованным, поскольку сам Мюмтаз не наделен качествами творца; он – лишь ценитель, эстет, любитель утонченных переживаний, бессильный выразить их в художественной форме. Нуран же, со своей стороны, тоже скорее лишь героиня «средневековой» поэмы о любви, любви «платонической или мистической» [Пылев 2011: 62], но ни в коей мере не создательница новых образов и смыслов. «Бессилие» героя и героини в преодолении стоящего перед ними препятствия имеет глубокие корни в традиции, как в османской, так и в более ранней – византийской и древнегреческой. Именно на эти истоки мы и хотим обратить внимание в данной статье.

Как писал выдающийся русский философ В.С. Соловьев, «<...> божество, понимаемое только как идеальный космос, как всё или как гармония всего – такое божество является для человека только как чистый объект, следовательно, только в идеальном созерцании, и религия, которая этим ограничивается, имеет характер умозрительный и художественный, исключительно созерцательный, а не деятельный; божественное начало открыто здесь для воображения и чувства, но ничего не говорит воле человека. И действительно, нравственный элемент совершенно чужд всему эллинскому мировоззрению» [Соловьев 2010: 85–86]. Конечно, вопрос о том, насколько османская цивилизация могла унаследовать «эллинское мировоззрение», является во многом дискуссионным, но взгляд с этой точки зрения на роман «Спокойствие» и его героев выявляет много интересных совпадений или, быть может, закономерностей.

Название этого романа лишь в русском языке однозначно. В турецком (и соответственно в османском) языке арабское слово «huzur» многогранно, насыщено многими смыслами – это

«покой», «спокойствие», «душевное равновесие», «точка сборки», «положение, при котором достигается душевное равновесие», «место постоянного пребывания», «место обретения спокойствия», «место жизни», «стоянка» [Аврутина 2018: 5]. Толковый словарь османского языка определяет это понятие как «быть готовым к чему-то» или «быть присутствующим», «предстоять перед кем-то, кто заслуживает почтения»; наконец, «умиротворение» и «сердечное спокойствие, возникшее как результат богопоклонения» [Osmanlıca-Türkçe Ansiklopedik Büyük Lügat 1999: 387]. Как мы увидим, все эти значения обыгрываются в тексте автором романа – от античного «спокойствия», через христианский «покой», к суфийскому «умиротворению» и османскому «почтительному предстоянию».

Уже на первых страницах романа мы сталкиваемся с подобной сентенцией: «Иногда люди бывают осуждены от рождения, как и тростник иногда ломается сам по себе» [Tanrınar 2002: 14]. Эта фраза, брошенная автором, казалось бы, случайно, на самом деле является одним из лейтмотивов произведения [Аврутина 2013: 46–47]. И так обстоит дело со многими другими его суждениями, высказанными вроде бы мимоходом, в череде описаний обычных житейских дел. Модернистский антураж не должен нас вводить в заблуждение – речь в романе идет о куда более глубоких вещах, чем просто поверхностное влияние европейского «лоска» на культуру то ли турок, то ли «османцев» (многие в то время, о котором повествует автор, еще не определились со своей культурной идентичностью). «Вот тростинка, что зовется человеком... – проведя в одиночестве почти все детство, Мюмтаз любил разговаривать сам с собой. – А жизнью зовется нечто другое...» [Tanrınar 2002: 10].

Переходя к детским воспоминаниям Мюмтаза, писатель не скупится на краски при описании «таинств» средиземноморской природы. Эта природа наполнена своеобразной языческой мифологией: в ней все манит, шевелится, раскрывает свою жизненную силу. По словам современного философа С.А. Жигалкина, сторонника концепции «вечного возвращения»: «Если перед нами, к примеру, море, небо и даль, и если мы знаем, что все это – море, мы сами, скалы вокруг, не призрак и сон, но нечто, что *было*

и *будет*, что в некоем “безвременном” смысле *есть*, если мы, пусть даже бессознательно, внутренне не вглядываемся *туда* – где всего этого уже нет, если знаем, что все это погружено в вечность и никогда не растворится в небытии, то весь пейзаж из отражения неких “глубоких смыслов” сам превращается в явленный глубокий смысл. <...> То величие, безграничность, спокойствие и мощь, исходящие из всего, что вокруг, из призрачной пародии на эти реалии превращаются в сами эти реалии – и это уже не величие, которое обречено рассеяться как дым, но величие в вечности – величие, которое существует *всегда*, и это уже не спокойствие, которое будет забыто в потоке страстей, но спокойствие в вечности – спокойствие, которое *было, будет и есть*» [Жигалкин 2011: 107].

Показательно, что философ употребил именно термин «спокойствие», а не «покой», поскольку последний в русском языке несет явно христианское содержание, от которого, видимо, он в своих рассуждениях, близких к философии неоплатонизма, хотел дистанцироваться. Но у А.Х. Танпынара различные оттенки термина «*huzur*», как уже было упомянуто выше, скорее сливаются, чем разделяются.

Мюмтаз, герой романа, «оторван ото всех», потерял свою изначальную суть и никак не может обрести ее, несмотря на все поиски. Более того, он надоел всем окружающим со своими «нелепыми» проблемами. «Впрочем, было очевидно, что судьба его была необычной, особенной и совершенно отличной от других» [Tanpınar 2002: 35].

Произведение А.Х. Танпынара нельзя назвать «философским романом» в собственном смысле слова, поскольку его героев больше интересует не философия в узком понимании, а искусство и «духовное развитие». Внутренний мир Мюмтаза поначалу похож на пеструю смесь из различных колдовских предписаний и практик, которую он находит на страницах относительно «старой» рукописи начала XX в. на Букинистическом рынке у мечети Баязида: «Затем следовал рецепт колдовского зелья, для которого нужно было взять черепаший панцирь, воду из семи колодцев, налитую пятнадцатого числа любого месяца в стеклянную бутылку, сорок зерен граната, и в полночь прокипятить эту смесь

на огне с шафраном и черным перцем, а затем, перемешав свежесрезанной ветвью черешни, прочитать молитву и выставить на сорок дней на солнце. За рецептом следовал текст молитвы, которую тоже нужно было читать сорок дней и сорок ночей подряд, чтобы становиться невидимым и свободно разгуливать среди людей» [Ibid.: 49]. Эта пестрота предметов и впечатлений одинаково характеризует и главного героя романа и великий город, в котором он живет, – Стамбул, Константинополь, Новый Рим. На фоне этих декораций разыгрывается повесть об убийственной красоте османской суфийской музыки и о ее тайных взаимосвязях с судьбами людей, которые ее сочиняли и исполняли.

Как замечает современный теоретик искусства И.А. Тульпе: «Позиция религии в отношении искусства может объяснена как способ оправдания-санкционирования его права на существование. Искусство и религия близки и чужды друг другу как два различных пути к одной цели. То, что не поддается реальному упразднению, может быть лишено самобытности подстановкой другого бытийного основания. Таким образом, искусство перестает быть другим и чуждым, а становится модусом религии. Кроме того, религия, возвращая свое сверхъестественное в мир, встречаясь с обратным движением искусства в “потусторонность” наличного бытия, чувствует “несерьезность” искусства, его разрушительную силу для одномерного восприятия мира и пытается укоренить его в реальности (в реальности Бога, в сверхъестественной реальности Красоты)» [Тульпе 2012: 155]. В османском социуме искусство было пронизано мистическим суфийским видением. Именно благодаря традиционному искусству жизнь Мюмтаза временами словно превращается в «житие» (менâkîb) суфийского подвижника с некоторыми аллюзиями на византийские образцы. Плотское не уступает место духовному, а сосуществует и перемешивается с ним в какой-то странный клубок. По словам С.С. Аверинцева, у византийских христианских авторов человеческая природа «простерта между ослепительной бездной благодати и черной бездной гибели, и ей предстоит некогда с неизбежностью устремиться либо в одну, либо в другую из этих бездн. Пока этот час не пришел, всякое

наглядное благополучие человека должно только оттенять его мистическое унижение и, напротив, всякое наглядное унижение может служить желательным темным фоном для блеска сокровенной прославленности» [Аверинцев 1997: 86]. Для Мюмтаза его возлюбленная Нуран, разлука с которой так терзает его, приобретает черты некоего божественного архетипа, в котором при желании можно найти всё, кроме жестокости и лживости; скорее даже всепрощение: «Это был образ женщины, которая уже простила его за все возможные ошибки; она была всего лишь бедной жертвой множества недоразумений; она прощала ему любую его глупость, любой сумасшедший поступок, окутывая спокойной улыбкой всю боль его жизни» [Танпынар 2002: 59].

Христианские коннотации связаны не только с тихой светоносной улыбкой Нуран («умиление Богородицы»). Иногда автор заставляет Мюмтаза бродить по закоулкам старого города подобно византийскому юродивому (главным качеством юродивого жития считают спокойствие – умение переносить трудности как природные, так и социального плана). Распятого Христа напоминает повесившийся Суат, видения которого преследуют главного героя – в этих видениях Суат предстает одновременно и Христом, жертвой, и вместе с тем истинным Иблисом, вторгающимся в души и жизни героев, однако претерпевающим наказание, высшую кару за свою веру².

Как отмечал известный византист А.П. Каждан, «композиция константинопольских агиографических текстов была не линейной, а эпизодической, а элементы биографии <...> составляли, скорее, фон, чем основную нить повествования» [Каждан 2012: 230]. С такими характеристиками мы сталкиваемся и в романе А.Х. Танпынара при описании им фактов из жизни главного героя. Разумеется, у нас нет прямых данных о знакомстве писателя с житиями греческих святых. Но рассмотреть типологически влияние константинопольской житийной традиции, в частности наиболее популярного «Жития Андрея Юродивого ради Христа» священника Никифора (X в.), на сочинения позднейших туркоязычных стамбульских писателей было бы весьма любо-

² Об образе дьявола в суфийской традиции см. [Дроздов 1995: 16].

пытно (такая задача, насколько известно, пока никем из литературоведов не ставилась).

Взаимное «узнавание» героев романа, которым предназначено судьбой полюбить друг друга, и predetermined печальное расставание также восходят к литературным образцам эпохи эллинизма. Античный роман рождается из местных легенд и преданий, он обогащается восточными мотивами и фантастикой, описаниями путешествий, риторическим и драматическим искусством. «<...> В судьбах скитающей четы, бросаемой случайностями по близким и дальним берегам и странам, то и дело проглядывают очертания старых мифов. В мотивах описаний и приключений, рожденных, казалось бы, вольной фантазией авторов, при внимательном изучении обнаруживаются разительные совпадения с греческими и восточными аретологиями, с гимнами и молитвами в честь богов, с древними и распространенными обрядами. Именно это последовательное и неуклонное соединение элементов быта или истории со слегка замаскированными элементами сказки или мифа создает специфическую атмосферу греческих любовных романов» [Античный роман 1969: 29]. Идея духовного очищения и обновления присутствует, скажем, в «Метаморфозах» Апулея, в особенности в заключительной книге последних. Это роман, спроецированный в прошлое, совершенно не отражающий современную действительность [Там же: 370]. В античном романе была сильна тенденция к фантазмагии, к подмене реального мира нереальным. Связь эллинистического романа с магическими ритуалами, с посвящениями в мистерии Диониса, Исиды и других богов подчеркивается рядом исследователей этого жанра наряду с чисто сказочными деталями. Другие литературоведы высказывают сомнения в эзотеричности данных сюжетов и произведений в целом, считая такой подход к ним (как к сценариям мистерий) излишне субъективистским и необоснованным [Там же: 385–386]. Темы смены времен года, испытаний влюбленных, наконец, их инициации в культ божества наиболее ошутимы в романе Лонга «Дафнис и Хлоя». Все они наделяются символическим значением на пути посвящения. Следовательно, в финале должно произойти полное слияние или воплощение божества в героя (под божеством здесь подразуме-

ается Дионис или Эрот). В любовную идиллию героев вторгается как диссонанс необузданный Пан, носитель «панического» страха, предстающий в облике полуживотного и персонифицирующий природные силы.

В романе А.Х. Танпинара Мюмтаз и Нуран также переживают период идиллии, «буколического» пребывания на лоне природы (на берегу моря и в лодке посреди его вод), когда все в их отношениях складывается удивительно благоприятно; потом приходит время испытаний, – в жизнь героев вмешиваются стихийные силы, олицетворяемые антагонистом Суатом. Гармоничное единение с природой у турецкого классика также несет в себе божественный или полубожественный смысл. Тростниковая флейта-ней заменяет дионисийскую свирель-авлос и сирингу («флейту Пана»), которая могла быть и одноствольной, и многоствольной, и также имела культовое значение. Нуран признается Мюмтазу, что в ее семье многие мучали своих близких из-за буйства страстей. Необычайная красота Нуран наводит на мысль об античных богинях. В своем увлечении друг другом они становятся похожими не на взрослых людей, а на маленьких детей (как Дафнис и Хлоя). При этом Мюмтаз – сирота, как и Дафнис, который, правда, потом как по волшебству обретает своих родителей живыми и здоровыми. Нуран также с грустью вспоминает своего отца, играющего на флейте.

Именно в душевных беседах Мюмтаза с Нуран они воскрешают образы мусульманских мистиков и святых дервишей прошлых эпох, которые как бы обретают жизнь от полноты чувств влюбленных. Так о Шейхе Галибе Мюмтаз говорит: «Он умирает в молодом возрасте, в самом расцвете сил. Он прошел такую подготовку в ордене, которая сама по себе является мудростью. Это обучение убило в нем очень много плохого, много вредных вещей. После этой подготовки у него уже не было в жизни ни утра, ни ночи. Все его действия – один спокойный вечер, отныне они состоят из игры лучей света, из преданности любимым занятиям» [Tanpınar 2002: 120].

Мистицизм спасает людей от безысходности (*ümitsizlik*), о которой так любил упоминать Мюмтаз, дарует надежду. Любовное чувство к Нуран приобщает Мюмтаза к такому состоянию, о ко-

тором он раньше мог только мечтать: «Мюмтаз, эта капелька бытия, сейчас чувствовал себя широким, бескрайним морем, как Вселенная. Свое бытие он обнаружил благодаря бытию Нуран. Он жил во Вселенной, созданной из мириад зеркал, и в каждом из них он видел лицо Нуран, которое было и его вторым лицом. Все – деревья, вода, свет, ветер, деревни на Босфоре, старые сказки, книга, которую он читал, дорога, по которой он гулял, друг, с которым он разговаривал, голубь, пролетевший над головой, летние цикады, голоса которых он слышал и о которых он не знал ничего, ни их размера, ни их цвета, ни их судьбы, – все это было от Нуран. Все принадлежало ей» [Ibid.: 126].

Как отмечал Е.М. Мелетинский, «теоретически суфизм интерпретирует любовный “платонический” экстаз как аллегорию любви к богу или преддверие любви к богу и растворения в нем. Но, с другой стороны, суфийские воззрения дают основание оправдать и оценить как божий дар, а не дьявольское наваждение, как подлинно божественное начало возвышенную страсть, подобную любви Лейли и Меджнуна» [Мелетинский 1983: 189]. Суфизм и любовное чувство как бы взаимно помогают и поддерживают друг друга, ведь и то, и другое питается человеческим воображением. Но в романе А.Х. Танпынара любовь раскрывает перед Мюмтазом еще и перспективу будущего времени, так как до этого он, по словам автора, жил преимущественно одним днем. «Любовь Нуран стала для Мюмтаза чем-то вроде религии. Мюмтаз был единственным последователем этой религии, настоятелем единственной обители, стерегшим самое священное место своего храма и постоянно бодрствовавшим; он был единственным избранным из всего человечества, предназначенным для того, чтобы найти, где скрыта тайна великого Бога. Отчасти это было реальностью. Солнце каждый день вставало только для них двоих. Прошлое повторяло свои времена тоже только ради них» [Tanpınar 2002: 160].

Святые суфии, покровители османского Стамбула и их усыпальницы становятся словно бы вехами на пути любящих сердец: «Ускюдар был истиной сокровищницей. Он был бесконечен. За мечетью Новой Валиде располагалась усыпальница блаженного Азиза Махмуда-эфенди. Этот “духовный султанат” эпо-

хи Ахмеда I давно стал традицией в семье Нуран. Выше по улице была усыпальница Селями-эфенди, который несколько лет держал в руках бразды правления в эпоху Мехмеда IV. В Караджа-ахмете покоился Караджа Ахмед, современник, а, может быть, и собрат по оружию в священной войне знаменитого святого из Бурсы, который был из числа святых дервишей Хорасана и которого прозывали “Олений Дервиш”, по преданию, за появление на поле брани верхом на олене во времена султана Орхана Гази; а в Султантепе почил Баки-эфенди из суфийского братства джелвети» [ibid.: 163]. Ускюдар, азиатская часть Стамбула (греческий Халкидон) – ключевая часть Города в плане святости и святых наставников, «просиявших» в нем. При этом ни Мюмтаз, ни сама Нуран не отождествляют себя в романе с тем Востоком, который разбросал повсюду в Стамбуле свои следы в виде усыпальниц дервишей с их духовным воздействием и благодатью. Они пытаются представить себе, как выглядели и чем жили святые старцы, размышляют о том, существуют ли подобные люди в современную эпоху:

«К стенам усыпальницы, к ее решеткам тянулись руки, перед ней возносились молитвы. Святой вылечивал больных, открывал врата спасения тому, у кого не было надежды, освещал путь тех, чей мир рухнул, и кто преступил порог смерти, и учил терпению, самоотречению и смирению.

– Что это был за человек?

– Он был из тех, кто верил в свое духовное призвание; то были люди, которые познали определенный духовный порядок, воспитали свои слабые человеческие души. Поэтому они заставили чтить себя даже после смерти. Сюмбюль Синан³ лишь немногим отличается от других. Прежде всего, он был великим ученым. А кроме того, весельчаком и остроумным человеком.

Мюмтаз какое-то время помолчал, а после со смехом добавил:

– У каждого из святых есть множество слабых сторон. Ты знаешь, откуда у покоящегося здесь человека появилось прозви-

³ Сюмбюль Синан-эфенди (1452–1529) – один из самых известных святых старцев Стамбула, основатель суфийского братства сюмбюльи (ответвление широко распространенного в Османском государстве братства халватий).

ще “Сюмбюль-Гиацинт”? Весной он прикалывал себе на тюрбан гиацинты. Он близок к нам даже тем, что любил стамбульские времена года.

– А святой Меркез-эфенди⁴? Каким был он?

– Он был совершенно другим. Он не мог причинить зло даже самым вредным животным. Он, например, очень любил котом, но не заводил себе кота дома потому, что считал: “Кот принесет вред крысам нашего соседа”. Ты веришь в то, что духовную жизнь вести легко?

Нуран размышляла: “Интересно, встречаются ли сейчас такие люди?”

– Судя по тому, что всегда очерчены дороги, которые ведут к Аллаху, а врата, открытые к спасительным мыслям и к самопознанию, никогда не закрываются, то такие люди должны встречаться» [Ibid.: 181–182].

В народном сознании происходит стирание черт конкретной, когда-то жившей личности святого, и она превращается в выражение народных представлений о нем. Как пишет современный исследователь агиографии В.М. Лурье: «Образ мученика превращается в этой литературе в образ народного героя, знакомый по эпической литературе. Мученика начинают изображать как представителя высшей расы, который просто не может потерпеть поражение. Поэтому и средства для создания такого портрета мученика заимствуются из эпоса» [Лурье 2009: 45]. Гробница суфия становится зримым воплощением его духа; к ней со всех сторон стекаются несчастные обездоленные люди со своими просьбами и жалобами, с надеждой на помощь из потустороннего мира.

«Пожилая женщина направлялась к ним от угла улицы, от которого было идти в два раза дальше. Она опиралась на что-то среднее между обычной палкой и тростью. Она шагала к мавзолею робкими беспомощными шагами. Помолилась, ее беззубый рот что-то пробормотал; зацепившись двумя руками за решетку, она повисла на ней и какое-то время так стояла. Со своего места,

⁴ Меркез-эфенди (1463–1551) – суфий братства халватийа, врач, мюрид Сюмбюля Синана, похоронен в окрестностях Стамбула (за стенами Феодосия), в квартале Мевлянакапы.

перед мечетью, они могли видеть все, что она делает. Как же бедно она была одета. Вся ее одежда превратилась в лохмотья.

– Кто знает, что с ней сейчас происходит? В этот миг Сьюмбюль Синан разговаривает с ее душой, сулит ей истинный покой. Даже если святой ничем ей не поможет, он скрасит для нее жизнь по ту сторону смерти. Вопреки всему, неужели ты думаешь, что мучений этого человека недостаточно, что недостаточно просьбы о защите от чувства безысходности, чтобы это место стало святым?» [Tanpınar 2002: 183]

Но попытки героев представить себе «вживую» личность творца традиционной культуры, скажем, в лице жившего в XVIII в. поэта-суфия Шейха Галиба, воссоздать биографию которого мечтает Мюмтаз, обречены на неудачу, так как эти гении полностью растворились в своих созданиях. Об этом как раз наиболее емко говорит единственный в романе «живой» носитель суфийской традиции – флейтист (neyzen) Эмин Деде: «Эмин Деде был человеком, личность которого была скрыта его физической сутью и его культурой. Напрасно было искать в этом великом музыканте хоть какую-то искусственность поведения, хоть какое-то свидетельство внутренних бурь, которые могли бы обнаружить его личность. Он был очень похож на камень, на гальку, все края, все шероховатости которого были стерты и многократно омыты многочисленными волнами времени, ударявшимися о тот же берег; он казался одним из тех круглых и твердых камней, которых мы видим тысячами, когда гуляем по песчаному пляжу! Он даже не показывал вида, что сберегал в себе последние лучи мира, скрывшегося от нас, хранителем богатств которого он был. В своем смирении он был другом, равным для всех, не замечая в нашей жизни различий, не замечая даже тех многочисленных потерь в ней, которые превращали и его самого, и его искусство в прекрасную руину на заходе солнца» [Ibid.: 248].

Именно Эмин Деде с помощью своего искусства заставляет героев романа на какое-то время ощутить, что значит жить в настоящее мгновение, позабыв и о прошлом, и о будущем, и о всех личных страстях и невзгодах. Они переживают духовное очищение, катарсис, участвуя в его исполнении или просто внимая ему: «А *ней* продолжал петь. *Ней* стал загадкой созидательного

и разрушительного творения. Все, вся Вселенная, менялась в ритме его поэзии, формируясь из бесформенности; и с того самого момента, в котором она стала материей, она созерцала, безропотно покоряясь Творцу, все манипуляции с ее сутью. Там пенится огромный океан, тут становится пеплом огромный лес, звезды целуются друг с другом. Руки Мюмтаза стекали с коленей вниз, словно были из меда» [Ibid.: 260].

Можно сказать, что роман А.Х. Танпынара «Спокойствие» сам по себе является воплощенной памятью турецкой культуры о своем славном и незабываемом прошлом.

Литература

- Аверинцев 1997 – *Аверинцев С.С.* Поэтика ранневизантийской литературы. – М., 1997.
- Аврутина 2013 – *Аврутина А.С.* Музыкальные мотивы в трилогии А.Х. Танпынара «Махур Бесте» (Роман «Покой» как часть трилогии) // Российская Тюркология. № 1(8). – Москва–Казань, 2013. – С. 42–48.
- Аврутина 2018 – *Аврутина А.С.* Ахмед Хамди Танпынар и его роман «Спокойствие» / Предисловие переводчика к русскому переводу романа // Танпынар А.Х. Спокойствие. – М.: Ad Marginem, 2018. – С. 5–15.
- Античный роман 1969 – Античный роман / Отв. ред. М.Е. Грабарь-Пассек. – М., 1969.
- Дроздов 1995 – *Дроздов В.А.* Исламский мистицизм и его влияние на население СНГ. – СПб.: СПбГУ, 1995.
- Жигалкин 2011 – *Жигалкин С.А.* Метафизика вечного возвращения. – М., 2011.
- Каждан 2012 – *Каждан А.П.* История византийской литературы (850–1000 гг.). – СПб., 2012.
- Лурье 2009 – *Лурье В.М.* Введение в критическую агиографию. – СПб., 2009.
- Мелетинский 1983 – *Мелетинский Е.М.* Средневековый роман: происхождение и классические формы. – М., 1983.
- Пылев 2011 – *Пылев А.И.* Ахмед Хамди Танпынар и его роман «Спокойствие» (о некоторых стилистических особенностях формы и содержания произведения) // Вестник СПб. ун-та. Сер. 13. Вып. 3. – СПб, 2011. – С. 51–65.
- Соловьев 2010 – *Соловьев В.С.* Чтения о богочеловечестве. – СПб., 2010.
- Тульпе 2012 – *Тульпе И.А.* Мифология. Искусство. Религия. – СПб., 2012.
- Osmanlıca-Türkçe Ansiklopedik Büyük Lûgat 1999 – Osmanlıca-Türkçe Ansiklopedik Büyük Lûgat. – İstanbul, 1999.
- Tanpınar 2002 – *Tanpınar, Ahmed Hamdi.* Huzur. Eleştirel basım. – İstanbul, 2002.

Аннотация

Статья посвящена анализу суфийских и мифологических элементов в тексте самого знакового романа турецкого классика XX в. Ахмеда Хамди Танпынара (1901–1962) «Спокойствие» (Huzur), который является второй частью трилогии «Мелодия лада Махур» (Mahur Beste). Действие романа «Спокойствие» разворачивается в Стамбуле тридцатых годов прошлого века. Сквозь модернистский лоск, лежащий на поверхности, постоянно проглядывает иной Стамбул – столица Османской империи (когда город официально назывался «Константинийе»), а иногда и еще более древний и совсем уже ставший мифическим византийский Константинополь (Царьград). Герои, живущие и действующие в период Турецкой Республики, постоянно оказываются в том полумифическом пространстве, на грани различных времен и эпох. Жизнь главного героя, Мюмтаза сопровождают то библейские, то древнегреческие, то порожденные собственно исламским мистицизмом символические сцены и видения. Исследование этих влияний способствует более глубокому пониманию культурного синтеза и взаимосвязей между различными цивилизациями, сменявшими друг друга на землях нынешней Турции. Рассмотрению этих многоплановых образов и посвящена настоящая статья, один из авторов которой является переводчиком романа «Спокойствие» на русский язык, а второй – редактором перевода.

Ключевые слова

Ахмед Хамди Танпынар, «Спокойствие», турецкий модернизм, Османская империя, Шейх Галип, суфизм, тюркский суфизм, османская поэзия, османская литература, турецкая литература

Сведения об авторах

Аврутина Аполлинария Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и методики преподавания языков и культур Азии и Африки СПбГУ; e-mail: a.avrutina@spbu.ru

Аверьянов Юрий Анатольевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, доцент РГГУ; e-mail: avanta_yuriy@mail.ru

Apollinaria Avrutina, Yuriy Averyanov

**Mythological and suffic elements in the classical novel
of Ahmed Hamdi Tanpınar «A mind at peace»**

Summary

The article is devoted to the analysis of Sufi and mythological elements in the text of the most iconic novel by the Turkish classic of the 20th century, Ahmed

Hamdi Tanpınar (1901–1962) «A Mind at Peace» (Huzur), which is the second part of the trilogy «Makhur Melody» (Mahur Beste). The novel «A Mind at Peace» is unfolding in Istanbul in the thirties of last century. Through the modernist luster, lying on the surface, a different Istanbul – the capital of the Ottoman Empire (when the city was officially called «Constantiniye») constantly looks through, and sometimes even more ancient and quite already mythical Byzantine Constantinople («Tsargrad»). Heroes who live and work in the period of the Republic of Turkey, are constantly in that semi-mythical space, on the verge of different times and epochs. The protagonist, Mumtaz, is accompanied by the biblical, the ancient Greek, symbolic scenes and visions engendered by Islamic mysticism. The study of these influences promotes a deeper understanding of the cultural synthesis and interrelationships among the various civilizations succeeding each other on the lands of present-day Turkey. It is the consideration of these multifaceted images that is the subject of this article; one of the authors is the translator of the novel «A Mind at Peace» in Russian, and the second one is the editor of the Russian translation.

Key words

Ahmed Hamdi Tanpınar, «A Mind at Peace», Turkish modernism, Ottoman Empire, Sheikh Galip, Sufism, Turkic Sufism, Ottoman poetry, Ottoman literature, Turkish literature

Information about the authors

Apollinaria Avrutina – PhD in Philology, Associate Professor, Department of Theory and Methods of Teaching Languages and Cultures of Asia and Africa, St. Petersburg State University; e-mail: a.avrutina@spbu.ru

Yuriy Averyanov – PhD in Historical Sciences, Senior Researcher of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Associate Professor of the RSUH; e-mail: avanta_yuriy@mail.ru

Г.А. Горбаткина

О НЕСКОЛЬКИХ ВАРИАНТАХ ОДНОЙ НАРОДНОЙ ПЕСНИ

На протяжении долгих веков события реальной жизни каждого народа находили отражение в произведениях фольклора. При этом, передаваясь из уст в уста, они претерпевали значительные изменения. В них отражались новые события, новые идеи, новые явления, происходившие в действительности и порождаемые ею. Конечно, это не было прямым зеркальным отражением, оно расцвечивалось фантазией творцов фольклора, окрашивалось их отношением, смещалось во времени и пространстве.

Из огромного количества событий и фактов память народа сохранила и запечатлела в фольклорных произведениях наиболее значительные такие, как переселения народов, природные катаклизмы, великие битвы и восстания. Но наряду с этим в фольклорных произведениях навсегда сохранилась память о великих подвигах и героических деяниях, о возвышенной любви и любовных страданиях. Так, во многих произведениях фольклора и литературы народов Востока нашли отражение и разную трактовку образы двух знаменитых влюбленных, имевших исторические прототипы – Хосрова и Ширин, Лейлы и Меджнуна.

Наряду с подобными героями творцы фольклора создавали образы, не связанные с реальными событиями, и в них запечатлевали этические и эстетические идеалы народа.

Выявление и анализ многослойности фольклорных произведений крупных жанров, таких как героический, героико-романтический, романтический эпос представляет собой сложную задачу, которая привлекала внимание многих учёных. Но и в других жанрах фольклора можно проследить, как новые явления жизни народа отражаются в его устно-поэтическом творчестве.

Наиболее быстро, наиболее чутко реагируют на события реальной жизни малые фольклорные жанры. Применительно к турецкому фольклору это мани (ср. с русскими частушками), фыкра, латифе и интермедии теневого кукольного театра «Карагёз», которыми артисты обрамляют и перемежают основное действие. Изменения в реальной жизни также отражаются и в турецких народных песнях тюркю.

В данной статье сделана попытка проанализировать это на материале народной песни «Девушка-туркменка» (Türkmen kızı). Нам известны несколько вариантов этой песни. Приведём один из них, более древний (на наш взгляд), целиком, а потом сопоставим с более поздними.

*«– Baba obasından bıktım
Dönüp de ardıma baktım
Beş yüz altın alıp çıktım
Bin gidelim beyim oğlan
Beş yüz altın alıp çıktım
Bin gidelim beyim oğlan.
– Anan duyar: baban duyar
Ardımızdan atlı kovar
Gelen atlı cana kıyar
Ben gidemem Türkmen kızı
– Anam duysun, babam duysun
Ardımızdan atlı kovsun
Gelen atlı cana kıysın
Ben yeterim beyim oğlan.
– Kır atının nalı yoktur
Bir gecelik yemi yoktur
Arkasında çulu yoktur
Ben gidemem Türkmen kızı
– Bileziğim nal edeyim
İncilerim yem edeyim
Feracemi çul edeyim
Bin gidelim beyim oğlan
– Türkmen kızı Türkmen kızı
Doğsun sabahın yıldızı*

*Sen allar gey, ben kırmızı
Gel gidelim, Türkmen kıızı*» [Güney 1959: 80].

«– Наскучило мне отцовское кочевье (или: отцовский шатёр)
Но я, оглянувшись, посмотрела назад
Я ушла, взяв пятьсот золотых
Садись на коня, уедем, господи мой юноша.
– Узнает твоя мать, узнает твой отец
И пошлют за нами всадников
Всадники настигнут нас и убьют.
Я не могу уехать, девушка-туркменка.
– Пускай узнает моя мать, пускай узнает мой отец
И пускай пошлют за нами всадников
Пускай покушаются на нас – я с ними справлюсь!
– Мой чалый конь не подкован,
Для него нет корма даже на одну ночь,
Не покрыт его круп попоной.
Я не могу уехать, девушка-туркменка.
– Пусть мои браслеты станут ему подковами,
Пусть мои жемчуга станут ему кормом,
Пусть моя накидка станет ему попоной.
Садись на коня, уедем, господи мой юноша.
– О девушка-туркменка, девушка-туркменка!
Пусть только взойдёт утренняя звезда,
Ты надень алые одежды, а я красные.
Давай уедем, девушка-туркменка!»

Во втором варианте этой песни вышеприведённый текст сохраняется, изменена только первая строфа и переставлены некоторые строчки в других строфах. Принципиальное значение имеет изменение концовки – добавление четырёх строф, две последние из которых превращают счастливый конец песни в трагический.

Во втором варианте после предложения девушки отдать всё, чем она владеет, чтобы осуществить побег, следуют такие строфы:

«– *Türkmen kızı Türkmen kızı*
Sabahın seher yıldızı,
Git gidemem Türkmen kızı
– *Beyim oğlan, paşam oğlan*
Kolum yastık, saçım yorgan
Bin gidelim beyim oğlan.
– *Öküzümü çifte koştum*
Tohumumu yere saçtım
Ben bir helal yere düştüm
Ben gidemem Türkmen kızı.
– *Öküzünü kurtlar yesin*
Tohumunu kuşlar yesin
Helal ekmek haram olsun
Ben istemem şimdengeri».

«– О девушка-туркменка, девушка-туркменка!
Утренняя звезда, звезда рассвета!
Ты езжай, а я не могу уехать, девушка-туркменка.
– О господин мой юноша, мой паша!
Пусть мои руки будут нам подушкой,
А волосы – одеялом,
Садись на коня, уедем, господин мой юноша!
– Я запряг пару быков для пахоты
И бросил семена в землю,
Я попал в благословенные места,
Я не могу уехать, девушка-туркменка.
– Пусть волки сожрут твоих быков,
Пусть птицы склюют твои семена,
Пусть будет проклят благословенный хлеб!
Отныне я ничего больше не хочу!»

При сравнении этих двух вариантов песни «Девушка-туркменка» становится очевидным, что первый из них был создан тогда, когда социальные конфликты, связанные с оседанием кочевых племён на землю, ещё не приобрели определённой формы, ещё сильно не повлияли на сознание кочевника. Во втором же варианте песни «Девушка-туркменка» эти конфликты отражены

во всей их трагической остроте. Сознание юноши уже трансформировалось, это уже не сознание вольного кочевника, а сознание человека, привязанного к земле, сознание крестьянина, для которого главное в жизни – земля. Он уже не может оставить засеянное поле, бросить всё и уехать с девушкой, хотя и любит её. Для сознания девушки характерны критерии кочевой жизни, которые вырабатывались столетиями. Но она – не ординарный представитель кочевников, она нарушает вековые устои, убежав из отцовского дома, чтобы начать новую жизнь с любимым. Побег девушки из отчего дома, брак без благословения родителей считался позором для всего рода и карался смертью, если погоне удавалось настигнуть беглецов. Но это не пугает героиню песни, она готова на всё, даже на то, чтобы защитить своё право на счастье с оружием в руках. Сначала она пытается переубедить юношу, но его отговорки не могут не вызывать в ней презрения. Когда же она понимает, что «притяжение земли» оказалось сильнее притяжения любви, она проклинает всё, что мешает им обрести счастье, и отказывается от своего избранника.

Во втором варианте песни прослеживаются элементы психологической разработки образа девушки-туркменки. Первая строфа этого варианта звучит так:

*«Ben babamın evin yıktım
Beş bin altın alıp çıktım
Dönüp de ardıma baktım
Bin gidelim beyim oğlan».*

«Я разрушила отцовский дом,
Я ушла из него, взяв пять тысяч золотых,
Но оглянулась назад (чтобы посмотреть на него)
Садись на коня, уедем, господин мой юноша».

Как мы видим, этот вариант значительно отличается от первой строфы более древнего. Здесь девушка убегает не от того, что ей наскучило жить в родном доме, она понимает, что её побег принесёт горе всем её родным, позор всему роду и что этим своим поступком она разрушает отцовский дом. Но, покидая его,

героиня оборачивается назад, чтобы в последний раз взглянуть на родное гнездо, ей жаль покидать его, она сожалеет о страданиях, которые причинит её побег родным. Но на этот отчаянный поступок толкает её любовь, противостоять которой она не в силах. И с какой самоотверженностью она готова отдать любимому всё! Таким образом, чувство сострадания живёт в её душе рядом с решимостью и отвагой настоящего воина.

Этот героический образ перекликается с образами дев-воительниц из древних тюркских эпосов: Сары Сельджан и Бану-Чечек («Деде Коркуд»), Гулайым и её дружина («Кырк Кыз»), Бенли Ханым, Доне, Харман-Дели («Кёроглу»).

В более позднем варианте песни «Девушка-туркменка» затрагивается и ещё один конфликт – нравственно-религиозный. Если в первом варианте нет никаких признаков влияния ислама, то в втором варианте, проклиная всё, что стоит на пути к счастью, девушка-туркменка произносит слова «*helal*» (всё, дозволенное Кораном) и «*haram*» (всё, запрещённое Кораном). И то, что это сказано в самом конце, во второй кульминации произведения, свидетельствует о степени укоренения в сознании творцов фольклора нравственных норм ислама.

Однако поступки девушки идут вразрез с этими нормами. Ведь ислам требует от женщины покорности, безропотного принятия своей судьбы, того, что ей предначертано. А девушка-туркменка не смиряется, борется, старается переубедить пассивного и опасливого юношу. И народные певцы ничуть не осуждают героиню, а, наоборот, восхищаются и гордятся ею.

Обращение к понятиям «*helal*» и «*haram*» также свидетельствует о более позднем происхождении финала второго варианта песни.

По форме песня представляет собой диалог двух влюбленных. По мнению ряда учёных, он восходит к перепалкам воинов в стихотворной форме, которые предшествовали поединкам.

В песне «Девушка-туркменка» мысли и чувства юноши и девушки не созвучны, а контрастны. Этим объясняется наличие не одного, а двух рефренов. Именно в них звучит лейтмотив девушки: «Садись на коня, уедем, господин мой юноша» и лейтмотив юноши: «Я не могу уехать, девушка-туркменка». Только в

последней строфе обоих вариантов есть изменения. В первом – согласие юноши на побег, а во втором – проклятие девушки и отказ от всего, к чему она раньше стремилась всей душой.

Кроме повторов – излюбленного приёма творцов фольклора, в песне как нельзя более кстати – чтобы изобразить решимость, смелость, силу любви героини – используется гиперболы: девушка берёт из дома отца пять сотен золотых (во втором варианте – пять тысяч, а в третьем – сто тысяч); она уверена, что одолеет пять сотен всадников. Героине не жалко украшений, которые, как известно, передаются от матери к дочери из поколения в поколение. Необычайно поэтично звучат её слова, когда она говорит об этом:

«– *Bileziğim nal edeyim*
İncilerim yem edeyim
Feracemi çul edeyim
Bin gidelim beyim oğlan».

В другом варианте строфа звучит несколько иначе.

«*Altınlarım Nal Edeyim*
Al Hırkamı Çul Edeyim
Bir Gecelik Yem Edeyim»¹.

«Пусть мои золотые украшения² станут ему подковами,
Пусть мой алый плащ станет ему попоной,
Я найду ему корм на одну ночь».

Безвестные авторы песни используют метафору и постоянные эпитеты (например, *kır at* – чалый конь; при упоминании этого коня в сознании слушателей и читателей возникает знаменитый скакун Кёроглу, для которого это – имя собственное). Наряду с постоянными эпитетами в тексте песни встречаются оригинальные, поэтичные сравнения девушки с утренней звездой рас-

¹ Орфография источника сохраняется.

² Значительную часть женских украшений составляли золотые и серебряные монеты, которые нашивали на платье.

светного неба (*sabahın seher yıldızı*). Именно эти строки позволяют сделать вывод о том, что юноша любит отчаянную девушку, но под влиянием обстоятельств вынужден преодолевать свои чувства.

Психологический конфликт развивается постепенно, напряжение нарастает от строфы к строфе, и в момент кульминации, когда становится ясно, что юноша, несмотря на все отговорки, любит героиню, даже ритм песни меняется: две строфы состоят не из четырёх, а из трёх строк. Это свидетельствует о высоком мастерстве народных певцов, исполнявших песню на протяжении многих веков, огранививших её, как драгоценный камень.

Язык песни, отточенный многими поколениями народных певцов, отличается яркой образностью и поэтичностью.

Существуют ещё несколько, по-видимому, более поздних, вариантов песни «Девушка-туркменка». Рассмотрим сходство и различие этих вариантов с теми двумя основными вариантами, о которых говорилось выше. Вот один из них. В основном он совпадает со вторым вариантом. Но есть и различия, некоторые из которых весьма существенны. Так, в нём отсутствуют строфы, в которых говорится о возможной погоне, о решимости девушки сражаться с оружием в руках: что, на наш взгляд, обедняет героический характер девушки и свидетельствует о более позднем возникновении данного варианта. Остальные строфы остались без изменений, но каждая реплика юноши и девушки состоит не из одной, а из двух строк. Всё это, не меняя коренным образом характера песни, ещё раз указывает на то, что этот вариант появился позднее, когда героические образы дев-воительниц отошли на второй план.

Отличается и первая строфа этого варианта. Она звучит так:

*«Ben babamın evin yıkdım
Tavladan dorusun çektim
Yüz bin altın alıp çıktım
Bin gidelim beyim oğlan»* [Gülensoy 1978: 42–43].

«Я разрушила отцовский дом,
Вывела из конюшни его гнедого,

Взяла сто тысяч золотых и уехала.

Садись на коня, уедем, господин мой юноша»³.

Далее строфы следуют не в таком порядке, как в предыдущем варианте, и с точки зрения развития психологического конфликта эти перестановки представляются нам менее удачными. Как любовно-психологический, так и социальные конфликты развиваются в этом варианте так же, как и в предыдущем.

Известно, что в фольклорных произведениях, передаваемых изустно, последовательность строф может меняться, а также могут быть изменены отдельные строки и слова внутри каждой строфы. Встречаются повторы не целой строфы, а её части, особенно любимой исполнителем. Все это можно проследить в нескольких вариантах песни «Девушка-туркменка». Они значительно отличаются от двух основных вариантов, речь о которых шла в начале статьи. Приведём в качестве примера первую строфу четвёртого варианта:

*«Kolum yastık saçım yorgan
Gel gidelim güzel oğlan
İlk yaz geldi ambarı açtım
Öküzümü yolladım tohum saçtım
Ben gidemem Gürcü kızı
Ben gidemem Türkmen kızı»* [Internet 1].

«Пусть мои руки будут нам подушкой,

А волосы – одеялом.

Давай уедем, прекрасный юноша.

Пришла весна, я отворил сарай,

Направил быка (в поле), бросил семена (в землю)

Я не могу уехать, девушка-грузинка,

Я не могу уехать, девушка-туркменка».

Как мы видим, первая строка взята из седьмой строфы второго варианта, остальные строки изменены, и наряду с обращением «девушка-туркменка», которое фигурирует во всех вариантах,

³ Орфография источника сохраняется.

здесь употребляется обращение «девушка-грузинка (*Gürcü kızı*)», а в третьей строфе – «девушка огузского племени (*Oğuz kızı*)».

Форма 8-сложного «hesе vezni», которая строго выдержана в предыдущих трёх вариантах, здесь разрушена: 1-ая строфа состоит из шести строк, причём одна из них написана 11-сложником. Следующая строфа состоит из 4 строк, 3-я строфа – из пяти строк, а четвёртая и пятая строфы – опять из четырёх. Отдельные строки состоят из 9 слогов.

Любовно-психологический и социальный конфликты в этом варианте также обозначены, но финал не носит трагического характера. Хотя девушка и проклинает всё, что мешает побегу, она не отказывается от любимого, а вновь призывает его уехать.

Мотив воинской доблести девушки в этом варианте также не звучит. Отсутствуют и привнесённые исламом понятия «*helal*» и «*haram*».

Ещё один вариант песни «Девушка-туркменка», размещённый в сети Интернет, обладает как чертами сходства, так и различия по сравнению с предыдущими и даже носит другое название: «Я приготовила жирное мясо» (*Et pişirdim yağlı yağlı*).

В этом варианте 10 строф, 9 из которых совпадают со вторым основным вариантом, но не дословно, а с некоторыми изменениями. Сюжетные линии совпадают полностью (призыв к побегу, боязнь погони, мотив засеянного поля, проклятие девушки), но финал счастливый: юноша соглашается на побег. Следует отметить, что мотив воинской доблести девушки отсутствует, она полна решимости, но не сражаться, а стать жертвой, погибнуть. Юноше же предлагается постоять в сторонке: «Ты постой стороне, пусть они [погоня, которая настигнет беглецов] убьют меня» (*Sen şöyle dur, beni vursun*).

Ни в одном предыдущем варианте песни героиня таких слов не произносит.

Другое серьёзное отличие этого варианта: герой и героиня – двоюродные брат и сестра. Рефрен всех реплик девушки таков:

«*Bin gidelim emmim oğlu*
Emmim oğlu servi boylu» [Internet 2].

«Садись на коня, уедем, мой двоюродный брат,
Мой двоюродный брат, стройный, как кипарис».

А все реплики юноши, кроме последней, заканчиваются такими словами:

«*Ben gidemet emmim kızı*»

«Я не могу уехать, сестра (двоюродная, дословно: дочь моего дяди – брата отца)».

Такая ситуация (любовь двоюродного брата и сестры) встречается и в других фольклорных произведениях. Она отражает реальную жизнь, когда дети зачастую росли вместе, и это чувство зарождалось ещё в детстве. Религиозного запрета на такие браки в исламе не было.

Очевидно, этот вариант относится к более поздним, т.к. здесь тоже используются такие слова как «*helal*» и «*haram*». Форма 8-сложного «*hese vezni*» в этом варианте нигде не нарушена. Своеобразие этого варианта заключается в чередовании строф, состоящих из четырёх строк (реплики юноши), и строф, состоящих из пяти строк (все реплики девушки, кроме первой).

Таким образом, песня «Девушка-туркменка» – прекрасный пример многовариантности и многослойности фольклорного произведения. Каждый исполнитель, сохраняя основу, привносил в песню что-то своё, свойственное его индивидуальности, его таланту, в результате чего варианты в большей или меньшей степени отличаются друг от друга.

Фольклорная традиция изображения героических женских характеров продолжает жить и в современной турецкой литературе. Героини целого ряда произведений писателей современной Турции – родные сёстры героини песни «Девушка-туркменка». Таковы Иразджа («Житие Иразджи» Факира Байкурта), Джемо в одноимённом романе Кемаля Бильбашара, Хюрю Ана – один из любимых персонажей Яшара Кемаля (второй и третий том романа «Тоший Мемед»). Они – воплощение лучших черт турецкого народа: стойкости, силы воли, ума, гордости. Эти женщины спо-

собны на сильные чувства и смелые поступки, ради своей любви они готовы на всё. Они не смиряются с обстоятельствами, борются за справедливость, за своё человеческое достоинство, даже если приходится вступать в конфликт с собственной семьёй и социальной группой, к которой принадлежат.

Целая вереница героических женских образов предстаёт перед читателем в произведениях Яшара Кемаля. Главная героиня его романа «Легенда о Тысяче быков» Джерен по складу характера, силе природы, верности своему чувству – родная сестра своей далёкой предшественницы из песни «Девушка-туркменка». Джерен тоже восстаёт против всего и всех, что мешает ей соединиться с любимым Халилем. Она тоже сражается плечом к плечу с мужчинами, защищая своё племя. И тоже покидает его после гибели Халиля. Так, через века перекликаются эти два образа гордых отважных девушек-туркменок. Так, традиции фольклора продолжают жить в новых условиях, влияя на выдающиеся произведения турецкой литературы Нового времени.

Другая героиня Я. Кемалья Сейран (второй и третий тома романа «Тоший Мемед») обладает сильным, гордым, независимым характером. О красоте её ходят легенды. Эта гордая красавица полюбила человека, неизвестно откуда пришедшего в их горную деревушку. Вся большая семья девушки против ее брака с чужеземцем без роду без племени. Но Сейран вопреки воле семьи выходит за него замуж. Когда же он погибает, она, считая своих родных повинными в этом, порывает с семьёй, уходит из дома и начинает пасти чужой скот. Много горя и страданий выпало на долю Сейран до встречи с Мемедом, который после гибели Хатче долгие годы не хотел связывать свою жизнь ни с кем, т.к. знал наверняка, что жена эшкия рано остаётся вдовой. Но в конце концов беззаветная любовь Сейран победила его сомнения.

Сейран, как когда-то девушка-туркменка, уходит из родного дома, чтобы строить свою жизнь самостоятельно. Она уже может жить одна, работая по найму, не зависеть от семьи материально. Однако узы крови сильны и впоследствии Сейран мирится с отцом и братьями.

Так же, как и Джерен, Сейран ощущает себя не только частью семьи, рода, но и самостоятельной личностью, имеющей право

на счастье. Глубокая психологическая разработка образов позволила Я. Кемалю убедительно показать новые черты, формирующиеся под влиянием новой действительности в характерах его героинь.

С образом девушки-туркменки перекликается и образ героини повести Я. Кемалья «Пятнистый олень» Зейнеб. Рискую жизнью, она спасает своего любимого от смерти, и пуля, предназначенная ему, ранит девушку. Она готова на все, чтобы отвратить его от пагубной охотничьей страсти. Когда он, расплачиваясь за совершённое по отношению к спасителю-оленю предательство, оказывается в пропасти, Зейнеб опять пытается спасти его, приводит в горы односельчан, но поняв, что тот обречён на гибель, сама бросается в ту же пропасть. Ей не нужна жизнь без любимого, она теряет для неё смысл.

Гибель обоих влюблённых – традиционный финал романических дестанов («Керем и Асль», «Тахир и Зухра», «Ферхад и Ширин», «Лейли и Меджнун» и др.). В повести «Пятнистый олень» Я. Кемаль остаётся верен этой традиции, хотя психологические характеристики героев изменены, и проблема любви связана с различными аспектами проблемы предательства.

Конфликты, затронутые в песне «Девушка-туркменка», настолько серьёзны и значительны, что они продолжали развиваться в течение долгого времени. Так, конфликт между кочевниками и их собратьями, осевшими на землю, длился много десятилетий.

Развитие этого конфликта в условиях республики можно проследить на материале известного романа Яшара Кемалья «Легенда о Тысяче быков».

Процесс оседания кочевых племён на землю всегда был долгим и мучительным. Для Турции противоречия между полукочевыми племенами (юрюками) и племенами, уже осевшими на землю, сохраняет свою актуальность даже во второй половине XX в.

Изменение социального бытия кочевых племён и обусловленная им трансформация сознания кочевников находят отражение в фольклоре, что можно проследить и на примере песни «Девушка-туркменка».

Литература

- Горбаткина 2006 – *Горбаткина Г.А.* Роман Яшара Кемаля «Легенда о Тысяче быков» // *Turcica et Ottomanika*. – Москва, 2006.
- Güney 1959 – *Güney, Eflâatun Cem*. Halk Türküleri. – İstanbul, 1959.
- Gülensoy 1978 – *Gülensoy, Tuncer*. Türk halk edebiyatı. – İstanbul, 1978.
- Internet 1 – <https://www.sarkisozleri.bbs.tr/sarki/30119/turkmen-kizi-kolum-yastik> (дата обращения 19.11.2017).
- Internet 2 – http://www.turkuler.com/sozler/turku_et_pisirdim_yagli_yagli.html (дата обращения 19.11.2017).
- Kemal 1992 – *Kemal, Yaşar*. Binboğalar Efsanesi. – İstanbul, 1992.
- Kemal 2003 – *Kemal, Yaşar*. Üç Anadolu Efsanesi. – İstanbul, 1993.
- Kemal 2005 – *Kemal, Yaşar*. İnce Memed. Cilt 2. – İstanbul, 2005.
- Kemal 2006 – *Kemal, Yaşar*. İnce Memed. Cilt 3. – İstanbul, 2006.

Аннотация

В работе проанализированы несколько вариантов известной турецкой народной песни «Девушка-туркменка»; показаны черты сходства и различия этих вариантов. В более древнем варианте любовно-психологический конфликт завершается счастливо. В более поздних вариантах наряду с этим конфликтом в песне отражён глубокий социальный конфликт, связанный с оседанием кочевых племён на землю и трансформацией сознания кочевников, обусловленной этим процессом. В работе содержится анализ художественной формы произведения. На конкретных примерах прослеживается, что фольклорная традиция героических женских характеров продолжает жить и в современной турецкой литературе (произведения Факира Байкурта, Кемалья Бильбашара, Яшара Кемалья). На конкретных примерах доказывается, что фольклорная традиция героических женских характеров продолжает жить и в современной турецкой литературе (романы Ф. Байкурта, К. Бильбашара, Я. Кемалья).

Ключевые слова

Фольклорные традиции, трансформация сознания кочевников, любовно-психологический конфликт

Сведения об авторе

Горбаткина Галина Аркадьевна – кандидат филологических наук, доцент;
e-mail: michail@kashepov.ru

Galina Gorbatkina

About few variants of one folk song

Summary

In the article some variants of the famous Turkish folk song «Turkmen girl» are analyzed with their similar and different features being shown. In a more ancient variant love-psychological conflict is solved happily while in its later variants beside love-psychological conflict a deep social conflict connected with settlement of nomad tribes and transformation of their consciousness can be traced. The author analyzes the artistic form of the song. The author proves that folklore tradition of creating women heroic images is still alive in the modern Turkish literature illustrating it with the novels written by F. Baykurt, K. Bilbaşar and Y. Kemal.

Key words

Folklore traditions, transformation of nomads' consciousness, love-psychological conflict

Information about the author

Galina Gorbatkina – PhD in Philology, Associate Professor; e-mail: michail@kashepov.ru

О.Н. Каменева

ТЕМАТИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ТУРЕЦКОЙ ПРЕССЫ 30-х гг. XX в.

Печать – это самое старое, эффективно действующее средство, которое называют четвертой властью после законодательной, исполнительной и судебной. В начале XX в. при отсутствии радио, телевидения и интернета пресса брала на себя основную функцию не только информирования масс, но и выработки общественного мнения, формируя определенное отношение народа к происходящим событиям.

В 30-е гг. XX в. пресса в Турции являлась основным источником информации и пропаганды. За период с начала национально-освободительной борьбы она прошла ряд важных этапов, в результате которых сформировались основные концепции и направления журналистской деятельности. Мустафа Кемаль Паша расценивал прессу как эффективное средство формирования общественного сознания. Он считал, что именно через газеты и журналы можно донести до народа идеи национально-освободительного движения.

Уже по прибытии Мустафы Кемалья в Анкару из Сиваса 10 января 1920 г. была создана первая газета под названием «*Naķitmiyet-i Milliye*», (позже, в 1935 г. переименованная в «*Ulus*»), которая стала выразителем идей национально-освободительной борьбы. Газета должна была знакомить читателя с целями и ходом борьбы, пояснять новые для народа понятия, такие как суверенитет, национальное самосознание, республика. Мустафа Кемаль Паша лично проверял материалы, публикуемые в газете.

На этапе становления нового государства кемалисты столкнулись с сильной оппозицией со стороны стамбульской прессы,

которая выражала интересы Османского правительства и выступала с резкой критикой национально-освободительного движения. Им пришлось приложить немало усилий, чтобы склонить газеты на свою сторону. После победы анкарского правительства был составлен список 150 нежелательных персон¹, которые были высланы из Турции. В этот список были включены и Рефик Халид Карай², Рефи Джеват Улунай³, Тарык Мюмтаз Гёзтепе⁴ и другие стамбульские журналисты, критиковавшие кемалистов. Главный редактор газеты «*Reuam-ı Sabah*»⁵ Али Кемаль⁶, ярый противник идей национально-освободительной борьбы, был арестован в Стамбуле и по дороге в Анкару, в Измите был казнен без суда и следствия.

7 июня 1920 г. Мустафа Кемаль Паша учредил в Анкаре Главное управление по делам печати и информации, задачей которого было разъяснять населению страны и мировой общественности правомерность национально-освободительного движения.

В 1924 г. в Измите Мустафа Кемаль Паша собирал конференцию журналистов – сторонников национально-освободительной

¹ Список включал 150 крупных общественных деятелей, которых обвиняли в противодействии национально-освободительному движению и в предательстве Родины. Первоначальный список включал 600 человек, но в соответствии с Лозанским соглашением был сокращен до 149.

² Рефик Халид Карай (1888–1965) – известный турецкий писатель и журналист, издатель сатирических журналов. 16 лет провел в ссылке в городах Бейрут и Алеппо. Неоднократно обращался в своих письмах к кемалистскому правительству с просьбой об амнистии. Смог вернуться в Турцию только в 1938 г.

³ Рефи Джеват Улунай (1890–1968) – турецкий писатель и журналист. Вернулся в Турцию после амнистии 1938 г. Работал корреспондентом в газетах «*Yeni Sabah*» и «*Milliyet*».

⁴ Тарык Мюмтаз Гёзтепе (1891–1977) – писатель, журналист, офицер. После возвращения на Родину в 1938 г. работал журналистом в газетах «*Yeni Sabah*», «*Tasvir*» и др. С 1965 г. издавал в Анкаре газету «*Kadı Emmi*».

⁵ «*Reuam-ı Sabah*» – ежедневная газета, выступавшая с критикой национально-освободительной движения. После казни Али Кемалья на короткий период была переименована в «*Sabah*», но вскоре была закрыта.

⁶ Али Кемаль (1867–1922) – турецкий писатель, журналист и политический деятель. Некоторое время был министром образования и внутренних дел. Объявлен предателем Родины из-за неприятия национально-освободительного движения и выступлений против Мустафы Кемалья.

борьбы. Он обращался к журналистам с призывом объединиться и поддержать новое правительство, встать на защиту республики. Газеты должны были писать о бедствиях, через которые прошел турецкий народ, перечислить все зло, причиненное ему людьми, в руках которых находилась судьба нации в Османской империи.

Тогда же Мустафа Кемаль Паша сформулировал и основные задачи прессы: просвещение народных масс, формирование общественного мнения, поддерживающего республику и реформы, проводимые правительством. Газеты должны были создать в стране атмосферу спокойствия и стабильности для успешного проведения реформ, способствовать формированию новой прогрессивной нации, воспитывать и наставлять турецкое общество. Однако несмотря на призывы кемалистов, оппозиционные выступления стамбульской прессы еще долго не стихали.

После подавления курдского восстания 1925⁷ вышел закон, закрепляющий за правительством право запрещать издания, которые публиковали материалы, нарушающие общественный порядок, спокойствие и призывающие к восстанию. Одну за другой стали закрывать такие оппозиционные газеты, как «Tanin»⁸, «Aydinlik»⁹, «Resimli Ay»¹⁰, «Vatan»¹¹ и др. Ряд журналистов были приговорены к разным судебным срокам и ссылкам. В 1931 г. был принят Закон о печати, устанавливавший так называемую «управляемую свободу прессы», т.е. в соответствии с этим законом свобода печати допускалась лишь в той степени, в какой она не противоречила кемалистской доктрине. Закон предоставлял

⁷ Восстание курдов под руководством шейха Саида в 1925 г. было вызвано секуляризационной политикой, проводимой правительством Турецкой Республики. Оно было подавлено турецкой армией, шейх Саид повешен, тысячи курдов депортированы в западную часть Турции.

⁸ «Tanin» – газета была закрыта в 1925 г. на неопределенный срок по обвинению в крайних религиозных взглядах.

⁹ «Aydinlik» – первый социалистический журнал, издаваемый в Османском государстве. Писал о положении рабочего класса, выражал интересы пролетариата. Также был закрыт в 1925 г.

¹⁰ «Resimli Ay» – ежемесячный литературный журнал, издавался в 1924–1931 гг. В 1925 г., после выхода статьи Халикарнаса Балыкчысы о том, как вешали в армии дезертиров, был закрыт, в 1927 г. его издание было возобновлено.

¹¹ «Vatan» – газета издавалась с 1924 г. В 1925 г. была закрыта как оппозиционная газета.

право Совету министров временно закрывать те печатные издания, в которых выходили публикации, направленные против политического курса страны. Этот же закон запрещал ввоз и распространение на территории Турции иностранных газет и журналов. Запрещалось также издавать газеты людям, обвинявшимся во враждебном настрое по отношению к родине, национально-освободительному движению и молодой республике.

В 1928 г. был принят новый алфавит. Страна в рекордные сроки переходит на латиницу (за 3 месяца вместо 5 лет). Уже с 1 декабря 1928 г. газеты были обязаны выпускать свои материалы, используя новый шрифт. Поскольку переход на новый алфавит отрицательно повлиял на тиражи многих газет, вплоть до того, что некоторые, потеряв своих читателей, были вынуждены даже закрыться, правительство выделяет дотации на поддержку печатных изданий, что также ставит их в зависимость от государства.

Таким образом, к 1930-м гг. свобода прессы ограничивалась достаточно строгими рамками. Основной задачей газет стало просвещение народных масс на пути продвижения реформ. Среди основных тем были успехи реформ, пропаганда образования и европейского образа жизни, поддержка передовых начинаний.

Наиболее влиятельным печатным органом в Анкаре оставалась газета «Ulus». По распоряжению Мустафы Кемала Паши в Стамбуле 8 мая 1924 г. начала выпускаться газета «Cumhuriyet», ставшая основным печатным органом правящей партии. В ней работали такие знаменитые журналисты и писатели, как Юнус Нади¹², Дженап Шахабеттин¹³, Джеват Фехми Башкут¹⁴, Феридун Осман Ментешеоглу¹⁵, Фуат Кёпрюлю¹⁶.

¹² Юнус Нади (1879–1945) – турецкий журналист и политик, основатель газеты «Cumhuriyet», неоднократно был депутатом ВНСТ.

¹³ Дженап Шахабеттин (1870–1934) – турецкий поэт и писатель.

¹⁴ Джеват Фехми Башкут (1905–1971) – турецкий журналист, писатель, драматург.

¹⁵ Феридун Осман Ментешеоглу (1904–1958) – турецкий политик, депутат ВНСТ.

¹⁶ Фуат Кёпрюлю (1890–1866) – профессор, историк, министр иностранных дел Турции (1950–1957).

Газеты «Akşam»¹⁷, «Vakit»¹⁸ и некоторые другие, изначально выступавшие на стороне кемалистской республики, также получили возможность продолжить свою деятельность в 1930-е гг.

Большая часть газетных материалов посвящалась новостям внутри страны. Газеты писали о строительстве заводов и фабрик, участков железных дорог и шоссе, предназначенных для обеспечения связи с районами центральной Анатолии. К подобным новостям можно отнести, например, сообщение о строительстве больницы в стамбульском районе Хайдарпаша, которая должна была принимать больных круглосуточно. На страницах газет обсуждалась необходимость строительства подвесного моста через Босфор, который бы связал между собой две части стремительно растущего города. Писали о модернизации сельского хозяйства и об объединении крестьян в кооперативы. В целях поддержки местных производителей, призывали, например, покупать ковры новой турецкой фабрики, а не иранские.

Значительное внимание уделялось проблемам образования. На первых страницах публиковались статьи об открытии новых школ и университетов, о пересмотре программ лицеев, о необходимости добавления в программы дисциплин, владение которыми было обязательным для поступления в университет. Страна остро нуждалась в квалифицированных кадрах, в частности, в инженерах. Появлялись объявления о конкурсном отборе претендентов для продолжения образования за границей. На первых страницах газет публиковались фотографии людей, успешно сдавших экзамен на владение новым алфавитом, молодых инженеров, успешно прошедших конкурсный отбор для дальнейшего обучения, и даже детей, правильно отгадавших кроссворд.

Просвещение было одной из важнейших задач, которую взяли на себя газеты. Газеты «Ulus» и «Cumhuriyet» открывали рубрики, посвященные турецкому языку, где давали разъяснения новоизобретенным турецким словам, осуществляли их этимологический, морфологический и фонетический разбор, публикова-

¹⁷ «Akşam» – ежедневная турецкая газета, основанная в 1918 г. Продолжает выпускаться и в наши дни.

¹⁸ «Vakit» – ежедневное издание, основанное в 1917 г. Просуществовало до 1949 г. под разными названиями.

ли новые грамматические правила. Новости Турецкого лингвистического общества и Турецкого исторического общества занимали значительное место на первых полосах газеты «Ulus». Газеты печатали очерки из истории Османской империи, статьи об известных личностях. Так, в газете «Cumhuriyet» печаталась история жизни Мата Хари.

Обязательным элементом газет стала публикация художественных произведений турецких и иностранных авторов. Среди переведенных произведений были новеллы Стефана Цвейга, романы Анатоля Франса, путевые заметки Ильи Эренбурга, «Хаджи Мурат» Льва Толстого, детективы Конан Дойла и Эдгара Уилсона. Художественные произведения печатались частями. Причем отрывки произведений могли прерываться даже на середине предложения, что естественно вызывало у читателей прочитать продолжение, а, следовательно, купить новый номер газеты.

На страницах газет активно обсуждались и проблемы, связанные с проведением реформ. В номере газеты «Akşam» от 29.07.1932 г. Вала Нуреддин¹⁹ публиковал очерк под названием «Мехмет Ага в желтых сапогах» (Sarı çizmeli Mehmet Ağa)²⁰, в котором он поднял вопрос о необходимости принятия фамилий. Он писал, что в современном мире отсутствие фамилии является источником недоразумений и трудностей. Стоит окликнуть на улице Ахмет Бея, и несколько голов поворачивается на призыв. На пароме во время передвижной выставки одновременно оказалось 8 Кенан Беев и пришлось их различать, как высокого Кенана, толстого Кенана, зеленоглазого Кенана. При призыве в армию сплошная путаница: Мехмет, сын Ахмеда, Ахмед, сын Мехмеда. Вала Нуреддин пишет: «Вот уже несколько раз поднимался вопрос о принятии фамилий и снова его откладывали. В турецком языке есть выражение “Мехмет Ага в желтых сапогах”, которым обозначают некоего неопределенного человека. Имя есть, а кто такой, неизвестно. Вот и мы как “Мехмет Ага в желтых сапогах”: без роду, без племени».

¹⁹ Вала Нуреддин (1901–1967) – писатель, журналист, сатирик, близкий друг Назыма Хикмета. Публиковал свои статьи под псевдонимом Ва-Ну.

²⁰ «Sarı çizmeli Mehmet Ağa» – идиоматическое выражение, обозначающее некоего неопределенного человека.

Особое внимание уделялось женской теме, эмансипации женщин, усилению роли женщины в обществе. Газета «Cumhuriyet» с 1928 г. организовывала ежегодные конкурсы красоты и публиковала фотографии девушек-победительниц на своих первых страницах. Тут же встречались фотографии женских курсов кройки и шитья, объявления о выставке-распродаже изделий ручной работы бедных девушек. В газетах выделялись специальные страницы для женщин. Среди актуальных проблем были: как носить бальные платья, как одеваться, чтобы выглядеть выше и стройнее, какие шляпки в моде в этом сезоне, как правильно пользоваться губной помадой, как обставить дом дешево и современно, когда следует отлучать ребенка от груди. В рекламном объявлении о курсах вождения автомобиля была нарисована дама за рулем.

Светские идеи, светский образ жизни активно внедрялся в повседневную жизнь, европейские тенденции проникали во все сферы общества. Каждое событие отмечалось балом. Мужчин приучали носить шляпу, а женщин открытые бальные платья. Все это непросто приживалось на турецкой почве. Западный образ жизни шел в разрез с культурными традициями Турции. Появление женщин в обществе не всегда адекватно воспринималось мужчинами. В заметке газеты «Ulus» за 1935 г. «Из уст женщины» (Bir kadının ağzından) Бурхан Бельге²¹ цитировал очерк журналистки Сельмы Яйгын под названием «Голливудские праведники» (Hollywood softalari). Сельма Яйгын писала, что не так давно турецкие женщины сидели дома, а если и выходили на улицу, то полностью завернувшись в черное покрывало. Сейчас такое положение вещей уже ушло в прошлое благодаря реформам. Но увы, внешне современные, по-европейски одетые мужчины продолжают вести себя в соответствии с традиционными представлениями о месте женщины в обществе. И сейчас женщины вынуждены терпеть на себе прилипчивые взгляды модных щеголей, число которых с каждым днем растет. Эти господа,

²¹ Бурхан Асаф Бельге (1889–1967) – турецкий политический деятель, журналист, главный редактор газеты «Zafer». В 1961 г. был приговорен к пожизненному заключению. В 1963 г. помилован.

книгой для которых является зеркало, ручкой расческа, а чернилами бриолин, на самом деле ничем не отличаются от «братковоловорезов» (kabadayı), которые, пощелкивая четками, провожали масляными взглядами проходящих мимо женщин. Бурхан Бельге, положительно отзываясь о незаурядном литературном таланте журналистки, писал, что той удалось словом дать пощечину ловеласам, которые как мухи вьются вокруг женщин в парках, ресторанах, на стадионах и пытаются ненароком коснуться их груди или прижаться к ним в толпе. Бурхан Бильге писал: «Придется приложить еще немало усилий, чтобы добиться того, чтобы женщина без страха смогла выйти на улицу».

Поскольку открытая критика реформ была негласно запрещена, широкое распространение получил жанр фельетона. В шутовой, остроумной форме высмеивались перегибы, с которыми сталкивались в процессе европеизации страны.

Немало проблем доставляло массовое использование населением иностранных слов. В газете «Akşam» за 1930 г. в фельетоне под названием «Где я?» (Neredeyim?) Хикмет Феридун²² писал, как однажды он, проснувшись утром в Шишли, услышал голоса разносчиков товаров и спросонья не мог понять в какой стране находится. «Pantuffla», – кричал продавец тапочек, «bananez», – продавец бананов, «çervello», – продавец печенки.

Журналистов заботил вопрос, стоит ли все слепо перенимать у Европы. В фельетоне «Жуткая вещь» (Verbat Şey) Хикмета Феридуна речь шла о новом открытии – передаче изображения на расстоянии. Автор писал: «Сейчас мы звоним по телефону и имеем возможность слышать друг друга. Однако ученые на пороге нового открытия – передачи изображения на расстоянии. Хорошо ли будет, если любой человек, повернув номер телефонного диска, сможет попасть к вам в квартиру и увидеть то, что в ней происходит? Представьте, например, такую ситуацию: влюбленные юноша и девушка. Девушка обожает стихи. Юноша рассказывает ей, что все вечера он проводит, глядя на звездное небо и сочиняя прекрасные стихотворные строки. Девушка, же-

²² Хикмет Феридун Эс (1909–1992) – журналист, начал работать в 1926 г. в газете Akşam. Позже был военным корреспондентом в Корее, Вьетнаме, Конго.

лая быть с ним рядом в один из таких прекрасных моментов, вечером набирает номер телефона юноши. И что же она видит? Он сидит на кровати в одних подштанниках, жутко сквернословя, давит клопов на стене». В другом фельетоне «Телефон на тот свет» (Ahret telefonu) Хикмет Феридун писал: «Говорят, Эдисон стоит на пороге нового открытия – устанавливает телефонную связь с потусторонним миром. Представьте себе, как жарким июльским днем, когда в Стамбуле и так дышать нечем, вам позвонят из ада... Или вдруг с утра раздастся звонок и телефонистка приятным голосом сообщит: “Недавно почивший Хамит Эфенди, к сожалению, забыл свои вставные зубы и теперь не может вкушать яблочки из райского сада. Не могли бы прислать их с оказией?”»

Массовая европеизация не могла не вызывать раздражения у определенных слоев общества. Газеты старались создать впечатление, что республика перенимает от европейцев только положительные черты. В рамках дозволенного журналисты позволяли себе печатать нелестные статьи о западном образе жизни. Например, о том, что за последний год в Англии выросло количество разводов. Или статья с комментариями по поводу фотографии, где европейские женщины и мужчины ныряют голышом в снег после бани. Подпись под фотографией гласила: «Для этого нужна большая смелость». Автор статьи язвил, что для того, чтобы прыгнуть в снег, нужна не большая смелость, а избыточный жар тела. Однако следует отметить, что количество публикаций такого рода было весьма ограничено.

Таким образом, можно сказать о том, что на первых этапах становления Турецкой республики ее руководству удалось взять прессу под свой контроль, чтобы последняя выработала необходимый для кемалистов стиль подачи информации. В целом тон газет являлся бодро оптимистичным и соответствовал требованиям, выдвигаемым республиканскими властями. Одновременно с этим получили широкое распространение такие жанры, как новелла, фельетон, памфлет, поскольку они позволяли вынести на повестку дня актуальные проблемы общества и обойти ограничения, установленные для прессы.

Литература

- Ankara Üniversitesi Gazeteler Veritabanı. http://gazeteler.ankara.edu.tr/detail.php?id=66&sayi_id=1670 (дата обращения 20.03.2018).
<https://tr.wikipedia.org/wiki> (дата обращения 15.09.2017).
<https://www.turkcebilgi.com> (дата обращения 18.09.2017).
CUMHURİYET DÖNEMİ VE SONRASI TÜRK BASINI Nedir? Tarih | Güncel Kaynağın Merkezi. <https://www.guncelkaynak.com/nedir/cumhuriyet-donemi-ve-sonrasi-turk-basini/> (дата обращения 04.02.2018).
- Байбатыров 2010 – *Байбатырова Н.М.* Современная пресса Турции: жанровые особенности в условиях исламизации и секуляризации общества. Автореферат диссертации. – СПб., 2010. http://www.ceninaku.ru/page_25156.htm (дата обращения 10.02.2018).
- Зульпукарова 2013 – *Зульпукарова Э.М.-Г.* История развития периодической печати в Турции В XIX – начале XX в. По страницам газеты «Стамбульские Новости» // Вестник Дагестанского Государственного Университета. Серия 2: Гуманитарные Науки, 2013, № 4. – Махачкала: Дагестанский Государственный Университет. <https://elibrary.ru/item.asp?id=20244535> (дата обращения 15.03.2018).
- СМИ как «четвертая власть» и их роль в современном обществе. https://studwood.ru/1191106/zhurnalistika/chetvertaya_vlast_rol_sovremennom_obschestve (дата обращения 10.03.2018).

Аннотация

В статье дается краткий обзор исторических и политических событий, повлиявших на формирование принципов и степени свободы печати в Турции в 30-е гг. XX в., формулируются основные задачи прессы, выработанные в результате политики, проводимой Мустафой Кемалем Ататюрком, а также определяется тематика газет и основные тенденции, определившие изменение жанрового состава содержащихся в них материалов.

Ключевые слова

Пресса, национально-освободительное движение, реформы Мустафы Кемала Паши, свобода печати

Сведения об авторе

Каменева Ольга Николаевна – преподаватель кафедры тюркской филологии ИСАА МГУ, старший преподаватель Института восточных культур и античности РГГУ; e-mail: olga.kameneva@list.ru

Olga Kameneva

Main themes of Turkish press in the 1930's

Summary

The author of the article gives a survey of historical and political changes influencing principles and a certain freedom of press in Turkey in the 1930s. The author formulates main tasks of press developed as a result of policy implemented by Mustafa Kemal Atatürk and indicates themes of the newspapers as well as tendencies in changes of genre features of the articles.

Key words

Press, national liberation movement, reforms of Mustafa Kemal Pasha, freedom of press

Information about the author

Olga Kameneva – member of the Department of Turkic philology staff at the Institute of Asian and African Studies (IAAS) of Moscow State University; member of the Institute of Eastern and Ancient Cultures of Russian State University of Humanitarian Studies; e-mail: olga.kameneva@list.ru

GÜRSEL KORAT'IN «YİNE DOĞDU TANYILDIZI» ADLI ROMANINDA AŞK

Gürsel Korat'ın (doğ. 1960)¹ «Yine Doğdu Tanyıldızı» (2014) adlı romanı içerik ve biçim özellikleriyle dikkate değer bir eserdir. «Yine Doğdu Tanyıldızı» şu içerik özellikleriyle ilginç. Eserde tamamen kurmaca olarak tasarlanan (bir ailenin trajedisini konu alan) öykünün esin kaynağı Mevlana-Şems ilişkisinin itkisiyle yaşananlardır. Yazar, çağdaş edebiyatta çok sayıda güncel versiyonları bulunan bu tarihi konudan esinlenerek ürettiği öyküyü «Yine Doğdu Tanyıldızı»nın öncülü olan eserlerde sunulandan farklı bir bakış açısıyla yorumluyor. Öncelikle yaygın olarak kullanılan Mevlana ve Şems stereotiplerini yıkıyor. Bunu yapabilmek için de daha önce yazılmış eserlerde görüldenden farklı bir yol izleyerek alegoriye başvuruyor. Romanın ana izleklerine yön veren, eser kişilerinin (Nizamüddin Dara'nın, Zembilli İshak'ın, Mihri'nin, Fazıla'nın, Nureddin'in) yaşadığı aşklardır. Fazıla'nın (ve Nureddin'in) ölümünü hazırlayan koşullar da bu aşkların (Nizamüddin Dara'nın mistik unsurlarla beslenen aşkının ve oğlu Nureddin'in bu dünyaya ait hazlarla yüklü olan bedensel aşkının) tetiklediği olaylarla oluşmuştur. «Yine Doğdu Tanyıldızı» biçimsel özellikleriyle de ilginç bir eserdir. Gürsel Korat, anlatım araçlarını kullanırken yenilikçi bir yaklaşım sergiliyor, işlemek üzere seçtiği konuyu halk edebiyatının geleneksel ve çağdaş edebiyata ait yaygın anlatım biçimlerinin sentezini yaparak sunuyor. Söz konusu sentezi gerçekleştirebilmek için, önce çağdaş

¹ Gürsel Korat, 2009 yılında «Kalenderiye» (2008) adlı romanıyla Notre Dame de Sion Edebiyat Ödülü'nü, 2015 yılında «Yine Doğdu Tanyıldızı» ile Ankara Üniversitesi Roman Ödülü'nü, 2017 yılında «Unutkan Ayna» (2016) ile Orhan Kemal Roman Armağanı'nı almıştır.

edebiyattaki eser anlatıcısının kişiliğindeki anlatıcı ve yazıcı rolünü Türk halk kültürüne özgü gelenekleri kullanarak ikiye ayırıyor. Başlangıçta eser anlatıcısı Mesud, yazıcısı ise Mihri'dir. Sonra yeniden çağdaş edebiyatın uygulama yöntemine dönüyor, anlatıcı ve yazıcı rollerini tek başına Mihri üstleniyor.

Gürsel Korat edebiyat dünyasına roman türünde yazdığı eserleriyle girdi. Bu romanlardan ilki yazarın dörtleme olarak tasarladığı «Çift Aslan» serisine ait. Seride yer alan üç eser kronolojik sırasıyla, «Zaman Yeli» (1995), «Güvercine Ağıt» (1999), «Kalenderiye» adlarıyla çıktı, serinin dördüncü kitabı henüz yazılmadı. «Yine Doğdu Tanyıldızı» bu seriye dâhil değil ama kurmacaları için seçtiği zaman ve mekân göz önüne alınınca, yazarın okurla buluşan eserleri² arasında organik bir bağ olduğu fark edilecektir. Onun eserlerinde anlatılanlar Anadolu coğrafyasında XII. yüzyıldan bugüne doğru akan bir zaman dilimine aittir. Doğal olarak bu zaman ve mekân bazen («Yine Doğdu Tanyıldızı»nda olduğu gibi) daralıyor, bazen de («Çift Aslan» serisinde olduğu gibi) genişliyor ama referans noktası Kapadokya ve Selçuklu dönemi olarak kalıyor. Gürsel Korat, eserlerinde yukarıda işaret ettiğim karakterde kurguladığı zaman ve mekâna bağlı olarak belirlediği bir içerikle Anadolu'da, özellikle de Kapadokya'da yaşayan devletlerin, halkların, dinlerin, mezheplerin temsilcilerinin Moğol İstilasıyla, savaşlarla, doğal afetlerle şekillenen güncel yaşamlarını, insanlık hallerini ve kaderlerini öykülendirmektedir.

«Yine Doğdu Tanyıldızı» toplam 202 sayfalık bir hacme sahip. Eser kendi içinde alt bölümlere ayrılmış ve özel başlıklarla adlandırılmış yedi büyük bölümden oluşuyor: Baba, Oğullar, Şeyh Mahmut, İshak, Kargaşa, Fazıla, Yıkım.

Eserin konusu, odak figürlerden Şeyh Nizamüddin Dârâ ve Zembilli İshak ilişkisinin tetiklediği olaylar çerçevesinde kurgulanmıştır. Gürsel Korat'ı konu seçiminde motive eden kaynak, hâlâ popüler ve tarihî belgelerde kayıtlı bir olgu olan Mevlana-Şems ilişkisidir. Mevlana ve Şems'in karşılaşma anına, ikilinin beraberliğinde yaşananlara ve bu beraberliğin verdiği ilhamla Mevlana tarafından yaratılan eserlere yalnızca Mevlevî tarikatının

² Gürsel Korat'ın okurla buluşan romanları: «Zaman Yeli», «Ay Şarkısı» (1998), «Güvercine Ağıt», «Kalenderiye», «Rüya Körü» (2010), «Yine Doğdu Tanyıldızı», «Unutkan Ayna».

üye ve sempatizanları değil, çağdaş Türk edebiyatının ve yabancı edebiyatların temsilcileri de yoğun ilgi gösteriyor: Orhan Pamuk, Ahmet Ümit, Elif Şafak, Sinan Yağmur, Saide Kuds vd.³ Bu yazarlar arasında Gürsel Korat ve İranlı yazar Saide Kuds'u farklı bir kulvarda değerlendirmek gerekiyor. Çünkü her iki yazarın da (daha önce yazılan eserlerde olduğu gibi) tasavvuf felsefesine angaje ve/veya tasavvuf felsefesinin hâkim olduğu bir atmosferde polisiye bir eser yaratma hedefi yok. Buna ek olarak, Rumi ve Şems stereotipini yıkıyorlar, elbette farklı amaç ve yaklaşımlarla (söz konusu yaklaşım çerçevesinde, «Bab-ı Esrar»'ın polisiye bir roman olduğu unutulmadan yazarı Ahmet Ümit de bu listeye dâhil edilmelidir). İranlı kadın yazar, ödüllü eseri «Kimya Hatun»'da konuyu feminist bakış açısıyla işliyor ve «kocası» Şems tarafından öldürülen (Mevlana'nın üvey kızı) Kimya'nın yaşam öyküsüne odaklanıyor. Ama Saide Kuds da öncülü yazarlar gibi, tasarladığı öyküyü yaşanmış gerçeklerle güçlendirme çabasında. Gürsel Korat ise Rumi ve Şems stereotipini alegori yardımıyla yıkıyor. Bu amaçla, diğer yazarlardan farklı olarak olayların yaşandığı mekânı Konya'dan Niğde'ye Şeyh Nizamüddin Dârâ'nın taş yapı konağına taşıyor. İlave olarak «Yine Doğdu Tanyıldız»'nda Selçuklu döneminde Niğde'de yaşadığı söylenen kişiler ve olaylara sahne olan mekânlar (yani Şeyh Nizamüddin Dârâ adındaki kuyumcu ocağı kadı da, onun ailesi de, taş yapı konağı da, Niğde eşrafi olarak tanıtılan kişiler de) yazarın hayal gücüyle yaratılmıştır. Gürsel Korat, bir ailenin yıkımına neden olan trajediyi kurgularken, anlatılanların gerçeklikle bağımlı değil, yaşanan trajediyi güçlendirmeyi hedefliyor. Onun eserinde resmedilen baba, daha önce yazılmış Mevlana konulu eserlerde olduğu gibi babalık duyguları içiştir edilmiş birisi değildir. Bu nedenle de sevgilisini (Zembilli İshak'ı) öldürdüğü gerekçesiyle oğlu Nureddin'i lanetlemiyor, aksine oğlu Nureddin'in ve (manevi kızı/hukuki olarak kölesi olan) Fazıla'nın ölümüne neden olduğu için kendini suçluyor, pişmanlık duyuyor ve çıldırıyor.

³ Bunlar arasında en çok okunanlar; Türk edebiyatından Orhan Pamuk'un «Kara Kitap» (1990), Ahmet Ümit'in «Bab-ı Esrar» (2008), Elif Şafak'ın «Aşk» (2009), Sinan Yağmur'un «Aşkın Gözyaşları-111 Kimya Hatun» (2011) romanları, İran edebiyatından Saide Kuds'un «Kimya Hatun» (2015) adlı ödüllü romanı ve Rusya'dan Radi Fiş'in «Bir Anadolu Hümanisti Mevlâna» (2005) adlı monografisidir.

«Yine Doğdu Tanyıldızı»'nda gerçekleşecek olan trajedinin ilk işareti eserin adında gizli. «Tan Yıldızı» Türkçede «Çoban Yıldızı», «Venüs», «Sabah Yıldızı» olarak da adlandırılır. Söz konusu trajedinin baş aktörlerinden Nizamüddin Dârâ öyküsünün sonunda der ki, «Çobanyıldızı öyle parlaktır ki, talihsiz yolcu onu kutupyıldızı sanırsa mahvolur. Çöllerde parlaklığıyla kervanları yanıltır, yönünü şaşırtır, bu yüzden adına Kervankıran denmiştir» [Korat 2014: 200]. Şeyh Nizamüddin Dârâ, Zembilli İshak'ı Kutup Yıldızı zannettiğini fark etmiştir ve bu itirafıyla Mevlana'dan çok uzaktır artık.

Romanda aşkı anlatmak için tasarlanan öykü izleklerinde folklor geleneğinden alınmış uygulamalar buluyoruz. Örneğin, Fazıla'yı Zembilli İshak'ın pençesinden kurtarmak isteyen aile bireyleri Türk halk masallarında yaygın olan ve başarısızlığıyla bilinen bir yöntemle başvuruyorlar: Bu, sevgiliyi sıkıntılı koşullardan kurtarmak amacıyla kurulan tuzaklara yanlışlıkla kapılan kurbanının sevgili olmasıdır. Korat'ın eserinde Mihri'nin Zembilli İshak için hazırlandığı zehri yanlışlıkla içen Fazıla olmuştur.

Rusça «ЛЮБОВЬ» [lyubov'] sözcüğünün Türkçe karşılığı «sevgi, aşk, sevda»dır. Bu sözcükler, ortak paydaları sevgi olsa da eş anlamlı değildir. Her bir sözcük, sevgi kavramının farklı bir boyutunu anlatan yan anlamlara kolayca bürünebilir. Örneğin, bir kadın kocasına hitap ederken kullandığı «Aşkım» sözcüğünü, anne kimliği ile bebeği için çok farklı bir anlamda telaffuz eder. «Yine Doğdu Tanyıldızı»'nda aile büyüklerinin, Niğde eşrafının ve hatta eserin sonunda Nizamüddin Dârâ'nın da kutsal kabul ettiği aşk, yaşlarıyla, deneyimleriyle birbirine denk bir kadın ve bir erkek arasında, kısaca Fazıla ile Nureddin arasında gelişen duygulardır. Aslında Fazıla ile Nureddin'in aşkı, yazarın Dârâ-Zembilli ilişkisiyle oluşan görüntünün niteliğini netleştirmesine olanak sunuyor. Bu bağlamda henüz on altı yaşında olan Fazıla ile Nureddin'in yaşadığı aşk, ileri yaşlarda iki erkeğin kösnül duygularına karşıt olarak kurgulanmıştır. Ayrıca yazarın her bir eser kişisini zamanın ve toplumsal normların biçtiği ölçütlere uygun âşıklar olarak tasarladığını, bu kişilerin cinsellik algılarının da eserde kendileri için belirlenen rollerle uyumlu olduğunu görüyoruz. Örneğin, Şeyh Nizamüddin Dârâ cinsel arzularını kadına ya da erkeğe yönelirken özgürdür ama üç karısı ve kâhyası Mihri onun tarafından yeniden arzu edilmek için umutsuz bir bekleyişe mahkûmdurlar.

Melamet eri olarak tanıtılan İshak, öldürüldüğünde Şeyh Nizamüddin Dârâ'yı baştan çıkararak sevgili kimliğiyle girdiği evden ailenin manevi kızı Fazıla'nın «sahibi koca» olarak çıkmak için yaptığı entrikayı gerçekleştiriyor. Sonuncu örnek, eserde resmedilen aşklara ve âşıklara verilen tepkilerin de çeşitlilik gösterdiğine vurgu yapmayı gerektiriyor. Örneğin, Zembilli İshak tarafından sevilme Şeyh Nizamüddin Dârâ için tarifsiz bir mutluluk ve ilham kaynağıyken, Fazıla için mide bulandırıcıdır. Özetle, romanın ana motifi şehvete, tutkuya, sahip olma arzusuna, dostluğa, çaresizliğe evrilen aşkların/sevgilerin ve aşka evrilen sevgilerin öyküsüyle şekillendirilmiştir. Tesadüflerin de yardımıyla bir ailenin yıkımına neden olan trajediyi hazırlayan koşullar da birbirine geçmiş bu öykü izleklerinde oluşturuluyor.

Aşk motifi bağlamında üzerinde durulması gereken önemli bir detay var. Yazar, gelişle bir ailenin yıkımını hazırlayan olayları tetikleyen Zembilli İshak karakterini yaratırken özel bir çaba sarf etmiş. Zembilli İshak, romanda namı Anadolu coğrafyasında bilinen bir homoseksüeldir. Ama Gürsel Korat onun bu özelliğini ifade eden sözcüğü doğrudan kullanmak yerine, hatta sözlü ve yazılı edebiyatta dervişlerle ilgili olarak «oğlan», «civan», «lebnâ» sözcükleriyle yapılan mecazları da tercihlerinin dışına atarak, Zembilli İshak'a «erseven er» diyor. Bir diğer ifadeyle yazar, nötr bir yaklaşım sergileyebilmek kaygısıyla yeni bir mecaz yaratıyor ve bu tutumu çok önemsiyor [Çevik 2014].

Yukarıda sunulan bağlam, yazarın anlatım araçlarını çalıştırırken gerçekleştirdiği yenilikçi uygulamalarla ön plana çıkıyor. Gürsel Korat, ilk etapta, günümüzde sözlü edebiyat geleneği olarak yaşamaya devam eden anlatıcı ve yazıcının rollerini icra eden reel figürleri⁴ dönüştürüyor – amacını gerçekleştirmek için de eserinin ilk

⁴ Türk folklor geleneğinde masal anlatıcıları, ağıt yakıcılar ve âşıklar genel olarak okuma-yazma bilmezler. Bu halk sanatçıların söylediği eserin kaybolmasından korkan bilim adamı ve sanatçılar da derleme yaparken anılan geleneği takip ederler. Örneğin, çağdaş Türk edebiyatının klasiklerinden olan Yaşar Kemal de başarılı bir yazıcıydı, halk masalları, ağıtlar, destanlar derlerdi. Pertev Naili Boratav bilim insanı, Eflatun Cem Güney ise masal yazarı kimliğiyle Anadolu'da yaşayan çok sayıda masalı yazıya geçirmiştir. Muzaffer Sarısözen ve Ruhi Su ise halk türkülerini yazıya aktararak kaybolmaktan kurtarmıştır. Çok sayıda yazıcı arasında, genç nesilden Metin Turan ve Ahmet Poyrazoğlu da yaptıkları derlemlerle dikkat çekiyorlar.

dört bölümünü uygulama alanı olarak kullanıyor. Söz konusu gelenekten Orhun Yazıtları'nın kayıtlara geçtiği 732–735 yıllarından beri haberdarız. Eldeki verilere göre, Kül Tigin ve Bilge Kağan'ın sözlerini yazıya aktaran Yolluğ Tigin'dir [Ergin 2003: 7]. Bizzat Mevlana'nın eserleri de bu yöntemle yazılarak korunmuştur [MD 2015]. Tarihî süreçte bitigüçi [Clauson 1974: 304], bitikçi, kâtip, yazman vd. adlarla anılan yazıcılar söz konusuydu. Resmî bilgilere göre, yazıcılık özel eğitim gerektiren bir meslekti, yazıcıların yazdıkları metne katkısı olamazdı. Gürsel Korat, çağdaş Türk edebiyatında daha önce hiç başvurulmamış bir yöntemle eser kişilerinden Nizamüddin Dârâ'nın oğlu Mesud'a anlatıcı, kâhyası (aynı zamanda kölesi ve İshak'tan önceki gözdesi olan) Mihri'ye ise yazıcı görevi veriyor. Yine sıra dışı bir yöntemle «Kargaşa» başlıklı bölümden hemen önce, bir sayfalık münferit bir alanda eser yazıcısının eser anlatıcısına isyan ettiğini gösteren bir epizot sunuyor. Mihri'nin başkaldırısıyla birlikte, o ana kadar okurdan gizli tutulan bilgi deşifre oluyor. Bu başkaldırıdan sonra anlatıcı/Mesud diğer eser kişilerinin arasına dönüyor, yazıcı/Mihri ise anlatıcı görevini de üstleniyor ve son iki bölümü («Fazıla» ve «Yıkım») kendi bakış açısıyla tamamlıyor. Bu uygulama yardımıyla oluşturulan zeminde eser anlatıcıları okurla iletişim kurmak için duyumları kullanıyorlar; böylece eser anlatıcısının işlevi ve niteliği sorununu yazarın konuya müdahil olmasına gerek kalmadan tartışmak için gerekli olan koşullar hazırlanıyor. Bunun için ilk önce hem anlatıcı Mesud hem de anlatıcı Mihri (anlattıkları öykünün nesnesi kendileri olsa bile) anlattıkları konuyla aralarına mesafe koymayı tercih ediyorlar. Bu sayede de yazar tasarısını gerçekleştirmek için gerekli fırsatı yakalıyor. Şöyle ki anlatıcı Mesud «Oğullar» başlıklı bölümde öz eleştiri yapıyor ama bunu eserdeki diğer (yani Şeyh Nizamüddin Dârâ'nın oğlu Mesud'un) kimliği üzerinden gerçekleştiriyor: «İşittim ki Nizamüddin Dârâ'nın iki oğlundan büyük olanı Mesud, benim ne anlatış biçimimi ne de anlattığım şeyleri beğenirmiş. “Şeyh Nizamüddin Dârâ'yı anlatmak kimin haddine?” der, yeleğini savurarak esip gürlermiş» [Korat 2014: 29]. Bu yöntem sayesinde anlatıcının eser kişilerinden Mesud olduğu gerçeği de Mihri isyan edinceye kadar okurdan gizlenebiliyor.

Mihri'ye gelince, o anlatıcılığı Mesud'dan öğreniyor ama öğretmen öğrenci ilişkisinde yaşanan kaçınılmaz bir olgu burada da vuku

buluyor: Mihri kendisini Mesud'a alternatif olarak görmeye başlıyor. Mihri, bu sürecin bitiminde yaptığı iç konuşmasında şöyle diyor: «Mihri, zaten ben bu işi daha değişik yaparım demese, Mesud'un yarım bıraktığı işi tamamlamaya kalkışmazdı. <...> Mihri'ye göre anlatıcı duygularını denetleyemiyorsa ya susup iflah olmayı beklemek ya da yazmayı bırakmak zorundadır» [Ibid.: 121]. Nitekim Mihri, Şeyh Nizamüddin Dârâ'nın taş yapı konağında tanıdığı ve katılımcısı olduğu trajediyi nesnel bir tutumla anlatabilmek için, kalemi eline yıllar sonra alabiliyor. Mihri, başlangıçta öğretmeni kadar yetkin olmadığını, olimpiik konumdayken bile bazı şeyleri algılayamadığının farkındadır: «<Mihri> Gördü ki bazen tanrısal bakış bile anlatılan kişinin doğru kavranmasına yetmemektedir» [Ibid.: 187]. Oysa Mesud babasının avlusunda geniş getiren develerin bile düşüncelerini okuyabiliyordu: «Bunlardan biri sanki geniş getirmiyor da yanındakine, “Niğde Kuyumcuları Ocağı Şeyhi Nizamüddin Dârâ'nın evi de ev canım” diyor» [Ibid.: 9]. Mesud anlatıcılık görevini yürütemedi, çünkü kendisinin ve ailesinin yaşadıklarını nesnel bir tutumla anlatamadı. Gürsel Korat bu noktada da öncülü olan yazarlardan ayrılıyor. Şöyle ki, Mevlana'nın büyük oğlu Sultan Veled'in alegorisi olarak tasarlanan Mesud, eserin sonunda ihtiraslarından arınıyor.

Şu ana kadar sunduğum veriler, içerik bağlamında, eser kişilerinin gelecek umutlarının yok edilmiş, kısır bir döngü içinde nefes almaya çalıştığını, içinde yaşadıkları zaman ve mekâna ise karamsar bir havanın hâkim olduğunu gösteriyor ki okur çağdaş Türk edebiyatında böylesi bir gotik havayı bu yoğunlukta hiç solumadı. «Yine Doğu Tanyıldızı» biçim özellikleriyle de ilginç bir eser, çünkü yazar halk kültürüne ve çağdaş edebiyata ait geleneklerin sentezini özgün bir biçimde yapıyor. Eserde sunulan kurmaca öykü Mevlana'nın yaşam öyküsünün alegorisi olarak tasarlanmış; bu çalışmanın araştırma konusu olan aşk ise farklı yönleriyle, çok boyutlu olarak resmedilmiştir.

Kaynakça

Бахтин 1975 – *Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе // Вопросы литературы и эстетики. – М.: Худож. лит., 1975. – С. 234–407. http://www.chronos.msu.ru/old/RREPORTS/bakhtin_hronotop/hronmain.html (erişim tarihi: 16.08.2017)*

- Clauson 1974 – *Clauson, Sir Gerard*. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. – London: Oxford at the Clarendon Press, 1974.
- Çevik 2014 – *Çevik, Çağlayan*. Yazan, anlattığı varlığın hayranı olamaz. Röportaj – İstanbul: İstanbul Art News, 2014. <http://gurselkorat.blogspot.com.tr/2014/12/yazan-anlattig-varlgn-hayran-olamaz.html> (erişim tarihi: 16.08.2017).
- Ergin 2003 – *Ergin, Muharrem*. Prof. Dr. Orhun Abideleri. – Kütahya: Hisar, 2003. <https://documents.tips/documents/muharrem-ergin-orhun-abideleri.html> (erişim tarihi: 16.08.2017).
- Fiş 2015 – *Fiş, Radi*. Bir Anadolu Hümanisti Mevlana / Rusçadan Çev. Mazlum Beyhan. – İstanbul: Evrensel Basım Yayın, 2015.
- Korat 2014 – *Korat, Gürsel*. Yine Doğdu Tanyıldızı. – İstanbul: YKY, 2014.
- Korat 2015 – *Korat, Gürsel*. Zaman Yeli. – İstanbul, YKY., 2015.
- Korat 2016 – *Korat, Gürsel*. Güvercine Ağıt. – İstanbul: YKY., 2016.
- Kuds 2015 – *Kuds, Saide*. Kimya Hatun / Farsçadan Çev. Veysel Başçı. – İstanbul: Sonsuz Kitap, 2015.
- Şafak 2009 – *Şafak, Elif*. Aşk / Çev. K. Yiğit Us (yazarla birlikte). – İstanbul: Doğan Kitap, 2009.
- Ümit 2016 – *Ümit, Ahmet*. Bab-ı Esrar. – İstanbul: Everest Yayınları, 2016.
- Yağmur 2017 – *Yağmur, Sinan*. Aşkın Gözyaşları-3 Kimya Hatun. – İstanbul: Kapı Yayınları, 2017.
- MD 2015 – *Mevlâna Dergâhı (Müzesi)*. Konya: T.C. Konya Valiliği İl Kültür ve Turizm Müdürlüğü Yayınları, 2015. http://konyakultur.gov.tr/images/uploads/files/Mevlana_Muzesi_Brosuru.pdf (erişim tarihi: 16.08.2017).
- <http://gurselkorat.blogspot.com.tr/> (erişim tarihi: 16.08.2017).

Özet

Bu makalede, Gürsel Korat'ın «Yine Doğdu Tanyıldızı» adlı romanında işlenen aşk teması incelenmektedir. Çalışmanın amacı, eserin sorunsalını belirgin kılmaktır. Bu sorunsal bağlamında, eserlerde çağdaş yazarlar tarafından Mevlana konulu resmedilen «baba» imgesi tartışmaya açılmıştır. Söz konusu edilen mutlak irade sahibi ve kader belirleyici «baba» imgesidir ve gücünü uzak geçmişte etkin olan toplumsal değerlerden almaktadır. Belirlenen amaç doğrultusunda, öncelikli olarak edebiyat dünyasındaki örneklerle karşılaştırma yapıldı ve Yine Doğdu Tanyıldızı'da gündeme getirilen tarihsel olaya duyulan ilgiye ve eserin özgünlüğüne dikkat çekildi. Ayrıca metin analizi yöntemiyle elde edilen veriler kullanılarak yazarın yenilikçi uygulamaları tartışmaya açıldı.

Anahtar sözcükler

Tanyıldızı, alegori, Mevlana, Şems, aşk, Gürsel Korat

Сведения об авторе

Караджа, Бирсен – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой кавказских языков и культур факультета филологии, истории и географии Анкарского университета; e-mail: karacabirsen@hotmail.com

Birsen Karaca

Love theme in the novel of Gürsel Korat «The morning star is born again»

Summary

In this article, the love theme of Gürsel Korat's novel «The morning star is born again» is analysed. This work's aim is to make the problematic of the book clear. In the context of this problematic, the «father» image in the works about Mevlana by contemporary writers is brought into question. The image in point is absolute strong-willed and fateful «father» and drew its strength from social values that were active in the distant past. In the direction of the determined purpose, comparison was made primarily with examples of literature world and attention was drawn on the importance of historical fact in «The morning star is born again» and originality of the book. In addition, the author's innovative practices were discussed using data obtained by text analysis.

Key words

Venus, allegory, Mevlana, Şems, love, Gürsel Korat

Information about the author

Birsen Karaca – PhD in Philology, Professor, Head of the Department of Caucasus Languages and Cultures of the Faculty of Philology, History and Geography of Ankara University; e-mail: karacabirsen@hotmail.com

О.В. Карева

«НЕПРИДУМАННЫЕ» РАССКАЗЫ СЕВИЛЬ АТАСОЙ

Для литературного процесса в Турции начала XXI в. характерно размывание существовавшей ранее устойчивой границы между элитарной и массовой литературой (взаимодействие и взаимообмен «высокого» / элитарного и «низкого» / массового), а, кроме того, устранение оппозиции художественный вымысел – реальный факт [Репенкова 2016: 161]. Благодаря ряду социально-культурных факторов развития современного турецкого общества – ускорение темпа жизни, нарастание информационного потока, развитие телевизионных и интернет-коммуникаций, втягивание в мировые глобализационные процессы, повышение читательского образовательного уровня и усиление диалогичности в современной социальной среде – массовая литература в Турции начинает занимать все большее место на книгопечатном рынке страны. Лидирующую позицию среди произведений массовой литературы продолжают занимать произведения детективного жанра (А. Умит, С. Алтун, М.М. Сомер, О.Т. Оздемир, Х.Г. Джошкун, Ш. Шахин, М.М. Ильдан, Б. Акшан и др.). Турецкая исследовательница Нуртен Бенги Аксой в интернет-публикации под названием «Пятнадцать шагов из истории турецкого детектива» (15 Adımda Türk Edebiyatında Polisiye Romanının Tarihiçesi) отмечает: «Хотя детективы до сих пор далеко не всеми причисляются к настоящей литературе, произведения этого жанра сохраняют свои лидирующие позиции и постоянно радуют читателя новыми блестящими образцами» [Aksoy: электронный ресурс]. В современных условиях реакция писателей-детектив-

щиков на сложные социокультурные процессы, происходящие в национальном обществе, находит выражение в усложненном разнообразии жанровых форм детектива, его художественных средств и приемов. Так, новым для национальной детективной прозы становится появление произведений в жанре нон-фикшн¹, соединяющем в себе реальные факты и вымысел, документальную основу детективной коллизии и личный практический опыт автора.

Севи́ль Атасой – известная не только в Турции, но и за рубежом телеведущая, журналистка, писательница, доктор наук, профессор Стамбульского университета, одна из первых турецких детективных авторов, обратившихся к жанру нон-фикшн. Севи́ль Атасой родилась 25 февраля 1949 г. в Стамбуле в семье турецких интеллигентов: доктора юридических наук Шемси Гёка и доктора биологических наук Ферды Гёк. Выпускница химического факультета Стамбульского университета, С. Атасой, рассказывая о себе на страницах турецких газет и журналов, а также в телевизионных передачах и ток-шоу, всегда подчеркивает, что она могла бы с успехом вести исследовательскую деятельность в лаборатории своей матери – биохимика и микробиолога, но предпочла работать в криминалистических лабораториях вместе с отцом, мучаясь вопросом: «Что можно изменить в этом несовершенном мире?» [Sevil Atasoy biografisi: электронный ресурс]. Проведя ряд исследований в области биохимии и криминалистики, С. Атасой стала лауреатом национальных и международных премий за вклад в становление и развитие криминалистических лабораторий и исследование ДНК человека. С. Атасой известна также своими работами в области журналистики: в 2005–2009 гг. она вела колонку криминальных рас-

¹ От англ. non-fiction – особый жанр литературы, для которого характерно выстраивание сюжетных линий произведения на основе реальных событий, переплетающихся с художественным вымыслом. Синонимами жанра являются документальная проза, «непридуманная проза», «литература факта», включающие в себя различные научно-популярные издания (учебные пособия, самоучители), мемуарную публицистику (автобиографии, мемуары), художественную прозу (хроники/летописи, «невыводимые» рассказы, документальные повести) и др.

следований в турецкой газете «Хюрриет» (Hürriyet); явилась автором концепции и консультантом телевизионной программы «Каныт» (Kanıt)²; стала ведущей телевизионного проекта «Магдуриет» (Mağduriyet)³.

Севиля Атасой воплотила свой опыт, накопленный за время работы в различных криминалистических лабораториях и отделах, в серии сборников детективных рассказов, написанных в жанре нон-фикшн: «Лабиринт» (Labirent, 2006), «Это след твоей ноги, доктор Ватсон!» (Bu Ayak İzi Senin Dr. Watson!, 2007), «Путь во тьму» (Karanlığa Yolculuk, 2010), «Не всякий шоколад съедобен» (Her Çikolata Yenmez, 2011), «Совершенных преступлений не бывает» (Kusursuz Cinayet Yoktur, 2012), «Ангелы под землей и демоны на земле» (Yeraltındaki Melekler Yerüstündeki Şeytanlar, 2013), «Нечто ужасное» (Acayip İşler, 2015) [Sevil Atasoy kitapları: электронный ресурс].

Особенности художественной структуры детективных рассказов С. Атасой вытекают из специфика самого жанра нон-фикшн: в их основе лежат реальные преступления, совершенные в разное время в разных странах мира и явившиеся знаковыми событиями как в национальном, так и международном плане. Писательница лично принимала участие в расследовании или освещении каждого из них.

Книга С. Атасой под громким названием «Ангелы – под землей, а демоны – на земле» увидела свет в апреле 2013 г. В предисловии писательница, обращаясь к читателям, отмечает: «<...> В своей книге я постаралась привести примеры расследований ужасных убийств, которые позволят вам познакомиться во всех деталях с демонами, то есть с самыми разнообразными убийцами, которые даже не помнят количество своих жертв, а их безжалостность приводит в ужас профессионалов. Я полагаю, вы удивитесь тому, как демоны выступают в облике ангелов, а ангелы обращаются в демонов. Правда, те, кто изучают юридические науки, обязаны научиться ничему не удивляться <...>» [Atasoy 2013: 11].

² Слово «kanıt» в переводе с тур. означает «аргументы, доказательство».

³ Слово «mağduriyet» в переводе с тур. означает «несправедливость».

Внимание писательницы в первую очередь сосредотачивается на разнохарактерных преступлениях, в раскрытии которых определяющее значение имела химико-биологическая экспертиза, включая ДНК-экспертизу. С. Атасой, которая возглавила в Турции движение «Презумпция невинности» и которой принадлежат слова «ДНК не обманывает» и «Турции срочно нужен банк ДНК», в рассказе «Сказка о жестоком изнасиловании» (Acımasız Bir Tesavüz Masalı) повествует об истории американца Гари Датсона, которого в 1977 г. по обвинению в похищении и изнасиловании Кэтлин Кроуэл приговорили сразу к двум срокам тюремного заключения по 50 лет. На самом деле Гари Датсон не похищал и не насиловал Кэтлин Кроуэл. Эту историю 16-летняя девушка придумала сама, когда поссорилась со своим бойфрендом Дэвидом Бирном и испугалась, что могла забеременеть от него. Разорвав на себе одежду и нацарапав проволокой на животе трудночитаемые буквы, она разрыдалась на глазах у полицейского, который и задержал впоследствии Гари Датсона, соответствующего всем приметам похитителя и насильника, описанным Кэтлин. Позднее, когда Датсон находился в тюрьме, Кэтлин вышла замуж и стала очень религиозной женщиной. Однажды на исповеди она призналась священнику в том, что сама придумала историю о похищении и изнасиловании. Священник донес об этом в полицию, и дело об изнасиловании Кэтлин Кроуэл было направлено на пересмотр. Были подняты экспертизы пятен, оставленных на нижнем белье Кэтлин Кроуэл, в результате чего была выделена ДНК приятеля Кэтлин Кроуэл – Дэвида Бирна, и Гари Датсон был полностью оправдан. Эта история широко освещалась в американских СМИ. Один из телеведущих, заметив схожесть имени Гари Датсона и марки автомобиля «Датсун», даже с шуткой отметил: «Очень скоро имя Датсона все забудут, останется только название марки автомобиля Датсун» [Atasoу 2013: 20]. Однако этого не произошло, так как Гари Датсон стал первым человеком, невинность которого была доказана благодаря ДНК-экспертизе.

В ряде «непридуманных» рассказов С. Атасой границы между реальными фактами и вымыслом едва различимы. Подлинные истории превращаются в литературные сюжеты, а описание фак-

тов получает стилистическое оформление в художественном тексте детективного рассказа [Казакова 2016: 7]. Так, в рассказе «О боже, оказывается, это я задушил женщину» (Allah Allah, Demek Kadını Ben Asmıyım) литературное воплощение получает история подлинного расследования серии изнасилований и убийств женщин в штате Вирджиния, США, в которых изначально подозревали 37-летнего официанта Дэвида Васкеса. Для того чтобы передать напряженную атмосферу допроса и отразить грубую работу сотрудников полиции, цель которой – выбить признательные показания у невиновного человека, автором приводится реальный протокол допроса подозреваемого Дэвида Васкеса двумя следователями. Один из следователей говорит с сильным мексиканским акцентом.

«<...> Один из полицейских спросил:

– Это женщина тебе сказала: “Свяжи мне руки сзади”?

– Не знаю, значит, сказала, если вы говорите, – ответил мужчина.

Другой полицейский с сильным мексиканским акцентом спросил:

– Ну, и чем ты связал ей руки?

– Ты спрашиваешь про веревку?

– Нет, не про веревку, ты использовал что-то другое?

– Может, мой ремень?

– Нет, не ремень. А ну-ка вспоминай, ты был на террасе за домом. Ведь так? И что ты отрезал для этого?

– А, я понял. Ты говоришь про бельевую веревку.

– Да нет же, – настаивал полицейский-мексиканец <...>» [Atasoy 2013: 26].

Повествование от первого лица, например, в рассказе «Лекарство, убившее Тургута Озала» (Turgut Ozal'ı Öldüren İlaç) придает «непридуманном» рассказам С. Атасой определенную автобиографичность. Писательница в 2012 г. лично принимала участие в освещении важного события в современной истории Турции – эксгумации тела Тургута Озала, турецкого политика и экономиста, премьер-министра (1983–1989) и президента (1989–

1993) Турции⁴. Придавая историческую значимость этому событию, С. Атасой в рассказе реконструирует обстоятельства эксгумации и анализа полученных образцов тканей тела покойного президента, почвы, воды и т.п.: «<...> В то время в чем я была по-настоящему уверена, так это в том, что вскрытие мемориального захоронения Т. Озала представляет чрезвычайную важность для истории нашей страны. Оно должно происходить с участием международной комиссии экспертов. У меня не было уверенности в компетентности наших кадров, наши эксперты пока не достигли уровня западных специалистов с мировым именем, имеющих подобный опыт. Я была убеждена в том, что необходимо использование возможностей международных лабораторий не только при вскрытии могилы, но и при анализе полученного материала, и говорила об этом в телевизионных передачах, в том числе в передаче на канале CNN-Türk «Преступление и доказательство», ведущей которой я являлась лично. Полученные результаты подтвердили мою правоту <...>» [Ibid.: 12].

Следует отметить, что в качестве эпиграфов к своим рассказам автор использует «прецедентные тексты»⁵ – чаще всего это

⁴ 17 апреля 1993 г. сразу после визита в Азербайджан Тургут Озал неожиданно умер от инфаркта. На похоронах собралось очень много людей из всех областей Турции. Траурная церемония транслировалась в прямом эфире. Ожидалось прибытие Джорджа Буша-старшего. Т. Озал завещал похоронить себя в Стамбуле, чтобы «находиться под духовным покровительством Мехмета Фатиха». Могилы Т. Озала и А. Мендереса расположены недалеко друг от друга. В ноябре 1996 г. турецкие СМИ опубликовали видео, где лидер курдских сепаратистов говорил, что Т. Озала отравили турецкие спецслужбы, так как 15 апреля 1993 г. он договорился с курдами об урегулировании вооруженного конфликта и собирался публично объявить об этом 17 апреля. Вдова президента потребовала пересмотра дела, однако её обращение осталось без ответа. 2 октября 2012 г. в Стамбуле приступили к эксгумации останков Т. Озала с целью поиска в них отравляющих веществ.

⁵ «Прецедентные тексты – тексты, высказывания, отдельные слова, известные широкому кругу людей и обычно связанные с конкретным источником, чаще всего – литературным, отсылки к которому распознаются адресатом речи и понятны ему. В современной массовой литературе активно используются заголовки, цитаты, имена и отсылки к ним. <...> Понимание прецедентных текстов рассчитано на среднего носителя языка. В каждой культуре есть круг текстов, которые “положено” знать, и это “положено” распространяется на всех более или менее образованных представителей данной культуры» [Черняк 2016: 130–131].

цитаты из произведений средневековых драматургов и философов, акцентируя тем самым интертекстуальные связи в современной литературе. Апеллируя к культурной памяти усредненного читателя, связанной, прежде всего, с кинематографом и телевидением, а также с всемирно известными литературными текстами, С. Атасой приглашает читателя к языковой игре, как бы подталкивая его принять участие в распутывании загадочных детективных историй. Эпиграфом к рассказу «Лекарство, убившее Тургуту Озала» послужили строки из трагедии Уильяма Шекспира «Гамлет»: «Убийство хоть и немо, говорит чудесным языком». Сообщая читателю в научно-популярной форме о мировом опыте эксгумации тел, С. Атасой сосредотачивает внимание на биохимических процессах, которые воспрепятствовали разложению тела покойного Т. Озала. Подробно описывает такой биохимический процесс как омыление, иными словами образование жировой оболочки, которая позволила сохраниться телу умершего 19 лет назад президента в таком состоянии, при котором стали возможны исследования не только костей, но и внутренних органов. При этом писательница откровенно говорит об ангажированности членов турецкой судебно-медицинской комиссии, проводящей экспертизу останков Т. Озала, которая сначала заявила об обнаружении в тканях трупа никому неизвестного яда стрихнина-кератина, а потом опровергла свое заявление. Писательница негодует по поводу явного давления сверху на упомянутую комиссию уже на этапе подготовки экспертного заключения.

В повествовании С. Атасой старается установить диалог с читателем, играя на их интересе к скорейшему получению данных о результатах произведенной эксгумации: «<...> Я понимаю, что испытываю ваше терпение подробным описанием биологических процессов. Я лишь постаралась максимально просто рассказать о таком химико-биологическом процессе, как омыление, при котором процессы разложения, начинающиеся уже в первые минуты после смерти, могут замедлиться. Заинтересовавшиеся могут изучить вопрос по источникам, указанным в сносках <...>» [Ibid.: 237].

Из приведенной в рассказе «Лекарство, убившее Тургуту Озала» прецизионной информации следует, что С. Атасой тща-

тельно работает с первоисточниками, исследует документы и анализирует публикации в СМИ. Так, писательница сообщает о том, что за несколько месяцев до экзгумации Государственный наблюдательный совет Турции опубликовал заявление Илькера Чинара, секретного свидетеля по громкому убийству в издательстве «Зирве» в Малатье, о том, что Т. Озал был отравлен полонием-210 и америцием-241 сотрудниками Национального агентства по стратегиям и операциям Турции. Однако эти данные не были подтверждены официально.

В книге С. Атасой «Ангелы – под землей, демоны – на земле» также содержатся рассказы о знаковых событиях современности, каковым явилась преждевременная смерть любимого миллионами почитателей со всего мира поп-певца Майкла Джексона от передозировки лекарственных препаратов. В рассказе под заголовком «Короля назвали педофилом, а он на самом деле был Питером Пэнном» (Kral'a Pedofil Dediler, O Aslında Peter Pan'di) С. Атасой отмечает: «<...> Я давно хотела написать о смерти Майкла Джексона, которую можно было предотвратить. На самом деле, эта смерть является уроком для всех нас, поскольку представляет собой смерть от употребления наркотиков и большого количества лекарств, что становится настоящей проблемой развитых стран. Как жаль, что имя Майкла Джексона упоминается в связи с отвратительными судебными разбирательствами по поводу мальчиков-подростков, с которыми он делил постель <...>» [Ibid.: 12]. С. Атасой пишет об обстоятельствах гибели поп-певца и судебных разбирательствах, инициированных Эваном Чандлером, отцом тринадцатилетнего Джордана, являвшегося другом певца. Э. Чандлер обвинил покойного М. Джексона в педофилии. Представляя информацию о дружеских отношениях певца с маленькими мальчиками, С. Атасой предлагает читателям взглянуть на эту историю под другим углом зрения. Разговорная интонация и лиризм позволяют писательнице не только установить доверительные отношения с читателем, но и дать ему возможность задуматься над проблемой вечных оппозиций – «добро и зло», «доброта и жажда наживы», «слава и забвение». Предваряя повествование о гибели М. Джексона и обвинениях Эвана Чандлера, С. Атасой пишет о том, какая судьба

была уготована отцу Джордана: «<...> Он разбогател, выдвинув обвинение против “короля”. Сначала его бросила жена, а потом и сын. Через некоторое время его труп обнаружили в люксе одного из небоскребов. Никто не сомневался, что он покончил жизнь самоубийством. Писали, что его смерть является доказательством того, что он испытывал муки совести. Его кремировали, на похороны никто не пришел. При этом никто даже не стал задумываться над тем, почему “король” любил спать с мальчиками <...>» [Ibid.: 119].

Последний раздел книги «Аргументы и доказательства для любителей детективов» (Polisiye Meraklıları için «Kanıt») С. Атасой представляет в виде большого количества эссе о преступлениях, совершенных в различных уголках земного шара; о методах расследования преступлений; о вопросах криминалистики, которые могут заинтересовать не только студентов юридических, биологических, химических и психологических факультетов университетов и полицейской академии, но и обычных представителей турецкого общества вне зависимости от их возраста, пола и профессии [Ibid.: 260]. Писательница отмечает, что научно-популярный формат представления сложных сведений из различных научных областей и криминалистики, в том числе, был с успехом апробирован ею в телевизионном сериале Канала «Д» – «Аргументы и доказательства» [Ibid.: 261]. Обращаясь к жанру эссе, который отличают образность и ассоциативность, С. Атасой излагает свои знания, впечатления и соображения по конкретному вопросу, не претендуя на его исчерпывающую трактовку. В результате в данном разделе книги содержатся уточнения и ответы по таким темам, как: «Увеличивается ли количество убийств в полнолуние?», «Кто родится мальчик или девочка?», «Могут ли различаться ДНК у одного человека?», «Можем ли мы являться родственниками «краснокожих»?», «Можно ли вспомнить прошлое под гипнозом?», «Галлюцинации, сны и кошмары» и др. Одновременно, С. Атасой полагает, что ее криминальные и научно-популярные эссе могут стать потенциальными сюжетами для киносценаристов и писателей.

Таким образом, многообразие детективных рассказов С. Атасой, в основу сюжетов которых положены реальные события

и факты, свидетельствует о востребованности литературных произведений жанра нон-фикшн, интенсивное развитие которого в турецкой детективной прозе последних десятилетий носит закономерный характер. В условиях нарастания информационного потока проза данного жанра позволяет не только обогатить кругозор читателя информацией о громких преступлениях и знаковых событиях современности, но и перенести его в иную, «криминальную» реальность, отвлекающую от повседневных проблем. В свою очередь необычайно популярная новеллистика С. Атасой, для которой характерны автобиографичность, фактографичность и опора на практический опыт работы в криминалистических лабораториях и судебно-правовых организациях, а также опыт работы в области журналистики, развивает традиции национальной детективной прозы.

Литература

- Казакова 2016 – *Казакова Г.М.* Нон-фикшн в современной книжной литературе // Вестник Челябинской академии культуры и искусств. – 2016. – № 3 (47). – С. 7–12.
- Репенкова 2016 – *Репенкова М.М.* Турецкая литература на рубеже XX–XXI веков (основные парадигмы). – М., 2016.
- Черняк, Черняк 2016 – *Черняк В.Д., Черняк М.А.* Массовая литература в понятиях и терминах: учебный словарь-справочник. – М., 2016.
- Aksoy – Aksoy N.B. 15 Adımda Türk Edebiyatında Polisiye Romanın Tarihçesi [Электронный ресурс] <https://listelist.com/turk-polisiye-romanlari/> (дата обращения 09.09.2017).
- Atasoy 2013 – *Atasoy S.* Yer alındaki melekler Yer üstündeki şeytenlar. – İstanbul, 2013.
- Sevil Atasoy biyografisi. <http://www.biografi.info/kisi/sevil-atasoy> (дата обращения 09.09.2017).
- Sevil Atasoy kitapları. <http://www.biografi.info/kisi/sevil-atasoy/kitaplari> (дата обращения 09.09.2017).

Аннотация

В статье на материале книги турецкой писательницы Севиль Атасой «Ангелы – под землей, а демоны – на земле» рассматривается новый для национальной детективной прозы жанр – нон-фикшн, предполагающий опору на реальные факты, документы и личный практический опыт автора. Книга

«Ангелы – под землей, а демоны – на земле» представляет собой сборник детективных рассказов, а также рассказов о знаковых событиях современности и эссе, стиливыми доминантами которых становятся фактографичность и реализация личного опыта писательницы, работавшей в области судмедэкспертизы. В статье делается вывод о том, что новеллистика С. Атасой развивает традиции национальной детективной прозы.

Ключевые слова

С. Атасой, нон-фикшн, турецкая национальная детективная проза, автобиографичность, реалистичность, классический детектив, научно-популярное эссе

Сведения об авторе

Карева Ольга Викторовна – кандидат филологических наук, востоковед-филолог; e-mail: kov_60@mail.ru

Olga Kareva

Sevil Atasoy's true-life stories

Summary

The article is based on the analysis of the book «Angels under the ground, demons on the ground» by the Turkish authoress Sevil Atasoy. A new genre of national detective prose – non-fiction presupposing reference to real documents and facts and author's personal practical experience – is examined. The book «Angels under the ground, demons on the ground» is a collection of detective stories as well as stories about marquee events of the modern times and essays, the style dominants of which is factual nature and realization of personal experience of the authoress who worked in the sphere of forensic medicine. The paper concludes that S. Atasoy novelistics develops the traditions of national detective prose and fits well into the 'mainstream' of Turkish mass literature of the turn XX–XXI centuries.

Key words

S. Atasoy, non-fiction, Turkish national detective prose, autobiographical nature, classical detective, popular scientific essay

Information about the author

Olga Kareva – PhD in Philology, orientalist philologist; e-mail: kov_60@mail.ru

ИМЯ КЫРГЫЗОВ – СИМВОЛ АРИСТОКРАТИИ (к историческим особенностям тюркских этнонимов)

Представление о названии народа как о неизменном и едва ли не характеризующем его явлении далеко от научного восприятия и исторической истины. Совпадение имени не может быть надёжным ориентиром для исторических поисков: при долгом бытовании термин, принимаемый нами за народное имя, многократно меняет значение. Изучение конкретных периодов и источников всякий раз требует установить и оговорить присущий им смысл, казалось бы, знакомого названия. На отрезке письменной истории народное имя в определяющей мере связано с политической, а не с этнической историей народа.

Славяне болгары, в средневековье прошедшие на Балканах стадию общего политонима с тюркоязычными бѣлгарами, ныне носят древнее тюркское имя, и никто не знает, из какой языковой семьи его принесли на Дунай. Самоназвание цыган «ромэн» или имя современных румын «ромынь» не связывает для науки их возникновение с римлянами или греками-ромеями Византии. Сибирские татары получили своё имя не из Монголии, а от русских, продвинувшихся в бывшие земли Чингизидов. При подчинении славян варяжской династийной группе «русь» возникло и национальное имя «русских». Если этноним «русь» южношведского происхождения, не в Скандинавии надо искать корни русского народа. Определение подданства, имя прилагательное («Чьи вы подданные?» – «Мы люди русские»), переросло во всенародное имя: «А словеньский языкъ и рускый одно есть, от варяг бо прозвашася Русью, и первое беша словене» [ПВЛ 1996: 16].

В исторической цепи, тянущейся за народным именем, такое наблюдается часто. Выделим три последовательных этапа в жизни народных наименований: древний этноним → политоним → новый этноним. На стадии политонима (в условиях многоплеменного государства, называемого по имени правящего народа) бывший этноним нередко становится наименованием другого народа, с иным историческим прошлым, а часто – и с другим языком.

Естественным механизмом преобразования политонима в новый этноним видится стремление подчиненной местной знати к сближению с пришлым правящим сословием, ведущее к принятию его имени, а часто и языка. Через посредство знати изменения захватывали иные слои подданных. Так преодолевалась этнополитическая разобщенность общества. Для этого процесса первоначальная языковая принадлежность подданных не имела значения.

Самое раннее достоверно тюркоязычное население ныне известно только на Саяно-Алтайском нагорье в Южной Сибири. Будучи пришлым, оно появляется там во II–I вв. до н.э. и служит основой сложения местных археологических культур в Хакасии и Туве, а также, вероятно, на Горном Алтае. До этого жители тех мест говорили на южносамодийских, угорских и кетских языках. В определении имен тюркских народов той эпохи исторические данные помогают мало. Известен лишь один этноним: «гяньгунь» / «цзяньгунь» – китайская передача имени древних кыргызов.

Это народное имя живет сегодня, и ныне, пожалуй, наиболее ясны преобразования, произошедшие с ним за двадцать два века, как типичные для многих этнонимических судеб, так и специфически связанные с династийной традицией тюркских народов средневековья.

Кыргызы-гяньгуни уже при гуннах заняли на Среднем Енисее господствующие позиции. Летописи пишут, что кыргызы смешались с местными динлинами в новый народ, который стал называть себя «хакас». Археологи видят это смешение первоначально различавшихся по культуре народов. Оно завершилось сложением единой таштыкской культуры – свидетельством сложения новой общности. Имя кыргызов, составивших ее правя-

щий слой, перестало быть наименованием отдельной народности, став обозначением правящей аристократии страны, т.е. переросло в политоним. На Енисее кыргызы сохраняли свой статус до начала XX в.

Многовековое сохранение у тюркских народов древности и средневековья несменяемых династийных родов поныне не осознается учеными Востока и Запада, в чьих землях правящие Дома менялись часто. Не учитывают историки и силу самосознания и социальной психологии династийного рода у ранних тюркских народов: кыргызы IX в. возводили свою власть к началу I в. до н.э., а ашина в V в. заявляли о 10 поколениях правителей, т.е. вели счет с середины II в.

Не будем останавливаться здесь на политической роли аристократического рода кыргыз как в отношении поздней древности и средневекового Древнехакасского государства, так и касательно нового времени – она не раз показана в сибиреведении специальными разработками [Кызласов 1959а; 1971; 1984: 52–68; 1996: 39–48; ИХСДВД 1993].

Имя кыргызов служило наименованием династийного рода, веками владевшего разраставшимся многоплеменным государством, с IX в. объединившим Южную Сибирь и Центральную Азию. Политоним, став для держав того времени именем всей страны, привел к наименованию кыргызами другого народа, с иным историческим прошлым – знатность имени способствовала этому.

Наиболее ясна, пожалуй, подобная природа народного названия современных киргизов Тянь-Шаня. Имя, несомненно, связывает их предков с политической историей крупнейшей ранне-средневековой державы, но происхождение теперешнего среднеазиатского народа не только не сводимо к древнему населению Енисея, впервые прославившему имя кыргызов, но и не связано с ним [Кызласов 1959б].

Распространение имени «кыргыз» не ограничивается ни Саяно-Алтаем (где оно живет среди хакасов, тувинцев, алтайцев), ни Тянь-Шанем.

По легенде среди трех первопредков якутов было два кыргыза. По другому преданию прародительницей этих кыргызов ста-

ла одна из дочерей Оногой-Баая, предводителя бурят или татар, вторая же – стала женой Эллэя, родоначальника якутов [Ксенофонов 2004: 53, 186]. По третьему сюжету кыргыз – прародитель якутов – двинулся на Лену из южных земель. Еще одна версия именует кыргызом самого Эллэя [Окладников 1949: 355–356; Эргис 1960: 94, 283]. Народное имя «кыргыз» не только знакомо якутскому языку [Пекарский 1959: стлб. 1414], оно обозначает легендарных предшественников якутов на Лене [Ксенофонов 2004: 264–265]. Люди уверены, что кыргызы были скотоводами и коневодами, устраивали праздники-ысыахи, сжигали своих мертвых [Окладников 1949: 354–355; Эргис 1960: 94, 283].

Сходные взгляды были у бурят: «Могильные насыпи буряты обыкновенно приписывают киргизам и потому все доисторические могилы называют “Хиргисы-хур”» [Талько-Грынцевич 1897: 9]. Монголы также воспринимали курганы своих степей погребениями народа-предшественника и именовали их «хиргисийн ур» («киргизскими могилами»). Так, в 1830 г. О.М. Ковалевский записал в дневнике: «Прохожий монгол <...> рассказал мне, что на берегах Селенги <...> находится очень много таких же могил, принадлежащих, по местным преданиям, киргизскому народу <...>. Из сего, заключал он, что и здешние могилы были остатками киргизскими в странах Монголии» [РМК 2005–2006: 13]¹.

В XVI–XVII вв. казахов в России называли казаками, касакскими татарами, казацкими (казачьими) ордами и т.п. словосочетаниями. С XVIII в. по первую треть XX в., дабы отличать от русских казаков, их стали именовать киргизами (киргиз-кайсаками) [Благова 1970; 1973]. Почему избрали именно слово «киргиз»? Живи киргизы меж русскими и казаками, перенос знакомого имени на восток был бы понятен (так случилось с этнонимом «татар»), но география противоположная. Значит, тьяньшаньский этноним не нужно связывать с этим процессом.

В литературе допускают, что казахи дополняли этноним именем рода (но род кыргыз у казахов отмечен только среди аргы-

¹ Комментарии публикаторов [Там же: 87, прим. 7] археологически недостоверны, датировки этнополитических этапов местной истории неверны.

нов). Недостаточно и другое мнение: казахи живут между кыргызами сибирскими и тянь-шаньскими, вот и их стали так называть. Третье объяснение исходит из дел на востоке: в XVI и XVII вв. московские власти были хорошо знакомы с именем кыргызов в Сибири, более века ведя борьбу с правящим там родом кыргыз. В 1718 г. гибель Киргизской земли вывела политоним «кыргыз» за ее пределы, связав его с непокорной степной вольницей вообще. Неслучайно казахи поименованы киргизами уже на карте Сибири, составленной в круге С.У. Ремезова около 1718 г. [Там же].

Переименование казахов в киргизов произошло в России в XVIII в. и, вероятно, неспроста совпало с важными социальными изменениями самого казахского общества. Тогда вместо прежнего улусного деления окончательно укрепилось членение народа на жузы («сотни»), фактически ставшими не родоплеменными, а административно-территориальными образованиями. Власть биев сменилась ханским правлением. Ханская знать (султаны, несмотря на запутанные родословные, возводившие себя к потомкам Чингисхана), по мнению историков, неожиданно быстро нашла свое место в новой организации общества. Будучи верховной всех трех жузов, она сохраняла свою генеалогическую и политическую обособленность – «султаны не относили себя ни к одному из тюрко-монгольских племен, ни к одному из казахских жузов, не разделялись на колена и по-прежнему составляли замкнутое высшее аристократическое сословие страны» [Султанов 2000: 281].

Исследователь, показавший эти особенности исторического развития, отметил только, что «с XVIII столетия, в русских источниках, а затем и в научной литературе казаков (казахов) ошибочно стали называть киргизами, киргиз-казаками и киргиз-кайсаками, а их государство Киргиз-Кайсацкой ордой». По нашему мнению, ошибки здесь не было, и изменение наименования народа и страны исходило не от русской стороны. Стоит лишь связать оба одновременно произошедших в Казахстане явления.

В описанном особом положении казахских султанов встречаем знакомое социально-политическое состояние правящего аристократического рода кыргыз, ревниво удерживаемое среди

древнехакасского и прочего саяно-алтайского населения высшим местным сословием в течение двух тысячелетий. Узнаваема для нас и манера именовать страну и народ по имени их правящей верхушки. Опираясь на южносибирскую аналогию, позволительно было думать, что казахские султаны в XVIII в. сами называли себя кыргызами. И.В. Ерофеева, подтвердив это предположение в разговоре со мной 16.11.2015 г., связала появление в казахской элите имени «кыргыз» с джунгарским угоном кыргызов с Енисея (1703 г.). Фундаментальный труд исследовательницы содержит прямые доказательства: «кыргызказағи йуртының хан; кыргызказағи халқының хан; кыргызказағи ва каракалпағы хан» («хан кыргыз-казахского юрта; хан кыргыз-казахского народа; хан кыргыз-казахов и каракалпаков»), так, например, титулует себя в письмах 1731–1747 гг. к императрице России Абулхаир, под 1766 г. отмечено личное имя Кыргызбай и др. [ЭНКПЭ 2014: I, 45–46, II, 163, 980]. Русские власти, как и в сибирском случае, называли народ (уже имевший самоназвание «казак») по имени его правящего сословия – киргизами и киргиз-кайсаками².

Рассматривая историю и политическое содержание термина «кыргыз», в том числе отыскивая причину наименования казахов киргизами в русской традиции XVIII–XX вв.³, учтем и другие известные науке данные. По собранным этнографами фактам живущее в долине р. Заравшан в Узбекистане малочисленное «племя кыргыз в прошлом имело значительный общественный вес». По всему Узбекистану и далее на запад на востоке Туркменистана до самой Амударьи при конноспортивных, борцовских и иных народных состязаниях (вплоть до петушиных и перепелиных боев) две противоборствующие команды именуются «мангыт» и «кыргыз». Участники таких матчей помнят свою родовую

² Принципиально сопоставимая связь казахской и сибирской социальной ситуации не была замечена С.Г. Кляшторным и Т.И. Султановым, поскольку мимо их внимания прошла роль аристократического рода кыргыз на Енисее. Возглавлявшаяся кыргызами южносибирская страна, сыгравшая значимую роль в истории Евразии, не вошла в книгу этих авторов.

³ Самоназвание «казак» официально восстановлено советской властью в 1925 г. Русское наименование «казак» введено в формальное обращение с 1936 г. [Благова 1970: 154–155].

принадлежность во многом благодаря этому спортивному членению и, согласно ему, каждый знает, к какой команде он принадлежит. Кыргызами называют одну из двух соперничающих сторон и внутри общин некоторых городов Узбекистана. Вполне понятно, что в этих условиях «наименование “кыргыз” <...> полностью утратило этнонимическую окраску» [Кармышева 1997: 34–37].

Можно думать, что даже там, где оно эту окраску сохраняло, имя узбекских кыргызов приобрело ее вновь, перейдя от стадии политонима к этнониму позднего типа. В этом былом не этническом, а сугубо социальном содержании имени «кыргыз» и скрыт ответ на закономерный вопрос: каким образом малочисленное племя «при состязаниях стояло в одном ряду с племенем мангыт, к которому принадлежала правящая (узбекская – *И.К.*) династия?»).

В этом былом статусе заключено объяснение и иным отмеченным фактам: почетному начальному месту кыргызов в списках узбекских племен XV–XVII вв., высоким должностям, даваемым их представителям, отнесению кыргызов к правому, привилегированному крылу раннего узбекского государства [Кармышева 1997: 36]. Ради сравнения вновь уместно напомнить: такая же политическая роль аристократического рода кыргыз установлена историческими исследованиями в отношении ранне- и позднесредневекового Древнехакасского государства [Кызласов 1959а; 1984: 52–68; 1996].

Высокий политический статус кыргызов, как мы видели, отмечается еще среди кочевых узбеков эпохи Шейбани-хана, т.е. существовал уже к концу XV в. Именно это средневековое членение строго соблюдалось при разделении участников народных состязаний: те племена, которые не входили в состав родов, участвовавших в давнем завоевании Средней Азии, могли лишь, следуя традиционному порядку, присоединиться к той или иной спортивной команде [Кармышева 1997: 35].

Носители имени «кыргыз» в позднем средневековье (хотя бы в XVI–XVII вв.), кроме сибирских народов, «жили *одновременно* <...> в Восточном Туркестане, на Тянь-Шане, Памиро-Алае, в Средней Азии и казахских степях, в Приуралье (среди башкир), то есть на весьма отдаленных друг от друга территориях» [Аб-

рамзон 1971: 19]. На западе имя «кыргыз» проникло в степи Молдовы и Крым – характерна их топонимия, вероятно, связанная с ногайцами (Киргиз, Киргиз-Катай (Киргиз-Китай), Одоман-Киргиз, Баш-Киргиз, Кучук-Киргиз и др.) [Кузеев 1974: 362].

Среди табынской части башкирского народа (при- и зауральской), кроме подразделения кыргыз, известен и род кахас. Оба они считают, что пришли с Саяно-Алтая или в целом из «сибирской стороны». Появление западной части башкирских кыргызов «в тысячах километров от одноименного этнонима» относят к XIII–XIV вв., т.е. «до завершения формирования киргизов в народность» на Тянь-Шане. Р.Г. Кузеев полагал, что башкирские кыргызы происходят с Енисея и вошли в состав кыпчакской миграционной волны [Кузеев 1974]. Ныне же многочисленные находки в Восточной Европе изделий древнехакасской аскизской культуры XI–XII вв. допускают появление хакасских этнонимов «кахас» и «кыргыз» среди башкир в домонгольское время.

Следует помнить, что письменные памятники раннего средневековья – «ни рунические надписи, ни свидетельства Махмуда Кашгарского в его “Диване” (XI в. – И.К.), ни “Сборник летописей” Рашид-ад-Дина (XIV в. – И.К.), ни другие источники не содержат убедительных доказательств в пользу того, что термин “кыргыз” был этнонимом» [Абрамзон 1971: 20–21]. Со времен гуннского нашествия на Саяно-Алтай перестав именоваться народ, слово «кыргыз» обозначало только правящий род, стало политонимом Древнехакасского государства [Кызласов 1959а; 1984: 52–68], а с гибелью страны в XIII в. разошлось среди обитателей Азии разного происхождения.

Для многих племен и народов, в течение трех веков (с IX по XIII вв.) входивших в огромное южносибирское государство «кыргыз» было именем аристократии и не служило самоназванием. Это долго осознавалось. Недаром словам историка XVII в. о сибирских кыргазах: «Монголы и другие племена, истребив киргизов в огне и воде, вступили в землю их и, оставшись тут жить, приняли имя киргизов. Они сами знают, из какого они рода» [Абуль-Гази 1906: 38] вторят слова этнографа о современных киргизах Тянь-Шаня: «Совсем не так уж далеко ушло время, когда к самоназванию “кыргыз” обязательно прилагалось название

племени, к которому относило себя то или иное лицо» [Абрамзон 1971: 21].

Как мы видели, в средневековую эпоху имя «кыргыз» стало символом тюркоязычной аристократии и благородного происхождения не только в восточной части тюркского мира (начиная от Якутии), но и в центральной (среднеазиатской) и западной его части (включая степи Молдовы).

Сопоставимое явление, хотя не столь широко звучащее, встречаем в имени «алан», известного у разноязыких народов Кавказа, в том числе в роли самоназвания. Восходя к древнему понятию «царь, правитель, благородный» это название поначалу было скорее титулом, не имело этнического содержания, было социальным термином, затем превратившимся в политоним [Аликберов, Мудрак 2015].

Распространение благородного имени «кыргыз» отвечает, как думается, данным двух гуманитарных наук: истории и археологии.

Собранные воедино письменные источники [Кызласов 1971: 64; 1984: 3–4] указывают на давнюю и широкую известность в иных землях имени кыргызов – правителей крупнейшей державы домонгольской Сибири. Укажем, например, труды Махмуда ал-Кашгари (Кашгар, XI в.), Шарафа Марвази (Мерв, XII в.), живших в Иране Гардизи (XI в.), Ибн Хордадбеха (IX в.) и Рашид-ад-дина (XIV в.), Низами Гянджеви (Азербайджан, XII в.), ал-Идриси (Сеут, Испания, XII в.), написавшего книгу в Палермо (Сицилия).

Китайские хроники пишут о караванной торговле Древнехакасского (Кыргызского) государства с самой Поднебесной, Средней Азией и Тибетом. А в древнехакасских эпитафиях на Енисее встречаются сведения о том, что конкретные люди ездили туда послами.

Археологами открыты следы пребывания посольств и бытования древнехакасских факторий в Волжской Булгарии и на Руси – с конца X по XIII вв.: от Новгорода и Смоленска до Поднепровья и Закарпатья [Кызласов 1997; 2007]. Вместе с искусными изделиями, которым в Восточной Европе начали подражать, распространялась слава о стране и династийном роде кыргызов.

В XIII–XIV вв. археологические признаки Древнехакасской державы за ее былыми границами имеют иной характер. Принадлежности воинской касты: формы и декор костюма, снаряжения всадников и конской сбруи заимствуются официальной культурой Монгольской империи [Кызласов 2010]. Видимо, в ее пределах и проходили названные процессы: распространение типичных изделий и гордого имени политической верхушки, кыргызов, потерявших свою государственность.

В XIV в. социально значимые саяно-алтайские изделия использовались и копировались кыпчакскими [Кызласов 2010]. Дальнейшее разделение на узбеков и казахов сохранило почетное место имени «кыргыз» у одних и повлияло на русское наименование других.

Период домонгольского Древнехакасского государства был эрой великих свершений, никогда уже более не наступивших в истории коренных народов Сибири. Однако современная этнонимика, включая именослов преданий, объясняющих древности, показывает, что эта эпоха запомнилась, как самим сибирякам, так и их соседям, далеко выйдя за первоначальные пределы. Важно видеть, что в новом качестве имя «кыргыз» распространялось лишь среди тюркских народов. Так сохранялась память о последней в истории тюркоязычной державе Монголии.

Литература

- Абрамзон 1971 – *Абрамзон С.М.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. – Л.: Наука, 1971.
- Абуль-Гази 1906 – *Абуль-Гази.* Родословное древо тюрков. – Казань, 1906.
- Аликберов, Мудрак 2015 – *Аликберов А., Мудрак О.А.* Еще раз о происхождении названий Алуан и алан // *Армения и христианский Кавказ.* – Ереван, 2015. – С. 27–30.
- Благова 1970 – *Благова Г.Ф.* Исторические взаимоотношения слов *казак* и *казак* // *Этнонимы.* – М.: Наука (Восточная литература), 1970. – С. 143–159.
- Благова 1973 – *Благова Г.Ф.* О русском наименовании тюрков и тюркских языков // *Советская тюркология.* – Баку, 1973. – № 4. – С. 11–23.
- ИХСДВД 1993 – *История Хакасии с древнейших времен до 1917 г.* – М.: Наука (Восточная литература), 1993.

- Кармышева 1997 – *Кармышева Б.Х.* Узбеки племени кыргыз в Среднезаваншанской долине // Этнографическое обозрение. – 1997. – № 2. – С. 34–37.
- Ксенофонт 2004 – *Ксенофонт Г.В.* Элэйада. Материалы по мифологии и легендарной истории якутов. – Якутск: Бичик, 2004.
- Кузеев 1974 – *Кузеев Р.Г.* Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. – М.: Наука, 1974.
- Кызласов 1997 – *Кызласов И.Л.* Следы пребывания древних хакасов в городах Руси XI–XIII вв. // Памятники старины: Концепции. Открытия. Версии. – СПб. – Псков, 1997. – Т. 1. – С. 380–386.
- Кызласов 2007 – *Кызласов И.Л.* Великий Сибирский путь в судьбе России // Средневековая археология евразийских степей. – Казань: Ин-т истории АН РТ, 2007. – Т. II. – С. 63–70.
- Кызласов 2010 – *Кызласов И.Л.* Особенности появления аскизских изделий в Европе в XIII–XIV вв. // Русь и Восток в IX–XVI вв. Новые археологические исследования. – М.: Наука, 2010. – С. 139–162.
- Кызласов 1959а – *Кызласов Л.Р.* К вопросу об этногенезе хакасов // Ученые записки ХакНИИЯЛИ. – Абакан: Хакаское книжное изд-во, 1959. – Вып. VII. – С. 70–92.
- Кызласов 1959б – *Кызласов Л.Р.* О связях киргизов Енисея и Тянь-Шаня (К вопросу о происхождении киргизского народа) // Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. – Фрунзе: Изд-во АН КиргССР, 1959б. – Т. III.
- Кызласов 1971 – *Кызласов Л.Р.* Еще раз о термине «хакас» и «кыргыз» // Советская этнография. – 1971. – № 4. – С. 59–67.
- Кызласов 1984 – *Кызласов Л.Р.* История Южной Сибири в средние века / Библиотека историка. – М.: Высшая школа, 1984.
- Кызласов 1996 – *Кызласов Л.Р.* О присоединении Хакасии к России. Абакан – М.: Изд-во Хакаского гос. ун-та, 1996.
- Окладников 1949 – *Окладников А.П.* Прошлое Якутии до присоединения к русскому государству / История Якутии. – Якутск: Якутгосиздат, 1949. – Т. 1.
- Пекарский 1959 – *Пекарский Э.К.* Словарь якутского языка. – [Л.:] Якутский филиал АН СССР, 1959. – Т. II.
- ПВЛ 1996 – Повесть временных лет. СПб.: Наука, 1996.
- Султанов 2000 – *Султанов Т.И.* Глава V. Судьба властной элиты Восточного Дешт-и Кыпчака и степной государственности // С.Г. Кляшторный, Т.И. Султанов. Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2000. – С. 232–297.
- Талько-Грынцевич 1897 – *Талько-Грынцевич Ю.Д.* Материалы к палеоэтнологии Забайкалья // Протоколы Троицкосавско-Кяхтинского Отделения Приамурского Отдела РГО за 1896 год. – Томск, 1897 (отд. оттиск).

РМК 2005–2006 – Россия – Монголия – Китай. Дневники монголоведа О.М. Ковалевского. 1830–1831 гг. / Подготовка к изд., пред., глоссарий, комм. и указатели Р.М. Валеева и И.В. Кульганек. – Казань – СПб.: Таглитат, 2005–2006.

ЭНКПЭ 2014 – Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 гг. Сб. исторических документов в 2-х томах / Сост., автор научных статей и комм. И.В. Ерофеева. – Алматы: АБДИ Компани, 2014. – Т. I.

Эргис 1960 – *Эргис Г.У.* Исторические предания и рассказы якутов. В двух частях. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – Ч. 1.

Аннотация

В последние века до н.э. после смешения пришлых тюркоязычных кыргызов-гянгуней с иноязычными аборигенами енисейских долин и постепенной языковой ассимиляции последних, имя кыргызов, перестав быть наименованием народности, переросло в политоним, стало обозначением правящего слоя страны. В этой роли, особенно с гибелью многоплеменной саяно-алтайской державы в XIII в., оно распространилось среди разных народов Азии, сделавшись на востоке тюркского мира символом аристократии.

Ключевые слова

Этноним *кыргыз*, этноним, политоним, значение династийного рода в тюркской этнонимике

Сведения об авторе

Кызласов Игорь Леонидович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии РАН; e-mail: kyzlasovil@mail.ru

Igor Kyzlasov

Name of Kyrgyz as a symbol of aristocracy (upon historical features of Turkic ethnonyms)

Summary

In the last centuries BC after mixture of alien Turkic-speaking Kyrgyz-Giangun with foreign-language natives of the Yenisei valleys and gradual language assimilation of the last, a name of Kyrgyz, having stopped being the name of a nationality, outgrew in polyphonim, became designation of a ruling layer of the country. In this role, especially with death of the multibreedling Sayan-Altai state in the XIIIth century, it extended among the different people of Asia, having become an aristocracy symbol in the east of the Turkic world.

Key words

Ethnonym «Кыргыз», ethnonym, polyphonym, value of dynasty in Turkic ethnonymy

Information about the author

Igor Kyzlasov – PhD in History, Senior Researcher at the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences; e-mail: kyzlasovil@mail.ru

Е.И. Ларионова

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ИНИЦИАЛЬНЫХ ФОРМУЛ ТУРЕЦКОЙ ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКИ

В современной лингвистике значительное внимание уделяется антропоцентрической парадигме исследования, в рамках которой язык сильнее увязывается с человеком – его мышлением и культурой. В этом отношении особый интерес для изучения представляет фольклорно-языковая картина мира. Исследователи давно обратили внимание на такую черту языка фольклора, как традиционность. В сказках – одном из самых древних и распространённых фольклорных жанров – она находит воплощение в традиционных формулах.

Под традиционной формулой в лингвофольклористике обычно понимают «структурно организованный отрезок повествования, закрепляющий определенный смысл в форме устойчивого стилистического оборота» [Герасимова 1978: 173]. Обычно это рифмованный или ритмизованный отрезок. К сказочным формулам относятся: зачины, концовки, образные выражения и высказывания (эпитеты красоты, пространственно-временные формулы и т.п.).

Большой вклад в изучение сказочных формул внесли работы американских ученых М. Пэрри [Parry 1930] и А. Лорда [Lord 1994], которые разработали понятие эпической формулы (epic formula), определили соотношение импровизации и традиции, предложили классификацию формул. Согласно теории Пэрри–Лорда, ритмизованная фольклорная формула изначально была наделена заклинательной силой, а после утратила ее. Однако именно формульность позволяла передавать устные тексты от

одного сказителя к другому, от поколения к поколению [Лорд 1994: 462]. Точное высказывание по этому поводу принадлежит румынскому исследователю Дж. Кэлинеску: «Как и классическая литература, сказка – это полный и искренний плагиат, а гений проявляется в искусстве копирования» [Цит. по: Рошиану 1974: 8]. Сказочник всегда черпал приемы из «традиционного стиливого фонда, созданного поколением его предшественников» [Рошиану 1974: 8], поэтому формулы наряду с другими традиционными элементами образуют всеобщее культурное достояние носителей фольклора.

Крупнейшим трудом в сфере сказочной формульности является исследование румынского ученого Н. Рошиану «Традиционные формулы сказки» [Рошиану 1974], где он проанализировал формульный состав румынских сказок, а также сказок некоторых славянских, западноевропейских и восточных народов. Функциональная классификация, предложенная ученым, в настоящее время является общепризнанной. Согласно Н. Рошиану, все традиционные сказочные формулы в зависимости от композиционного положения делятся на три типа: инициальные (начальные), медиальные (срединные) и финальные [Там же: 45]. Инициальные формулы, открывающие сказочное повествование и определяемые ученым как наиболее значимые, представлены формулами времени (хронологические) и формулами пространства (топографические). Сказка наследует универсальность мифологической картины мира, поэтому основные «координаты сказочного мира <...> одновременно являются наиболее важными фундаментальными категориями мира, как он задан обыденному сознанию: это человек, место, время» [Мелетинский, Неклюдов 1969: 9]. Отечественный исследователь Н.М. Герасимова расширила схему, предложенную Н. Рошиану, и выделила пять типов инициальных формул: формула существования, формула наличия или отсутствия, формула времени, топографическая формула, формула недостоверности [Герасимова 1978: 18–28].

Турецкая сказка предоставляет богатый материал для исследования всех типов сказочных формул. Среди многочисленных и разнообразных формул турецкой волшебной сказки, которая «складывалась и бытовала <...> при тесном взаимодействии со

сказками других народов Ближнего и Среднего Востока и Балканского полуострова» [Боролина 2007: 204], инициальные формулы играют особую роль.

Практически все турецкие сказки начинаются с формулы недоверности, которую также можно отнести к хронологическому типу «Было-не было» (*Bir varmış bir yokmuş*). С ее помощью сказочник маркирует повествование как выдумку: никто не знает, имели ли место описываемые события на самом деле. Данная формула имеет двухчастную структуру (*Bir var-mış / bir yok-muş*) которая подкрепляется метрическим рисунком (по три слога в каждой части), а также рифмой (*mış – muß*). Части анти-тетичны по отношению друг к другу. Прошедшее неопределенное время на *-miş* также маркирует информацию в формуле как неподтвержденную. Данная инициальная формула широко представлена в культурном пространстве Турции: создатели песен, фильмов, сериалов часто используют ее для обозначения давности или недоверности событий, через которые прошли или проходят их герои. К примеру, популярная турецкая песня в исполнении Сертаб Эрнер называется «То ли я была, то ли меня не было» (*Bir varmışım, bir yokmuşum*).

Указанная формула может разворачиваться в более крупные инварианты, с введением хронологической формулы «В прежние времена» (*Evvel zaman içinde*): «Было-не было, у Аллаха рабов много. В прежние времена, когда сено было соломой, верблюды глашатаями, а блохи брадобреями служили, когда осел был хранителем печати, а мул – оруженосцем; когда я – тынгыр-мынгыр¹! – качал колыбель своего отца, жил-был один падишах» (*Bir varmış bir yokmuş, Allah'ın kulu çokmuş. Evvel zaman içinde, kalbur saman içinde, develer tellal iken, pireler berber iken; eşek mühürdar, katır silahdar iken; ben babamın beşeğini tıngır tıngır sallar iken; bir padişah varmış*). Здесь представлены четко ритмизированные, рифмованные отрезки, из которых составлена небылица, а сама формула-присказка маркирует сказку как вымышленное повествование. К хронологической формуле в данном случае добавляется формула существования «жил-был один падишах» (*bir*

¹ Звукоподражание, имитирующее скрип.

padişah varmış). Компиляция формулы времени и существования чрезвычайно распространена в турецких волшебных сказках, при этом формула существования не может выступать самостоятельно – она всегда идет в связке с формулой другого типа.

Если инициальная формула начинает разрастаться в самостоятельный текст со своим сюжетом и действующими лицами, то ее называют «текерлеме» (*tekerleme*) – рифмованная и ритмизованная присказка шуточного содержания: «Было-не было, в прежние времена, когда сено было соломой, когда мне было пятнадцать лет, когда я качал колыбель своего отца тынгыр-мынгыр! Кто бегом бежит, кто валом валит, у таких много сов, а кто без спросу в сад заберется, того, друзья, удел таков... Друзьям услада – Бекри Мустафа, закипела голова! Белая борода – черная борода – рыжая борода – борода лопатой. Свежая борода, только что из-под рук брадобрея. Будь я мясник – ножом бы не размахивал, будь я кузнец – мула бы не ковал, будь я банщик – друзей бы уважал! Все это – не мое дело».

*(Bir varmış
bir yokmuş //
evvel zaman içinde,
kalbur saman içinde //
ben on beş yaşında iken
babamın beşiğini tıngır mıngır sallarken //
var varanın
sür sürenin baykuşu çok olur.
Destursuz bağa girenin
hali budur yaranlar... //
Yaranı safâ,
Bekri Mustafa²
kaynadı kafa. //
Aksakallı, kara sakal,
pembe sakal,
çenkari sakal.*

² Бекри Мустафа – популярный персонаж турецкого фольклора, веселый гуляка.

*Yeni berber elinden çıkmış taze bir sakal. //
Kasap **olsam** sallıyamam **satırı**,
nalband **olsam** nallıyamam **katırı**,
hamamcı ahbap **hatırı**,
birisi benim karım değildir...*)

Обращает на себя внимание тот факт, что, в отличие от русской сказки, турецкая сказка предпочитает фиксирование не в пространстве, а во времени. Пространственные формулы практически полностью отсутствуют в турецких волшебных сказках. Такая черта присуща не только турецким сказкам, но и сказкам всех тюркских народов. Объясняется это, по всей видимости, теми же причинами, что и отсутствие в турецких сказках собственно тюркских сказочных образов. Отечественный турколог В.Д. Смирнов высказал мнение о том, что турки на протяжении очень долгого времени были кочевниками и постоянно передвигались с места на место, поэтому не имели достаточно времени для того, чтобы у них сложились собственные мифологические представления, которые обыкновенно зависят от окружающей природы [Смирнов 1975: 225]. Кочевой образ жизни не способствовал и закреплению представления о какой-либо пространственной фиксации у тюркских племен.

Сказочные формулы могут отражать не только древние представления народа, но и те, которые имеют под собой реальные исторические факты. В качестве примера можно привести еще один вариант инициальной формулы: «В прежние времена, когда сено было соломой, а в старой бане **джинны дротики метали**, была прекрасная страна» (*Zaman zaman içinde, kalbur saman içinde, **cinler cirit oynarken eski hamam içinde***). Часть этой формулы соотносится с игрой в джерид. Джерид – древковое метательное оружие, которое на Ближнем Востоке появилось не ранее XVI в. как оружие легкой кавалерии [Коровкин 1999: 38], таким образом джинны (т.е. злые духи) не могли быть связаны с этим оружием ранее XVI в. В то же время у известного русского востоковеда, путешественника и дипломата К. Базили в книге «Очерки Константинополя» (1835) находим яркое описа-

ние игры в джерид. Рассказывая о времени правления османского султана Махмуда II (1808–1839), он отмечает, что «эта игра была всегда любимым развлечением османской молодежи и в особенности Двора» [Базили 1835: 185]. Далее К. Базили упоминает, что при султанском дворе состоял особый класс удалых наездников, которых называли «джинды» (*cind*) и которые для игры разделялись на две партии: Бамияджи и Лаханаджи («любители бамьи» и «любители капусты»). Эти своеобразные потешные войска представляли на Атмейдане (площадь Ипподрома в Стамбуле) живописные битвы. Весь султанский двор разделялся на приверженцев той или другой партии. Позднее эта борьба переехала с Атмейдана в долины Босфора, где султан вместе со своим двором вставал лагерем на весь день. Далее развертывалась битва, в которой нередко принимали участие султаны и их визири. К. Базили, говоря об опасности игры в джерид, упоминает, что она всегда оканчивалась смертью или изуродованием. Так, Верховный Визирь, посланный султаном Селимом против Наполеона в Египет, «был без одного глаза от джериды» [Там же: 186]. Вполне логично, что слово «джинд» (*cind*) было намеренно или случайно трансформировано народной фантазией в слово «джинн» (*cin*) и сохранилось в сказочной формуле до наших дней.

Подводя итог, следует отметить, что с лингвистической точки зрения инициальная турецкая формула – это структурно организованный отрезок повествования с рифмой и ритмом, охватывающий от одного предложения до нескольких абзацев. Турецкие инициальные формулы представлены преимущественно тремя типами: формула недостоверности, формула времени и формула существования, при этом формула существования не может употребляться изолированно, она всегда сопровождает либо формулу недостоверности, либо формулу времени.

С культурологической точки зрения инициальная формула турецкой волшебной сказки постулирует мифологические представления и народную эстетику, которые вносятся в текст в готовом виде или задают правила соединения определенных элементов в сказочном тексте, а также отражает культурные особенности турецкого народа.

Литература

- Parry 1930 – *Parry M.* Studies in the Epic // Technique of Oral Verse – making: 1. Homer and Homeric Style. – Harvard Studies in Classical Philology, 1930. – V. 41.
- Базили 1835 – *Базили К.М.* Очерки Константинополя. – Санкт-Петербург, 1835.
- Боролина 2007 – *Боролина И.В.* Хрестоматия по турецкому фольклору / 2-е издание, исправленное и дополненное. – М., 2007.
- Герасимова 1978 – *Герасимова Н.М.* Формулы русской волшебной сказки // Советская этнография. – М., 1978. – № 5.
- Коровкин 1999 – *Коровкин Д.С.* Основы криминалистического учения о метательном неогнестрельном оружии : дисс ... к. ю.н. – Саратов, 1999.
- Лорд 1994 – *Лорд А.Б.* Сказитель / Пер. с англ. и коммент. Ю.А. Клейнера, Г.А. Левинтона. – М.: Восточная литература РАН, 1994.
- Мелетинский, Неклюдов 1969 – *Мелетинский Е.М., Неклюдов С.Ю.* Проблемы художественного описания волшебной сказки // Ученые записки Тартуского гос. ун-та. – Вып. 236. – Тарту, 1969.
- Рошияну 1974 – *Рошияну Н.* Традиционные формулы сказки. – М., 1974.
- Смирнов 1975 – *Смирнов В.Д.* Турецко-османские сказки // Тюркологический сборник 1973. – М., 1975.

Аннотация

В статье рассматривается вопрос о лингвистических и культурных особенностях инициальных формул турецкой волшебной сказки, выделяются их основные типы, указывается национальная специфика.

Ключевые слова

Турецкий язык, инициальная формула, турецкая волшебная сказка, формула времени, формула недостоверности, формула существования

Сведения об авторе

Ларионова Евгения Ивановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры восточных языков Дипломатической академии МИД России; e-mail: haziiran@mail.ru

Yevgeniya Larionova

**Linguistic and ethnocultural characteristic of initial formulas
in Turkish fairy-tales**

Summary

The article deals with the problem of linguistic and cultural characteristic of initial formulas in Turkish fairy-tales, identifies the main types and national specifics of these formulas.

Key words

Turkish language, initial formula, Turkish fairy-tale, formula of time, formula of unauthenticity, formula of existence

Information about the author

Yevgeniya Larionova – PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Oriental Languages at the Academy of Diplomacy of the Ministry of Foreign Affairs; e-mail: haziiran@mail.ru

А.В. Образцов, А.С. Сулейманова

СКРЫТЫЕ ЭПИГРАФЫ В РОМАНЕ ВЕДАТА ТЮРКАЛИ

Имя Ведата Тюркали (13.05.1919 – 29.08.2016) не нуждается в особых представлениях. Это один из самых известных турецких литераторов и кинематографистов Турции второй половины XX в. Его настоящее имя – Абдулькадир Пирхасан, но в своих разных творческих ипостасях он использовал различные псевдонимы: Абдулькадир Демиркан, Хасан Денизли и др. После окончания лицея в родном городе начал обучение на кафедре турецкого языка и литературы Стамбульского университета, в 1942 г. получил диплом. В студенческие годы дебютировал как поэт. Преподавал литературу в военных лицеях Мальтепе и Кулели. В 1951 г. за политическую деятельность был осужден на 9 лет заключения по статье 141, в 1958 г. был условно освобожден, но еще два года находился под надзором. Связал свою творческую деятельность с кинематографом: сценарии, пьесы, режиссура. Именно под сценариями впервые появляется имя Ведат Тюркали. Первый сценарий – «Повелитель плутов» (Dolandırıcılar şahı, 1960). В 1965 г. Тюркали попробовал себя в кинорежиссуре. Вместе с известным литератором Рыфатом Ылгазом (1911–1993) основал издательство «Гар» (Gar Yayınları). За сценарий к фильму «Просыпающиеся во тьме» (Karanlıkta Uyananlar) в 1965 г. получил в Анталье премию за лучший сценарий. В 1970 г. получил премию Турецкого радио и телевидения за пьесу «Ветви должны зеленеть» (Dallar Yeşil Olmalı), которая, как и пьеса «141-я ступень» (141 Basamak), с успехом ставилась в турецких театрах. Но подлинная слава пришла к Тюркали после выхода в 1974 г. первого романа «День одиночества» (Bir Gün Tek Başına),

который удостоился двух престижнейших наград в области романистики: издательства «Миллиет» (1974) и премии им. Орхана Кемалея (1976). Не меньшей популярностью пользовались и последующие романы Тюркали «Синяя тьма» (Mavi Karanlık, 1983), «Турция, как о ней рассказывают киностудии Ешильчам»¹ (Yeşilçam Dedikleri Türkiye, 1986), «Одна человеческая смерть» (Tek Kişilik Ölüm, 1989). Широкий резонанс вызвал и последний роман автора «Кончилось, кончилось, да не кончилось» (Bitti Bitti Bitmedi, 2014), в котором автор напрямую затронул тему варварского уничтожения армян в Османской империи. Эта тема была близка Тюркали, который, уже будучи в инвалидном кресле, участвовал в манифестации памяти убитого армянского журналиста Гранта Динка 20 января 2012 г. [novostink.ru/mir/30315].

Ведат Тюркали был убежденным сторонником левых взглядов, состоял в Коммунистической партии Турции, чему посвящена книга его воспоминаний «Коммунист» (Komünist, 2001). В 2002 г. на парламентских выборах был кандидатом от Демократической народной партии Турции (DEHAP).

Писатель был женат. Его дети Дениз и Барыш, как и внучка Зейнеп, избрали для себя творческие профессии.

По меньшей мере, два романа Тюркали имеют статус культовых в турецкой литературе: «День одиночества» и «Синяя тьма». Статьи и отзывы об этих книгах часто сопровождаются резюме «Обязательно к прочтению» (Okunması gerekli bir roman).

Тем непонятней выглядит то, что во многих фундаментальных исследованиях имя Ведата Тюркали и его произведения либо вовсе не упоминаются, либо называются лишь вскользь [Kurdakul 1992, Moran 2012, Moran 2012a, Yalçın 2005, Yeni Türk 2006]. Не вдаваясь в причины этого, заметим, что в большинстве справочников и энциклопедий есть отдельные статьи, посвященные творчеству данного автора [Necatigil 1964, Necatigil 1979, Özkırımlı 2004, Türk 1977].

В данном случае нас интересует первый роман, который хорошо известен в России благодаря качественному переводу Калерии Антониновны Беловой [Тюркали 1981].

¹ Ешильчам (Yeşilçam) – это условное название турецкого кинематографа, для турецких зрителей имеет тот же смысл, что и Голливуд для американцев.

Сюжет романа достаточно прост: любовная история женатого мужчины среднего возраста и студентки университета на фоне политических событий, предшествовавших первому военному перевороту в истории республиканской Турции 27 мая 1960 г. [Данилов 1985, Еремеев 2017]². Главный герой – Кенан – мелкий издатель и книготорговец, так и не сумев достойно расстаться или утвердиться в левореволюционных идеалах молодости, так же как и сделать выбор между женой и любовницей, кончает жизнь самоубийством, заподозренный в связях с полицией. Его возлюбленная – Гюнсель – убежденная сторонница и участница леворадикального студенческого движения, будучи беременной от Кенана, на могиле любимого мужчины решает продолжать борьбу за свободу и права трудящихся и сохранить внебрачного ребенка. Турецкая критика, высоко оценив роман, обратила внимание на то, что ни один персонаж не вмещается в однозначный поведенческий стереотип: Нермин не просто любящая жена и образцовая домохозяйка, Гюнсель не просто влюбленная девушка и активистка студенческого движения, Расим не просто пройдоха и приспособленец, Кенан не просто рефлексирующий полубуржуа, полуинтеллигент и т.д. [Насі 1976]. Турецкий литератор и тонкий исследователь Хильми Явуз (Hilmi Yavuz, 14.04.1936) сформулировал так главную загадку романа: «А является ли Кенан «типичным» мелким буржуа?» [Yavuz 2013: 38].

Представляется, что ответ на этот вопрос дает так называемый «скрытый эпиграф» романа.

Эпиграф – элемент заголовочного комплекса рамы произведения. Под этим термином обычно понимают «точную или измененную цитату из другого текста» [Ламзина 2001: 850]. Как правило, эпиграф играет прогнозирующую функцию, еще до знакомства с самим текстом, сообщает о главной теме и/или идее произведения, сюжетных ходах, характеристике действующих лиц, эмоциональной доминанте. Т.е. читатель из эпиграфа уже понимает направление для интерпретации текста. Эпиграф – текст в тексте, он связывает произведение с источником цитаты.

² Сюжет отчасти будет повторен в другом известном романе Тюркали «Синяя тьма» (1983), где любовная интрига разворачивается на фоне событий переворота 12 сентября 1980 года.

Иногда встречаются т.н. квазиэпиграфы, изобретенные самим автором текста в полемических целях [Орлицкий 2008: 306]. Представляется, что можно говорить и о скрытом эпиграфе, т.е. о реальной или вымышленной цитате, которая настойчиво повторяется внутри текста и выполняет те же функции, что и заголовочный эпиграф.

Роль скрытого эпиграфа в романе Ведата Тюркали «День одиночества» играет известное стихотворение Назыма Хикмета (15.01.1902 – 03.06. 1963) «Самое странное существо на свете» (Dünyanın en tuhaf mahlükü, 1947–1949) [Hikmet 1968: 393].

DÜNYANIN EN TUHAF MAHLUKU

Akrep gibisin kardeşim,
korkak bir karanlık içindesin akrep gibi.
Serçe gibisin kardeşim,
serçenin telaşı içindesin.
Midye gibisin kardeşim,
midye gibi kapalı, rahat.
Ve sönmüş bir yanardağ ağzı gibi korkunçsun, kardeşim.
Bir değil,
 beş değil,
 yüz milyonlarlasın maalesef.
Koyun gibisin kardeşim,
gocuklu celep kaldırınca sopasını
sürtüye katılıverirsin hemen
ve âdeta mağrur, koşarsın salhaneye.
Dünyanın en tuhaf mahlukusun yani,
hani şu derya içre olup
 deryayı bilmiyen balıktan da tuhaf.
Ve bu dünyada, bu zulüm
 senin sayende.
Ve açsak, yorgunsak, alkan içindeysek eğer
ve hâlâ şarabımızı vermek için üzüm gibi eziliyorsak
 kabahat senin,
 — demeğe de dilim varmıyor ama —
 kabahatın çoğu senin, canım kardeşim!

‘Брат мой, ты словно крот,
во мраке трусливом живешь ты, как крот слепой.
Брат мой, ты как воробей,
в воробьиных тревогах увяз с головой.
Брат мой, как устрица ты – закрыт
и доволен собой,
и страшен, как кратер вулкана погасшего, ты,
брат мой
Таких как ты, не один
и не пять –
на миллионы приходится вас считать,
к сожалению.
Брат мой, ты как баран;
когда палку поднимет торговец скотом,
ты бросаешься в стадо бегом и потом –
чуть не с гордостью даже –
идешь на убой,
брат мой.
Нет на свете второго такого, как ты, существа,
ты загадочней рыбы, которая в море живет,
ничего не зная о море.
И на этой земле гнет и горькое горе
из-за тебя.
Если давят нас голод, обман и усталость,
если жмут из нас соки,
как жмут виноград для вина,
это твоя вина,
говорю тебе с болью душевной,
велика твоя доля вины,
брат мой милый,
бедняга безгневный’³.

³ В доступных нам изданиях переводов на русский язык стихов Назыма Хикмета этого стихотворения нет. Возможно, по причине очевидных аллюзий. Однако имеется несколько вольный перевод этого стиха в книге Радия Фиша «Назым Хикмет» в главе «Бей, Ферхад, бей!». Собственно перевод и является текстом главы [Фиш 1968]. Перевод вполне адекватно передает пафос стиха. Автор перевода не назван, видимо, это сам Радий Фиш.

Именно это стихотворение, которое читают или отказываются читать главные герои романа, и является ключом к пониманию произведения. В тексте романа содержится, по меньшей мере, три прямые или косвенные отсылки к данному тексту [Тюркали 1981: 41, 56, 416; Türkali 1975: 36, 55, 526], причем две прямые отсылки находятся в начале романа, так сказать, в его интродукции: сначала эти стихи читает Гюнсель во время первого знакомства с Кенаном, потом их пытается после отнекиваний невнятно читать Нермин и, наконец, стихи Хикмета читает опять Гюнсель уже ближе к развязке романа. Не в этой ли слепоте скорпиона/крота, закрытости мидии/устрицы, покорности барана и кроется ответ на главный вопрос романа: почему герои, столь вовлеченные в социальные и политические конфликты и связи, в результате оказываются одиночками? Почему день их триумфа – день падения диктатуры Демократической партии – оказывается «Днем одиночества»? Вполне пророческими в отношении Кенана и ему подобных, которые являются собирательным образом турецкой буржуазной интеллигенции, выглядят слова старого революционера – Отца, который, кстати, тоже предпочитает умирать (он болен раком), отдалившись от своих соратников: «Тип современного мелкобуржуазного интеллигента чужд нашим условиям. Он формируется отнюдь не под воздействием картин тяжелой жизни нашего народа, наших рабочих, а возникает под влиянием зарубежных впечатлений – после посещения Европы, особенно Франции. А теперь еще и Америки. Такой интеллигент начинает проповедовать здесь, в Турции, тамошние идеалы. В первую очередь это относится к нашим деятелям искусства. Вся их революционность заключается в стремлении походить на западных мастеров. Это их подражательство не что иное, как попытка спастись бегством от нашей, турецкой, реальности. Своих корней у этой интеллигенции нет. И мыслями, и сердцем она за границей, в Европе» [Тюркали 1981: 303; Türkali 1975: 370–371].

В тексте есть и еще одна подсказка к пониманию замысла романа, так сказать «визуальная»: Кенан несколько раз обращается к репродукции картины Питера Брейгеля, которая висит у него дома. Всякий раз он концентрируется на обилии скелетов на

картине. Очевидно, речь идет о полотне «Триумф смерти» (ок. 1562). Тема всепобеждающей смерти была широко распространена в искусстве Средневековья, но именно Брейгель воплотил идею всеобщей, всеохватывающей гибели. На картине, помимо полчищ скелетов, привлекает внимание влюбленная пара, которая упорно старается не замечать примет и символов смерти: юноша, влюбленно глядя на даму, играет на лютне и поет, а она следит за его игрой по нотной тетради. Пара оттеснена в самый угол картины, тем самым художник показывает, что они как бы не ощущают опасности. На картине есть еще несколько персонажей, которые пытаются противостоять смерти. Они различны, от шута, который прячется под столом, до воинов, встречающих неизбежное с оружием в руках. Среди них выделяются фигура поверженного воина со сломанным копьем и фигура простолюдина, который отбивается скамьей. И наконец, фигура в бордово-красном кафтане, которая хватается за эфес тонкой шпаги, как бы пытаясь защитить влюбленную пару [Львов 1971: 136–139]. Легко заметить определенные параллели с действиями персонажей романа от самих Кенана и Гюнсель до Отца и Хасана – брата Гюнсель и Хандан – подруги героини.

Таким образом, представляется, что Ведат Тюркали, отказавшись от формального эпиграфа, использует более изощренный приём «скрытого эпиграфа», который дает читателю указание на направление интерпретации текста. Примечательно, что эту роль играет поэзия Назыма Хикмета⁴, которая достаточно широко цитируется в романе. Символично, что в романе есть отсылка и к роману в стихах Хикмета «Почему Бенерджи покончил с собой?», герой которого также был ложно обвинен в тайном сотрудничестве с полицией.

⁴ Тюркали был знаком лично с Хикметом, высоко ценил его творчество и даже хранил вышитую рубашку поэта. Известны фотографии Тюркали в рубашке Назыма [haberturk].

Литература

- Данилов 1985 – *Данилов В.И.* Политическая борьба в Турции. 50-е – начало 80-х годов XX в. (политические партии и армия). – М.: Наука, 1985.
- Еремеев 2017 – *Еремеев Д.Е.* История Турецкой Республики с 1918 года до наших дней. – М.: Квадрига, 2017.
- Ламзина 2001 – *Ламзина А.В.* Рама произведения // Литературная энциклопедия терминов и понятий. – М.: НПК «Интелвак», 2001. – С. 847–854.
- Львов 1971 – *Львов С.Л.* Питер Брейгель Старший. – М.: Искусство, 1971.
- Морозова 2015 – *Морозова О.В., Котельникова Т.М., Королева А.Ю.* Босх, Брейгель, Дюрер. – М.: ОЛМА, 2015.
- Орлицкий 2008 – *Орлицкий Ю.Б.* Эпиграф // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. – М.: Изд. Кулагиной; Intrada, 2008. – С. 306–307.
- Тюркали 1981 – *Тюркали В.* День одиночества: Роман. Пер. с тур. и предисл. К. Беловой. – М.: Прогресс, 1981.
- Фиш 1968 – *Фиш Р.* Назым Хикмет. – М.: Молодая Гвардия, 1968.
- Hikmet 1968 – *Hikmet, Nazım.* Bütün eserleri. C. 1, Şiirler 1916–1951. – Sofya, 1968.
- Kurdakul 1992 – *Kurdakul, Şükran.* Çağdaş Türk Edebiyatı. Cumhuriyet Dönemi. – Ankara-İst.: Bilgi, 1992. – С. 3–4.
- Moran 2012 – *Moran, Berna.* Türk Romanına Eleştirel Bir Bakış 2. Sabahattin Ali'den Yusuf Atılgan'a. – İst.: İletişim, 2012.
- Moran 2012a – *Moran, Berna.* Türk Romanına Eleştirel Bir Bakış 3. Sevgi Soysal'dan Bilge Karasu'ya. – İst.: İletişim, 2012.
- Nacı 1976 – *Nacı, Fethi.* Edebiyat Yazıları. – İst.: Gerçek, 1976.
- Necatigil 1964 – *Necatigil, Behçet.* Edebiyatımızda İsimler Sözlüğü. – İst.: Varlık, 1964.
- Necatigil 1979 – *Necatigil, Behçet.* Edebiyatımızda Eserler Sözlüğü. – İst.: Varlık, 1979.
- Özkırımlı 2004 – *Özkırımlı, Atilla.* Türk Edebiyatı Tarihi. Cilt I-II. Ansiklopedik. – Ank.: İnkılâp, 2004.
- Türkali 1975 – *Türkali, Vedat.* Bir gün tek başına. – İst.: Cem Yay. 1975.
- Türk 1977 – *Türk Dili ve Edebiyatı Ansiklopedisi.* – İst.: Dergâh, 1977. – C.1.
- Yalçın 2005 – *Yalçın, Alemdar.* Siyasal ve Sosyal Değişmeler Açısından Cumhuriyet Dönemi Çağdaş Türk Romanı 1946-2000. – Ank.: Akçağ, 2005.
- Yavuz 2013 – *Yavuz, Hilmi.* Edebiyat ve Sanat Üzerine Yazılar. – İst.: YKY, 2013.
- Yeni Türk 2006 – *Yeni Türk Edebiyatı. El kitabı (1839–2000) / Ed. Ramazan Korkmaz.* – Ank.: Grafiker, 2006.
- habertürk – <http://www.haberturk.com/kultur-sanat/haber/1289531-vedat-turkalinizim-hikmetin-gomlegiyle-sag-eli-havada-gulumseyerek-poz-vermisti> (дата обращения 20.01.2018).
- novostink.ru/mir/30315 – <http://novostink.ru/mir/30315-tureckiy-deputat-ubiyca-dinka-gosudarstvo.html> (дата обращения 20.01.2018).

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению приема скрытого эпитафия в романе турецкого писателя Ведата Тюркали «День одиночества». Авторы считают, что данный прием был использован в вербальном (стихи Назыма Хикмета) и визуальном (картина Питера Брейгеля) контекстах.

Ключевые слова

Ведат Тюркали, «День одиночества», скрытый эпитафия, Назым Хикмет, Питер Брейгель

Сведения об авторах

Образцов Алексей Васильевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры тюркской филологии Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета, доцент Департамента Востоковедения и африканистики НИУ ВШЭ в СПб; e-mail: 0708ural@mail.ru

Сулейманова Алия Сократовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры тюркской филологии Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета; e-mail: suleymanova2001@mail.ru

Aleksey Obratsov, Aliya Suleymanova

Hidden epigraphs in a novel by Vedat Türkali

Summary

The article considers a literary device of a hidden epigraph as presented in the novel by the Turkish writer Vedat Türkali «A Day Alone». The authors believe that this device is used in verbal (Nazım Hikme's verses) and visual (Pieter Bruegel's picture) contexts.

Key words

Vedat Türkali, «A Day Alone», hidden epigraph, Nazım Hikmet, Peter Bruegel

Information about the authors

Aleksey Obratsov – PhD in Philology, Associate Professor at the Department of Turkic Philology, Faculty of Asian and African Studies, Saint Petersburg State University, Associate Professor at the National Research University Higher School of Economics; e-mail: 0708ural@mail.ru

Aliya Suleymanova – PhD in Philology, Associate Professor at the Department of Turkic Philology, Faculty of Asian and African Studies, Saint Petersburg State University; e-mail: suleymanova2001@mail.ru

А.И. Пылев

**УЗБЕКСКИЙ ПИСАТЕЛЬ И УЧЁНЫЙ
АБДУРАУФ ФИТРАТ (1885–1938)
КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ТЮРКСКОГО СУФИЗМА
И СУФИЙСКОЙ ПОЭЗИИ**

Абдурауф Фитрат (1885–1938) – выдающийся узбекский писатель-просветитель, поэт и драматург, историк и филолог, крупный представитель среднеазиатского «джадидизма», революционер и государственный деятель Бухарской Народной Советской Республики (1920–1924). Наряду с художественными произведениями, в которых писатель отстаивал идеи европейского просвещения, светской культуры и строительства в полуфеодальной Средней Азии начала XX в. нового общества, Фитрат является автором трактатов и статей о новом узбекском литературном языке, о ранне-средневековых тюркских литературных памятниках и об отдельных выдающихся тюркских поэтах прошлого.

Получив религиозное образование в Бухаре, Фитрат, в результате своих духовных поисков и ища область применения своим способностям литератора и публициста, примкнул к движению «джадидизма» («младобухарцев»). Программой этого общества было осуществление всесторонних социальных реформ в Бухарском эмирате, без покушения на основы самого монархического строя. Получив от джадидов средства для продолжения обучения в Турции, он в 1909–1913 гг. обучался в Стамбульском университете, где стал свидетелем успешного развития революционных идей «младотурок», направленных против господствовавшей ранее в Османской империи абсолютной монархии. Именно в Турции Фитрат «оформился как писатель нового направления» [Кор-Оглы 1968: 129]. Его художественно-

публицистические произведения «Диспут» (Мунозара) и «Сообщения индийского путешественника» (Баёноти сайёхи хинди), написанные на языке фарси и изданные после возвращения автора в Бухару в 1913 г., стали новыми программными трудами «джадидизма». В них Фитрат выступает за модернизацию системы обучения и за экономические преобразования в пользу местных деловых кругов, национальной буржуазии, которую он призывает «к объединению капитала и большей деловой активности ради прогресса и спасения родины» [Кор-Оглы 1968: 130].

После 1917 г. Фитрат, вместе с единомышленниками-«джадидами», создает первую в Узбекистане литературную организацию «Чагатайская группа» (Чиғатой гурунги). Это литературно-образовательное общество первоначально занималось главным образом вопросами языка, орфографии и литературы [Маджиди 1935: 14], но затем, после революции 1920 г. в Бухарском эмирате, стало обращаться к вопросам новой общественной и государственной идеологии. В 1921 г. Фитрат и другие члены общества, поэты Чолпан, Бату и Эльбек, издали сборник своих стихов под названием «Молодые узбекские поэты» [Маджиди 1935: 15]. Некоторые стихи этого сборника, в иносказательной форме отражающие ожидание поэтами перемен в общественной жизни, написаны с использованием традиционных суфийских образов (стихотворения Фитрата «К звезде» (Миррих) и «Утешение»).

Абдурауф Фитрат признается одним из основоположников новой узбекской драматургии. Первой его пьесой, написанной в 1918 г., была «Гробница Тимура» (Темур сағанаси). В этой, и многих последующих пьесах, написанных в 1920-е гг., Фитрат поднимал вопросы освобождения народов Востока от колониального порабощения и строительства нового общества. Такими были пьесы «Повстанцы Индии» (Ҳинд ихтилолчилари), «Арслан», «Абульфайзи-хан», «Огузхан» и др. [Маджиди 1935: 17; Турсунов 1963: 35, 60–62, 71]. Социальное обновление на Востоке писатель понимал как постепенную эволюцию, прежде всего в результате просвещения народа и правящих классов, отрицая необходимость и неизбежность революционных изменений, в частности, привнесенных Октябрьской революцией в России. Этим он вызвал резкую критику и обвинения в национализме, пантюр-

кизме и панисламизме со стороны узбекских советских литераторов в 1930-е гг. [Там же: 14].

Вместе с тем в ряде своих драматических произведений Фитрат касался вопросов ислама и его влияния на общественную жизнь. В стихотворной пьесе «Дьявол», по-новому осмысливавшей библейскую легенду о сотворении мира, а также в сатире «День страшного суда» автор предстает как активный обличитель реакционного духовенства, выступающий «против догм мусульманской веры» [Кор-Оглы 1968: 130]. Эти и другие его произведения позволили советским критикам считать Фитрата «зачинателем антирелигиозного и антиклерикального направления в узбекской советской литературе» [Там же: 135]. Наряду с произведениями, отрицавшими и высмеивавшими многие представления ислама, Фитрат опубликовал в 1920 г. свою пьесу «Истинная любовь» (Чин суюш). Эта философская драма посвящена «истинной любви» как движущей силе совершенствования личности и общества. Любовь, которую испытывает главный герой пьесы Нуриддин, понимается автором фактически в суфийском духе, она «мистична в своем существе». Говоря словами Нуриддина, «истинные влюбленные живут не самими возлюбленными, а представлениями о них» [Турсунов 1963: 64].

После 1923 г., когда Фитрат оставляет свою политическую деятельность в Бухарской народной советской республике, он переезжает в Москву, где становится профессором Института восточных языков и полностью отдает себя литературной и научной деятельности. Из-под его пера выходит множество работ, посвященных мыслителям мусульманского Востока, в том числе религиозным мистикам (суфиям). Представляется, что к этому его побудил интерес к вопросам религии и её роли в жизни общества, который, как было показано, проявлялся во многих литературных произведениях Фитрата предыдущих лет.

Среди трудов Фитрата о средневековых мыслителях и литераторах следует особо отметить подробную и основательную статью, фактически небольшой трактат, посвященный жизни и творчеству одного из первых тюркских поэтов-мистиков, основателя первого тюркского направления в суфизме (школы, а затем ордена Йасавайя) Ходжи Ахмада Йасави (ум. 1166). Эта ра-

бота Фитрата была опубликована на узбекском языке в журнале «Просвещение и учитель» (Маориф ва ўқитувчи) в 1927 г., а затем перепечатана в ташкентском журнале «Искусство» (Санъат) в 1991 г. (№ 8) с предисловием современного узбекского критика С. Ахмада [Ахмад 1991: 19–20; Фитрат 1991: 20–24]. Следует отметить, что исследователь обращался к вопросам истории среднеазиатского суфизма и в дальнейшем. В частности, в журнале «Научная мысль» (за 1930 г.) он публикует свою статью, посвященную выдающемуся суфийскому поэту Средней Азии Бабарахиму Машрабу (1640–1711), где пишет о прогрессивной роли его творчества и называет поэта «сторонником бедноты» [Маджиди 1935: 17–18]. Но все же самым крупным трудом Фитрата по суфизму и суфийской литературе является его упомянутая работа об Ахмаде Йасави. Эта статья имеет исключительно большое значение для развития филологии и исторической науки в Средней Азии новейшего времени, поскольку является первым научным трудом, непосредственно посвященным среднеазиатскому мусульманскому мистицизму и опирающимся на достижения европейской науки. На этом труде следует остановиться подробнее.

В работе Фитрата излагается биография Йасави, рассказывается об исторической обстановке в Средней Азии XII в., о влиянии Ходжи Ахмада на суфиев и поэтов последующих столетий. Интересны замечания автора по поводу литературных достоинств духовных стихов-«хикматов» Йасави.

В разделе «Литературная ценность (“хикматов”）」 Фитрат приводит данные о том, что Ахмад Йасави, получив первоначальное воспитание у суфия Арслан-Баба в Йасы (ныне г. Туркестан), затем обучался в Бухаре и Самарканде, где «стал учеником и приверженцем одного из лучших богословов и величайших шейхов своего времени, Шейха Йусуфа Хамадани, сделавшись впоследствии его 3-м “халифа”¹» [Фитрат 1991: 24]. Ссылаясь на один из «хикматов», автор утверждает, что Йасави также посещал такие знаменитые центры науки того времени, как Хорасан, Ирак и Сирию. Эти факты позволили Фитрату сделать вывод о том, что Ахмад Йасави, в отличие от народных тюркских, в том числе и суфийских поэтов, «прекрасно усвоил передовые

¹ Заместителем шейха в руководстве суфийским кружком.

науки того времени, литературные нормы и правила» [Фитрат 1991: 24]. Вместе с тем исследователь признаёт, что, сочиняя стихи в народных тюркских формах и силлабическим размером, Йасави придерживался в своем творчестве того самого пути, по которому шли простые поэты из народа, «и у него нет таких тонких метафор, как у Навои, и трагических рыданий в духе персов (персидской поэзии – *А.П.*), как у Бабура» [Там же]. Утверждая, что «хикматы» Йасави «по размеру, типу рифмы и стилю не отличаются от стихов, называемых народной литературой», Фитрат замечает, что «лиризм (букв. «сердечность» – *А.П.*) в “хикматах” выражен слабее», чем в народных сказаниях (дастанах) мусульманского содержания, «хотя по форме, рифме и размерам» эти строфы² идентичны «хикматам», написанным в народной форме «кошма» (четверостишиями с рифмовкой строк по типу АВАВ, СССР, DDDВ и т.д.) [Там же]. Между тем исследователь признаёт, что Ходжа Ахмад Йасави принадлежит к поэтам-лирикам, его произведения не являются только сухими нравоучениями, облеченными в стихотворную форму, «и нельзя сказать, что у него нет искренних, страстных выражений чувств, как, например, в следующем “хикмате”»:

«Сирот, как известно, в этом мире презирают;
Доля скитальцев, как известно, тяжела;
Дело бесприютных странников – это всегда “сулук” (постоянное движение по пути познания Божественной Истины);
Сироты – не живые, они подобны мертвым»³.

*(Етимлар бу жаҳонда хор экандир,
Ғарибларни иши душвор экандир.
Ғарибларнинг иши доим сулукдир,
Тирик эрмас етим, мисли ўлукдир)* [Там же].

Следует отметить, что выводы Фитрата о литературных особенностях и достоинствах «хикматов» Ахмада Йасави сохраняют свою силу и по сей день.

² Фитрат имеет в виду строфы тюркского варианта народного мусульманского дастана «Зайн-ул-араб».

³ Здесь и далее стихотворные отрывки даны в переводе автора настоящей статьи.

Несмотря на вышесказанное, ценность работы Фитрата в целом в наши дни снижают её некоторые устаревшие методологические установки. Следует отметить, что к настоящему времени признан во многом ошибочным взгляд на суфизм, характерный для ряда исследователей XIX – нач. XX вв. и отразившийся в статье узбекского ученого. Мусульманский мистицизм (суфизм) вовсе не был резко выраженным оппозиционным течением, направленным против идеологии арабских колонизаторов, «арийской реакцией» на исламизацию; он, как отмечал русский советский историк-исламовед И.П. Петрушевский, явился результатом развития самого ислама и сложился первоначально в арабской среде [Петрушевский 1966: 317]. Выглядят весьма спорными попытки определить «степень мистицизма» у Ахмада Йасави, иначе говоря, степень его «оппозиционности». Фитрат предполагал, что во всех школах исламского мистицизма (суфизма) существовали разные требования для мистиков, находящихся на разных стадиях пути познания Истины: полная верность «азам» шариата требовалась только от вступающих на «путь» (сулук), но по мере того, как суфий поднимался на более высокие «стоянки» (стадии мистического «пути»), для него постепенно теряли свое значение общепринятые предписания ислама и законы шариата. Однако у Ахмада Йасави, утверждал Фитрат, «эта крайняя степень суфизма не видна или проявляется очень слабо» [Фитрат 1991: 24]. В качестве примера проявления выражения «крайних» суфийских идей Фитрат приводит следующие слова Йасави: «Шариатдир ошиklarнинг афсонаси» («Шариат – это предание (для) влюбленных»). Таким образом, «в глазах мистика шариат – не более, чем легенда (предание). Но таких *проявлений левизны* (курсив мой – А.П.) у Ахмада Йасави в целом немного» [Там же]. Наряду с этим Фитрат указывает, что, как следует из других «хикматов», Ходжа Ахмад верит в «Мирадж» (вознесение Пророка на небо при жизни), в существование рая и ада, устрашает людей муками Судного дня, всегда совершает пятикратный намаз и держит пост. Ахмад Йасави «раскаивается» и при этом «сеет страх и ужас вокруг (среди слушателей)» следующими словами:

«Я достиг зрелого возраста, пропуская время для намаза
и поста <...>

От суровых испытаний Судного дня мой разум в смятении,
Моё тело трепещет при виде моста, называемого “Сират”»⁴.

(Рўза, намоз қазо қилиб бўлдим қоҳил <...>.

Қиёматни шиддатидан ақлим ҳайрон,

Сирот отлиғ кўпруғидан таним ларзон) [Там же].

Приведя эту и другие цитаты из «хикматов», Фитрат делает вывод, что «Ахмад Йасави не приближается к суфийскому толкованию (основных понятий ислама – *А.П.*). Все, что имеется в исламе, он принимает таким, как оно есть. Он не является мистиком высокой степени посвящения, он – аскет (захид)» [Там же].

Поиск Фитратом «левых», оппозиционных исламу, идей у Йасави подвергался критике советскими литераторами еще при его жизни, в 1930-е гг. Однако тогда эта была критика не с научных, а с идеологических позиций того времени. Узбекский советский критик Р. Маджиди писал: «“Изучение литературного наследства” у них (“националистических” писателей, подобных Фитрату – *А.П.*) доходит до того, что они готовы называть мистика Ясави и подобных ему пролетарскими поэтами, сторонниками бедноты» [Маджиди 1935: 17]. Далее Р. Маджиди приводит цитату из рассматриваемой статьи Фитрата, где Ахмад Йасави именуется «отцом нашей литературы», принадлежащим «к угнетенному классу», и «бедняцким поэтом» [Там же: 18]. Отвергая как несостоятельные обвинения Фитрата в национализме, все же следует признать справедливой критику взглядов писателя на суфизм, как на «левое» течение, безусловно оппозиционное нормативному исламу.

В работе Фитрата очень сильно стремление оценить суфийские идеи Йасави с точки зрения их «оппозиционности», пользы или вреда для народных масс. Но это вполне объяснимо: 1920-е гг. были временем строительства новой государственности в Узбекистане, культурной революции, борьбы с «пережитками ислама» и т.д. Несмотря на ряд существенных методологических недостатков, труды Фитрата об Ахмаде Йасави и других поэтах-мис-

⁴ Мост над преисподней, по которому в загробном мире должны пройти умершие.

тиках, сыгравших значительную роль в развитии идейного содержания и образной системы чагатайской (староузбекской) литературы, и сегодня представляют несомненный интерес и достойны внимания исследователей как истории мусульманского мистицизма в Средней Азии, так и классических тюркских литератур.

Литература

- Ахмад 1991 – *Ахмад, Сирожиддин*. Фитрат ва Ясавий // Санъат. – 1991. – № 8. – Б. 19-20 (на узбекском языке).
- Кор-Оглы 1968 – *Кор-Оглы Х.Г.* Узбекская литература. – М., 1968.
- Маджиди 1935 – *Маджиди Р.* Литература Узбекистана // Литература Узбекистана: Сборник / Ред. В. Ермилов, Р. Маджиди. – М., 1935. – С. 9–40.
- Петрушевский 1966 – *Петрушевский И.П.* Ислам в Иране в VII–XV веках: Курс лекций. – Л., 1966.
- Турсунов 1963 – *Турсунов Т.* Формирование социалистического реализма в узбекской драматургии. – Ташкент, 1963.
- Фитрат 1991 – *Фитрат, Абдурауф*. Ахмад Ясавий // Санъат. – 1991, № 8. – Б. 20–24 (на узбекском языке).

Аннотация

Абдурауф Фитрат (1885–1938) – выдающийся узбекский писатель-просветитель, историк и филолог, крупный представитель среднеазиатского «джадидизма», революционер и государственный деятель Бухарской Народной Советской Республики (1920–1924). Наряду с художественными произведениями Фитрат создавал труды о новом узбекском литературном языке и о выдающихся тюркских поэтах и литераторах прошлого.

Среди трудов Фитрата о средневековых литераторах имеется подробная и основательная статья, посвящённая жизни и творчеству одного из первых тюркских поэтов-мистиков Ходжи Ахмада Йасави (ум. 1166). Статья имеет большое значение для развития филологии и исторической науки в Средней Азии, поскольку является первым научным трудом, непосредственно посвящённым среднеазиатскому мусульманскому мистицизму и опирающимся на достижения европейской науки.

В работе Фитрата излагается биография Йасави, рассказывается об исторической обстановке в Средней Азии XII в., о влиянии Ходжи Ахмада на суфиев и поэтов последующих столетий. Несмотря на ряд существенных методологических недостатков, труды Фитрата и сегодня представляют несомненный интерес и достойны внимания исследователей суфизма и суфийской литературы в Средней Азии.

Ключевые слова

Узбекская литература, джадидизм (движение обновления), исламский мистицизм (суфизм), суфийская поэзия, народная тюркская поэзия, поэтические формы

Сведения об авторе

Пылев Алексей Игоревич – кандидат филологических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ); e-mail: pylev_aleksey@mail.ru

Aleksey Pylev

Uzbek Writer and Scholar Abdurauf Fitrat (1885–1938) as a Researcher of Turkic sufism and Sufi Poetry

Summary

Abdurauf Fitrat (1885–1938) was an outstanding Uzbek writer, educator, historian and philologist, a major representative of Central Asian «jadidism», revolutionary and statesman of Bukhara people's Soviet Republic (1920–1924). Along with artistic works, Fitrat created works about the new Uzbek literary language and about outstanding Turkic poets and writers of the past.

Among the works of Fitrat about medieval writers there is a detailed and thorough article devoted to the life and work of one of the first Turkic poets—the mystics Khoja Ahmad Yasavi (d. 1166). The article is of great importance for the development of philology and historical science in Central Asia, as it is the first scientific work directly devoted to the Central Asian Muslim mysticism and based on the achievements of European science.

The work of Fitrat outlines the biography of Yasavi, tells about the historical situation in Central Asia of the XII century, the impact of Khoja Ahmad on Sufis and poets of subsequent centuries. Despite a number of significant methodological shortcomings, the works of Fitrat are still of great interest and deserve the attention of researchers of Sufism and Sufi literature in Central Asia.

Key words

Uzbek literature, jadidism (renewal movement), Islamic mysticism (Sufism), Sufi poetry, Turkish folk poetry, poetic forms

Information about the author

Aleksey Pylev – PhD in Philology, Associate Professor of Saint-Petersburg State University; e-mail: pylev_aleksey@mail.ru

М.М. Репенкова

**СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА
В ТУРЕЦКОЙ БЕЛЛЕТРИСТИКЕ
(на примере романа Джанан Тан «Наручники» 2016)**

В турецкой прозе начала XXI в. всё больше заявляют о себе писатели-беллетристы. Некоторые из них сразу начали создавать произведения с ярко выраженной беллетристической установкой (Т. Киремитчи, К. Башар, Х. Гюндай, З. Ливанели и др.), а некоторые пришли в беллетристику из массовой литературы (А. Умит, Дж. Тан, А. Кулин, И. Арал и др.). Небывалое усиление беллетристической парадигмы на литературном поле страны сопровождается укоренением в беллетристике остросоциальной проблематики, что ранее, в 1940–70-е гг. было характерно для прозы «социального реализма». Беллетристический код последних романов Дж. Тан – «Тоска» (Hasret, 2013), «Пембе и Юсуф» (Pembe ve Yusuf, 2014), «Наручники» (Keleşçe, 2016) – характеризуется постановкой актуальной для современной Турции проблемы – роста насилия над женщиной. Указанная проблема порождает ответную реакцию со стороны женщин, которые пытаются сопротивляться насилию над их личностями. Во вступительной главе к роману писательница приводит статистические данные относительно роста женской преступности в Турции.

Статистика свидетельствует, что процент женских преступлений по сравнению с мужскими весьма низкий – 3%. Но 71% совершенных женщинами преступлений – это убийства. В целом по стране 95% убийств совершают мужчины и только 5% – женщины. Преступления мужчин – это т.н. «традиционные преступления». Мужчина убивает со словами «я должен спасти свою запятнанную честь», «я разозлился», «мне перечили». В противо-

вес этому женщина совершает убийство только в крайних случаях, когда уже больше нет сил терпеть (*bıçak kemiğe dayandı* ‘нож уперся в кость’). Преступления мужчин, как правило, планируются заранее. Женщины же заранее убийства не планируют. Их толкают на преступления очень серьезные причины: всплеск насилия, сильнейший гнев, целый комплекс накопившихся неразрешимых проблем, угрожающих им самим и их детям. В главах романа «Наручники» Дж. Тан показывает, что стоит за сухой статистикой женской преступности, какие человеческие трагедии она в себя вбирает, а также кто является истинным виновником совершаемых женщинами преступлений, часто остающимся на свободе и продолжающим безнаказанно творить зло. Иными словами, автор предлагает своим читателям разобраться в сложной проблеме: кем являются героини романа – преступниками или жертвами преступлений. Разобраться как бы «изнутри» проблемы, чему в немалой степени способствует проникновенное, личностное повествование от первого лица.

Роман «Наручники» построен на рассказах нескольких женщин-заключенных, совершивших тяжкие преступления (убийства). Женщины оказываются в тюрьме нового типа, где отсутствуют камеры в привычном понимании этого слова. Т.н. «камера» героинь представляет собой двухэтажное помещение, разделенное на двенадцать отсеков-комнат. На десяти квадратных метрах каждой комнаты помещается кровать, тумбочка, шкаф, небольшое отделение для ванной и туалета. Если материальные возможности заключенной позволяют, то она приобретает холодильник, телевизор, ковер на пол. Двери комнат не запираются, как не закрывается и общее помещение камеры. Турецкое государство не содержит заключенных. Они либо получают деньги «с воли», либо работают в различных мастерских в тюрьме (например, швейных). Женщины осуществляют ежедневные прогулки в тюремном дворике, полном зелени и цветов. Они с тоской смотрят на небо и мечтают о свободе. Некоторые из них (например, Гонджа) сидят в тюрьме с малолетними детьми до шести лет.

В тюрьмах нового типа отсутствует старшая по камере, т.е. «камерный ага». Тем не менее в описываемой камере функцию старшей негласно выполняет Йетер Абла, с которой сокамерни-

цы делятся своими горькими жизненными историями. Большая часть историй в романе приводится Йетер Абла, но некоторые истории женщины-заключенные рассказывают сами.

Из этих историй выясняется, что большинство женщин убивает мужчин (мужей, знакомых, родственников), не выдержав издевательств (оскорблений, побоев, пьянства, запретов, приставаний) в семье и на работе (Йетер, Султан, Бейза, Эсма). Большинство убивает одного из своих родителей, сопротивляясь семейной деспотии (Илькнур, Мерве). Единицы, стремясь освободиться от гнета семьи, оказываются невольными убийцами своих малолетних детей (Айсель, Зейно).

В романе просматривается четко выраженная авторская позиция: женщины-заключенные в тюрьме ощущают себя более свободными, чем «на свободе». Здесь их не тяготит семейный гнет. Они могут свободно работать, общаться друг с другом и даже отмечать совместно праздники. Совершив убийство насильников – домашних тиранов и самодуров начальников, они словно разрывают оковы, сковывающие им запястья, начинают свою жизнь заново. Пусть даже и в тюрьме, пусть даже и в изоляции от всего остального мира, пусть даже и мечтая о свободе. Поэтому название романа можно трактовать двояко, как наручники на женщинах-убийцах и как метафорические оковы, железные путы, цепи на руках современной женщины-турчанки, которые она непременно стремится разбить и сбросить с себя. Женщины убивают тиранов-насильников, разрывают звенья оков-цепей, сковывающих их руки. После этого они начинают ощущать свободу. Но им надевают на руки наручники, потому что они совершили преступление, убийство, их отвозят в тюрьму. Они несут наказание за совершенное преступление.

Наличие «констатирующей идеологемы» [Чернов 1997: 27] или четкой авторской позиции придаёт произведению определённый дидактический оттенок, порождает повторяющиеся, трафаретные образы – сильная духом «слабая женщина», способная защитить себя и своих детей, пусть даже путем убийства тирана-насильника, и слабый духом «сильный мужчина», который свою силу доказывает издевательствами над слабыми (женой, детьми). Признаки беллетристического кода у Дж. Тан про-

сматриваются не только в повторяющихся типах героев, но и в психологической отточенности их поступков, в «поэтике повседневности», в которую эти герои вписаны (изображается их будничная жизнь – дома, в тюрьме – с фактографической точностью деталей быта: работа, праздники, свидания с родными, ожидание помилования и т.п.), в семантической многоплановости повествования (использование писательницей разных стилистических пластов в одном произведении), в нравственном пафосе и энергии «вечных» вопросов (любви и ненависти, преданности и предательства и т.п.), питаемых национальной классикой конца XIX–XX вв. Умение Дж. Тан балансировать в романах 2010-х гг. между постановкой сложных жизненных проблем и общечеловеческим подходом к их разрешению (женщина такой же человек, как и мужчина; она в праве защищать свою честь и отстаивать чувство собственного достоинства; но она обязана нести наказание за совершенное преступление) ставит под сомнение правомерность отнесения книг писательницы к так называемой турецкой «женской литературе/прозе», на существовании которой настаивают некоторые исследователи, акцентирующие внимание на гендерном восприятии мира авторами-турчанками [Софронова 2016а; Софронова 2016б; Gülendäm 2006; Günaydin 2012; Erden 2011].

Сразу оговоримся, что в современной литературной теории беллетристика и массовая литература рассматриваются как понятия близкие, но не тождественные. С «низовой» массовой словесностью беллетристику роднят занимательность содержания благодаря отклику на важнейшие события истории и современности, пропаганда извечных человеческих ценностей, определённая трафаретность образов и мотивов, стилистическая многоголосица, быстрая потеря актуальности и читательского интереса [Черняк 2009: 140]. В отличие от массовой литературы беллетристика углубляется в психологию личности. Это выражается в интересе писателей-беллетристов к усложнённому внутреннему миру героев и их эволюции. В противовес размытости авторского «я» в массовых произведениях, авторская позиция беллетриста проявляется всегда очень отчётливо (в особой авторской интонации, дидактике, юморе, авторских отступлениях и т.п.).

И всё же беллетристика не дотягивает до литературы «высокой». Беллетристические тексты со свойственной им прямолинейностью и тривиальностью, однозначностью в восприятии мира, с ориентацией на «усреднённое» сознание не дают эстетических открытий, а лишь подтверждают известное. Они не расширяют горизонты человеческого сознания, что является прерогативой литературы «высокой». Беллетристический канон функционирует только для подтверждения уже достигнутого/осмысленного, т.е. культурного опыта читателя. В нём слово – это не более, чем средство воспроизведения событий и характеров. Средство добротное, но лишённое высокого полёта классики. Поэтому беллетристику часто называют «серединным» полем литературы, мидл-литературой [Чуприн 2007: 77].

Повторимся, что повествовательная структура романа (повествование от первого лица) позволяет глубже раскрывать психологизм образов женщин-заключенных. Йетер Абла рассказывает о себе сама. Йетер выросла в многодетной семье. Ей дали имя Йетер (в переводе с турецкого «хватит», «достаточно») из-за того, что она была шестой девочкой в семье: «А какое еще могли бы дать имя шестому ребенку-девочке, кроме этого? Ну не Мюжде («радостная/счастливая весть») же?» [Тап 2016: 188]. Отец Йетер был человеком жестоким. Он бил мать и детей. Часто пил. Йетер привыкла с детства к грубости и издевательствам отца. Но, влюбившись в Али, убежала из отчего дома, не раздумывая. Однако Али отказался на ней жениться, хотя и обещал. «Он накинул на чистое, невинное лицо своей любви черное одеяло стыда» [Ibid.: 191], стыда перед людьми за побег Йетер от родителей. С каждым годом он становился все больше похожим на ее отца, даже издевательства его становились еще более изощренными, чем у отца. Каждую ночь застолья и друзья, а утром побои и брань. «И словно я снова оказалась вместе с отцом. Но теперь еще более безжалостным, мстительным... Снова пьянки-гулянки, к тому же каждую ночь! Застолья, длящиеся до самого утра, постоянные унижения, постоянные побои... Выросли руки у Али! Ох, как выросли! Стали черными, огромными, как отцовские» [Ibid.: 192]. Родились двое детей – Пакизе и Мемош. Запастья Йетер оказались словно закованными в цепи. С каждым

днем цепи оков становились все более тяжелыми. Она уже не могла двигаться. В тот роковой вечер муж пришел домой со своим дружком-собутыльником Нури. Приказал ей сесть с ними за стол, хотя раньше не разрешал ей есть за общим столом. Дружок бросал на нее наглые, похотливые, «масленные» взгляды. Али как будто получал от этого удовольствие. Все поведение Али подчеркивало его отношение к Йетер – «падшей» женщине, женщине «легкого поведения». Потом Али попытался заставить Пакизе пить водку. Девочка, сопротивляясь, случайно разбила бутылку. Отец набросился на дочь с кулаками. Йетер казалось, что оковы полностью сковали её. Она уже не могла дышать. Она взяла нож для резки хлеба и начала им ударять по цепям. Одно звено за другим спадало с нее. Наконец, она разбила цепи, глубоко вздохнула. Вокруг все было в крови. Нури сидел на стуле и старался заслониться руками от ножа, в его глазах был ужас. Беззвучно плакала Пакизе. Бездыханный Али лежал на полу. Йетер была теперь свободна, ей стало легче. В суде она пыталась объяснить, что она не убивала, а лишь сбросила с себя оковы. Её послали на психиатрическую экспертизу, признали вменяемой, посадили на 16 лет, 4 из которых она отсидела. Дети Йетер теперь живут с ее старшей сестрой, приходят к ней в тюрьму на свидания.

Убила мужа и Султан, которая рассказывает о себе Йетер Абла. Султан жила в одном из отдаленных городков на востоке страны, где нормы адата и шариата по-прежнему являлись нормами жизни. В семье Султан, помимо нее, было еще четыре старших брата. Девочка выросла под гнетом отца и братьев. Она очень любила учиться, но мужчины семьи позволили ей закончить только среднюю школу. Как она ни упрашивала родных, как ни плакала, запершись в своей комнате, в школу ее больше не пустили. В 16 лет ее выдали замуж за учителя Метина. Он оказался хорошим человеком. Жили молодые дружно, вместе читали книги, вместе воспитывали дочь Назлы. Однако, когда Назлы исполнилось 5 лет, Метин умер от сердечной недостаточности. Султан осталась молодой вдовой. Родственники Султан не желали мириться с тем, что она живет с дочерью одна: «Моя семья-деспот не замедлила с тем, чтобы вновь овладеть моей

жизнью» [Ibid.: 44]. Женщине пришлось вернуться в дом отца. Теперь ей нельзя было смеяться, носить открытые платья, выходить на улицу. Все это было запрещено (*haram* – запрещено, не дозволено по мусульманским законам). «Кроме того, ты не можешь говорить то, что думаешь, не можешь себя защитить, не можешь вести себя так, как тебе хочется. Даже решения, связанные с тобой, принимают другие. Хочешь не хочешь, но ты вынуждена с этим соглашаться» [Ibid.]. Семья нашла ей второго мужа – лавочника с рынка Ильяса. Он недавно развёлся с женой, по его словам, из-за бездетности последней. Однако, как выяснилось позже, бездетным оказался он сам. Султан согласилась на это замужество только потому, что хотела спасти себя и свою дочь от семейного гнета. Однажды один из братьев, с которым у Султан были наиболее хорошие отношения, ударил ее маленькую дочь из-за того, что малышка разбила стакан. Ильяс же обещал проявлять к жене и ее дочери хорошее отношение, а главное – дать возможность Назлы получить образование. Однако обещания остались лишь на словах. После окончания восьмого класса Ильяс запретил Назлы ходить в школу. Девочка целыми днями сидела дома, в четырех стенах. Ни друзей, ни интересов у нее не было. Одни запреты. Зато муж вдруг предоставил странную свободу Султан: она могла свободно выходить на улицу, ходить по магазинам и даже начала работать сиделкой в соседнем доме. Теперь Ильяс на работе показывался редко, бывало так, что и неделями в лавку не заглядывал, все дела оставил на двоюродного брата. Муж покупал жене и падчерице подарки. В целом жизнь, по мнению Султан, начала налаживаться. Но в один из дней Султан вернулась с работы раньше обычного и застала мужа в постели с дочерью. Девушка плакала, умоляла отца оставить ее в покое. Султан, не помня себя, схватила совок для мангала и начала бить им по голове Ильяса. Она била до тех пор, пока корчащееся от боли отвратительное мужское тело не стало бездвижным. Султан подвела итог сказанному: «Я очистила свою совесть! Он это заслужил» [Ibid.: 44].

В некоторых женских историях рассказывается о том, как матери вместе с детьми сопротивлялись совместно деспотии мужа/отца. Не выдержав постоянных издевательств над матерью,

16-летний подросток Кадир избил отца-пьяницу. Утром, прорезвав, отец пошел в полицию и написал заявление о совершенном над ним насилии со стороны жены Нимет и сына Кадира. Нимет и Кадир оказались за решеткой. Парень попал в тюрьму для несовершеннолетних преступников, а его мать – в женскую тюрьму нового типа. Их отец на радостях от полученной моральной компенсации крепко напился.

Ужасной по своей жестокости оказывается история Эсмы и ее детей, о которой она поведала Йетер Абла. Эсму выдали замуж насильно в 17 лет. Своего мужа, водителя-дальнобойщика Хайдара, она не любила. Ненависть женщины усиливали его постоянные пьяные дебоши и распутство. Хайдар бил детей (две дочери и сын; старшая ушла жить к мужу) и жену. Эсму спасала лишь любовь к другому человеку, к Нуману, которого она знала и любила долгие годы. С Нуманом были знакомы и дети Эсмы. Он им был ближе, чем родной отец. Однажды Хайдар вернулся из очередного рейса и выпил. Он был очень агрессивен в отношении домашних. Те на следующий день договорились его убить. Когда пьяный отец после ночной гулянки ввалился в дом и набросился на мать, сын Эмир ударил отца по голове тяжелой вазой. Тот упал, потеряв сознание. Родственники, находящиеся в доме, включая старшую дочь и ее мужа, не задумываясь над последствиями, воткнули нож в грудь пьяного дебошира. После чего труп расчленили в ванной, куски тела разложили по сумкам и спрятали в разных местах по окрестностям городка. Руки трупа были выброшены в море. Через какое-то время одну из рук прибило к берегу. Полиция начала расследование, в результате которого вышла на семью убийц. Эсма взяла всю вину на себя, спасая детей и зятя.

Существенно, что во многих трагедиях женщин-заклученных оказываются виноватыми их родители, часто принимающие сторону не собственной дочери, а негодяя-мужа. Такова грустная история Бейзы. Родители Бейзы испытывали просто патологически нездоровую любовь к дочери. Отпустив старшего сына учиться в Америку, они сосредоточили все свое внимание на дочери, не давая ей и шагу ступить без родительского разрешения. Когда она закончила университет, ей позволили учиться

только в магистратуре в Турции. Девушка не могла перечить родителям. В магистратуре она полюбила сокурсника Мехмеда. Но отцу Бейзы этот кандидат в мужа не понравился, поскольку отец Мехмеда пришел просить руки дочери на работу к отцу Бейзы (т.е. нарушил правила приличия и хорошего тона, пришел не домой, а в офис). После университета молодые люди расстались. Бейза начала работать в иностранной компании, продвигалась по карьерной лестнице, в деньгах не нуждалась. Отец Бейзы сам нашел ей жениха – бухгалтера Джевдета, сына своего сослуживца. Бейзе Джевдет не понравился, но родители настояли, и вскоре они поженились. Джевдет первое время был примерным мужем. Через год у молодых родился сын Мерт. Когда ребенку исполнился год, Джевдет заявил, что полюбил другую (молоденькую секретаршу). Бейза приняла решение разойтись с мужем. Родители Бейзы были категорически против этого решения. После развода женщина с сыном переехала на другую квартиру, отдала сына в детский сад. Родители же перестали с ней общаться и помогать ей. Жизнь Бейзы изменилась коренным образом. Теперь она сама принимала все решения. Забирая ребенка по вечерам из детского сада, она общалась с учителями, готовившими воспитанников сада к школе. Все хвалили Мерта. Но особенно его способностями восхищался учитель рисования Эмре – художник, подрабатывающий на подготовительных курсах с детьми. Эмре и Бейза понравились друг другу, начали встречаться. Эмре заговорил о женитьбе. Об их отношениях (через случайно проговорившегося ребенка) узнали родители Бейзы и бывший муж, который заявил, что заберет у нее сына из-за аморального поведения матери. Бейза пыталась объяснить ситуацию своим родителям, но они по-прежнему не желали с ней общаться, предпочитая принять сторону ее бывшего мужа. У Бейзы были друзья – семейная пара Налан и Фехми, которые работали в той же компании, что и героиня. Они сначала трое, а потом и четверо (вместе с Эмре) часто проводили время вместе. Утром в пятницу Бейза пригласила Налан и Фехми к себе на ужин. У нее была потребность поговорить с друзьями и поделиться с ними своими горестями. Мерт, как обычно, проводил конец недели у отца. Бейза была в квартире одна. Вдруг позвонил

Фехми и сказал, что Налан заболела, а он забежит к Бейзе на минуту и передаст ей подарок от жены. Ничего не заподозрившая Бейза согласилась. Вечером Фехми появился в дверях с букетом. Он бесцеремонно зашел в дом, развалился в кресле, потребовал угощений. Фехми нахально заявил, что обманул жену, сказав, что идет к друзьям, поэтому Бейзе никто не поможет в этой ситуации. Фехми откровенно признался, что считает Бейзу распутной женщиной, что раз она имеет отношения с Эмре, то вполне может иметь любовную связь и с ним. Бейза, сопротивляясь приставаниям Фехми, ударила его по голове графином с водой. Тот умер мгновенно. Бейза позвонила Эмре, который пообещал все уладить. Он заплатил одной из бандитских группировок, и те за большие деньги «очистили» квартиру от трупа. Но жена Фехми начала искать мужа, обратилась в полицию. Те проследили телефонные разговоры мужчины и вышли на Бейзу. Эмре предложил бежать по поддельным паспортам в Грецию. Некоторое время беглецы жили на съемной квартире. Бейза очень скучала по сыну. Случайно узнала о болезни матери и решила перед отъездом позвонить ей. Полиция засекала звонок и нашла беглецов. Оба оказались за решеткой. Но через несколько месяцев Эмре выпустили, поскольку он не совершал преступления, только помогал скрываться преступнице. Эмре порвал связи с Бейзой. Родители от нее полностью отказались. Бывший муж по решению суда забрал сына к себе и настроил его против матери, что подтверждали рисунки ребенка, на которых он изображал улыбающихся, держащихся за руки отца и сына, а мать – черным пятном.

Трагичны истории женщин, убивших (вольно или невольно) своих детей-младенцев. Таких женщин остальные осужденные презирают и сторонятся. Как правило, детоубийцы ни с кем не общаются, испытывая по отношению к себе ненависть сокамерниц. 17-летняя Айсель не хотела убивать своего новорожденного сына. Это вышло случайно. А теперь она словно сама умерла вместе с ребенком, потому что назвать подобное существование жизнью невозможно. Только Йетер Абла захотела выслушать ее горькую историю и даже проявила некое сострадание к несчастной. Айсель была нелюбимым ребенком в семье. Она сумела

окончить только начальную школу. В это время ее родители разошлись и ей было уже не до учебы. У каждого из родителей появились новые семьи, и им не было дела до дочери. Часто мать использовала ее как няньку для своих малолетних детей. Айсель находила тепло и понимание только у двоюродной сестры (со стороны матери) Нурай Абла, у которой она частенько оставалась ночевать и к которой потом вовсе переехала жить. Нурай была разведена с мужем. Она вела весьма вольный образ жизни. В ее доме бывали разные мужчины, с которыми она весело проводила время за пьяными застольями. Айсель готовила, мыла посуду и ночи напролет сидела на кухне на табуретке, ожидая распоряжений сестры. Однажды Нурай познакомила Айсель с Нихатом, который пришел к ней в дом вместе со своим родственником Мусой Аби. Нихат проявлял к Айсель знаки внимания, утверждал, что хочет на ней жениться. Молодые начали встречаться. После двух месяцев близких отношений, которым во многом способствовала Нурай, Нихат и Муса перестали приходить. Они словно «испарились». Кроме того, оказалось, что Нихат женат. Через четыре месяца выяснилось, что Айсель беременна. Ее рыдания вызывали у Нурай только смех и издевку. А на что она вообще надеялась, укладываясь в постель с мужчиной? На таких, как она, не женятся. Аборт было делать поздно. Нурай предложила продать ребенка богатой бездетной семье. Но это не получилось. Следующее предложение Нурай было связано с тем, чтобы подбросить ребенка в приют. В одну из ночей мальчик сильно плакал. Это раздражало Нурай. Она ругалась и кричала, что выбросит ребенка. Айсель, не зная, что делать и как спасти сына, зажала ему рот рукой. Он задохнулся. Нурай положила безжизненное тельце в сумку и выбросила в мусорный бак на улице. Но полиция вышла на след убийц и арестовала Айсель.

Другая история матери-детоубийцы связана с психически нездоровой женщиной по имени Зейно. Зейно была родом из восточной провинции. Ее муж Мустафа убил в постели скорпиона. По поверью это являлось плохой приметой, ибо скорпионово племя непременно должно было отомстить семье. Через некоторое время мужа Зейно сбил насмерть грузовик. Женщина, оставшаяся с малолетним ребенком на руках, помешалась от горя.

Ей везде мерещились скорпионы. Свекровь и мать Зейно, чтобы спасти бедняжку, выдали ее замуж за младшего брата Мустафы – Хасана. В Хасане Зейно также видела скорпиона, а рожденного от нового мужа ребенка она приняла за детеныша скорпиона и убила. После убийства она вышла во двор и спокойно начала стирать окровавленную простыню. Йетер Абла, выслушав историю Зейно, настояла на психиатрической экспертизе в отношении этой заключенной. Сокамерницы подтвердили, что у женщины частые галлюцинации, ей везде мерещатся скорпионы. Зейно перевели в тюремную больницу.

Психическое нездоровье стало причиной убийства и в истории с Мерве, которая, убив мать, похоронила ее в собственной квартире. Причиной расстройств психики у Мерве стал сильный стресс, который был вызван разводом родителей. Во время поступления девушки в университет, отец ушел из семьи и вновь женился. Мерве постоянно рыдала, не желая верить в происшедшее. Начались скандалы с матерью, которая старалась выместить на дочери всю накопившуюся горечь. По словам матери, отец ушел к другой из-за Мерве, так как Мерве он ненавидел и хотел ей отомстить. Истерики девушки становились все длительнее и сильнее. Наконец, мать отвела Мерве к психиатру, который поставил ей диагноз «раздвоение личности на почве душевной травмы» и назначил лечение. Мать продолжала издеваться над Мерве, оскорблять ее, давить на психику, называть «сумасшедшей». Чтобы доказать, что она не сумасшедшая, девушка перестала пить таблетки. А в один из очередных приступов злости матери сняла со стены ружье и выстрелила в нее. Спокойно и продуманно купила цемент. Разобрала пол в комнате, положила туда труп и залила цементом. Младшей сестре объявила, что мама надолго уехала к родственникам. Через несколько месяцев соседи пожаловались в полицию на жуткий запах из квартиры сестер. Полиция провела обыск, вскрыла пол и нашла труп. Мерве призналась, что это она убила мать.

Выдвижение в романе Дж. Тан на первый план остросоциальной гендерной проблематики – новое явление для турецкой беллетристической прозы. Неоднозначность женских образов в вопросе того, кем на самом деле являются героини романа –

убийцами или жертвами, придает психологическую глубину повествованию, актуализирует его этическую составляющую: правомерно ли преступным путем отстаивать свое право на жизнь и свободу, не является ли душевное раскаяние за содеянное более суровым наказанием, чем тюрьма?

Литература

- Софронова 2016а – *Софронова Л.В.* Историческая тема в современной турецкой прозе: традиция и новаторство // Языки и литературы тюркских народов. Международная конференция, посвящённая 180-летию кафедры тюркской филологии Санкт-Петербургского государственного университета / Отв. ред. Н.Н. Телицин, Й.Н. Шен. – СПб.: СПбГУ, 2016. – С. 278–285.
- Софронова 2016б – *Софронова Л.В.* Проблематика турецкой женской прозы начала XXI века: гендерный аспект // Учёные записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. Т. 158, кн. 1. – Казань, 2016. – С. 256–270.
- Чернов 1997 – *Чернов А.В.* Русская беллетристика 20–40-х гг. XIX в. (вопросы генезиса, эстетики и поэтики). – Череповец, ЧГУ, 1997.
- Черняк 2009 – *Черняк М.А.* Массовая литература XX века: учеб. пособие. – М.: Флинта–Наука, 2009.
- Чуприн 2007 – *Чуприн С.И.* Жизнь по понятиям: русская литература сегодня. – М.: Время, 2007.
- Gülendam 2006 – *Gülendam, Ramazan.* Türk Romanında Kadın Kimliği (1946–1960). – Konya: Salkımsöğüt, 2006.
- Günaydın 2012 – *Günaydın, Ayşegül Utku.* Cumhuriyet Öncesi Kadın Yazarların Romanlarında Toplumsal Cinsiyet ve Kimlik Sorunsalı (1877–1923): Doktora tezi. – Ankara, 2012.
- Erden 2011 – *Erden, Aysu.* Türk Edebiyatında Kadın Yazarlar (Kötücülük–Cinsiyet–Erotizm). – İstanbul: Hayal, 2011.
- Tan 2016 – *Tan, Canan.* Keleşçe. – İstanbul: Doğan Kitap, 2016.

Аннотация

В статье на примере романа известной турецкой писательницы Джанан Тан «Наручники» (2016) рассматриваются признаки национальной беллетристической парадигмы, среди которых обращение к остросоциальным темам является доминантным. Гендерная проблематика в романе в сочетании с глубокой психологической мотивировкой образов героинь позволяет говорить о качественно новом этапе в развитии как самой турецкой беллетристики, так и уровня художественного сознания ее представителей.

Ключевые слова

Джанан Тан, роман «Наручники», беллетристический код, «серединое» поле литературы, социальная (гендерная) проблематика

Сведения об авторе

Репенкова Мария Михайловна – доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой тюркской филологии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: mmrepenkova@rambler.ru

Maria Repenkova

Social problematics in Turkish fiction (in the context of Canan Tan's novel «Shackles» 2016)

Summary

The article examines signs of national fictional paradigm through the novel «Shackles» (2016) written by the well-known Turkish writer Canan Tan in which appeal to acute social themes is dominant. Gender problems in the novel, combined with deep psychological motivation of heroine images, allow us to speak about a new stage in the development of both Turkish fiction and the level of artistic consciousness of its representatives.

Key words

Canan Tan, novel «Shackles», fictional code, «middle» field of literature, social (gender) issues

Information about the author

Maria Repenkova – PhD in Philology, Associate Professor, Head of the Department of Turkic Philology at the Institute of Asian and African Studies of Lomonosov Moscow State University; e-mail: mmrepenkova@rambler.ru

**К ВОПРОСУ ФОРМИРОВАНИЯ
НАЦИОНАЛЬНОГО КАНОНА В ТУРЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ:
КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ, МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ,
ВОЗВРАЩЕНИЕ (К) ТРАДИЦИИ**

В последнее время в литературных исследованиях все больше актуализируется внимание к изучению вопроса формирования национального канона, составляющего целостность и сердцевину культурной памяти. Известный литературовед и культуролог Ян Ассман в своем исследовании «Культурная память» подчеркивает, что применение понятия «канон» относительно художественной литературы не только предусматривает формирование незыблемого перечня классических произведений, но и «определяет степень критерия того, что должно считаться прекрасным, великим и значимым» [Assman 1992: 119]. При таком подходе канон превращается в принцип формирования классики, как образца для подражания. Другой не менее авторитетный ученый Гарольд Блум, в свою очередь, в исследовании «Западный канон» подчеркивает эстетическую природу канона, акцентируя внимание на функции переосмысления классического произведения сильным автором, претендующим на вхождение в канон. Писатели нового поколения всегда пребывают под давлением своих предшественников, что отображается в восхищении и опасении влияния, они всегда противостоят писателям-предшественникам [Блум 2007: 36]. В этой ситуации, по выражению Ханса Гюнтера, канон проявляет себя как сильнейший селективный механизм литературы: «С одной стороны, он образует барьеры и противостоит времени, а также грядущим изменениям, с другой – канализирует традицию, выдвигая на первый план одни

элементы и элиминируя другие» [Гюнтер 2000: 282]. Таким образом, еще в 1990-х годах сформировалось два основных подхода к пониманию канона: институционный, сосредоточенный на общественных механизмах продуцирования и передачи канонических списков авторов и текстов, и имплицитный, базирующийся на характеристиках самих авторов, их достижениях. Михаил Гронас назвал их, соответственно, социологическим и аксиологическим подходами [Гронас 2001: 57]. Подытожив теоретические обоснования изучения этого вопроса, М. Ямпольский предложил рассматривать канон как сложную иерархическую структуру: «Канонический текст – это, на мой взгляд, такой текст, который по очевидным причинам перестает принадлежать автору и приобретает определенный онтологический характер. Текст начинает существовать вне времени и обстоятельств своего создания, прикасается к вечному и выходит далеко за пределы индивидуального опыта» [Ямпольский 1998: 16]. Принимая во внимание теоретические аспекты формирования канона в мировой литературе, рассмотрим возникновение этого явления и в турецкой словесности.

Своеобразным итогом литературных поисков турецких писателей XX века стал задекларированный в 2004 году Министром образования Турции Хюсейном Челиком перечень произведений, обязательных для прочтения в высшей школе, получивший название «Сто базовых литературных произведений» (тур. *'100 Temel Eser Listesi'*). Среди всего перечня «Ста базовых литературных произведений» семьдесят три единицы представлены произведениями турецких авторов, а остальные – произведениями классиков европейской литературы, в том числе русской (Н. Гоголь, И. Тургенев, Л. Толстой), а также тюркской (киргизский писатель Дж. Айтматов). Жанровое разнообразие литературных произведений представлено романами, рассказами, драматургическим произведениям, поэзией, сказками, эссеистикой, публицистикой. Целесообразно в контексте нашего исследования остановиться на творчестве турецких писателей-прозаиков, которые вошли в национальный канон. Романский жанр представлен двадцатью пятью писателями, которые писали на турецком языке. Произведения последних перечислены согласно

утвержденному Министерством перечню: 4. М.Ш. Эсендал «Жители поместья Ибрагима Айашлы»; 8. О. Атай «Роман одного ученого»; 9. К. Бильбашар «Джемо»; 10. Р.Н. Гюнтекин «Королек – птичка певчая»; 13. П. Сафа «Девятая палата диспансера»; 14. Ф. Байсал «Последний день»; 23. С. Айверди «Имение Ибрагима-эфенди»; 25. С. Коджагёз «Возвращение десяти тысяч»; 26. Ф. Байкурт «Черепahi»; 27. Р. Ылгаз «Затмение»; 28. С.Ф. Абасыянык «Пропавшего ищут»; 29. Я.К. Караосманоглу «Особняк сдается»; 30. Х.Р. Гюрпынар «Свадьба под звездами»; 31. С. Али «Юсуф из Кууджака»; 32. Т. Бугра «Начальничек»; 34. Х.З. Ушаклыгиль «Голубое и черное»; 36. Дж. Дагджи «Они тоже были людьми»; 39. А.Х. Танпынар «Спокойствие»; 42. С. Сезаи «Приключение»; 44. Х.Э. Адывар «Пальчо и его дочь»; 47. Н. Джумалы «Время табака»; 49. Якуб Кадри «Чужой»; 50. А. Несин «История Яшара Яшамаза»; 51. О. Ханчерлиоглу «Седьмой день»; 52. А. Сайар «Старая лошадь» [100 Temel Eser Genelgesi 2017: 3].

Механизм формирования и моделирования перечня литературных произведений, обязательных для прочтения, вызывает целый ряд вопросов. Известно, что школьная программа достаточно консервативна и главным образом определяется политикой государства на момент формирования списка базовых произведений. Традиционно основу очередного «релиза» перечня обязательных произведений составляют ранее утвержденные, при условии, что они не противоречат идеологическому курсу страны, и вводятся новые, соответствующего контента. В попытке определить национальный канон посредством творчества центральных авторов Х. Челик не придерживается четкого хронологического порядка или эстетического критерия, который, например, в «Западном каноне» Гарольда Блума оказался доминантным. Перечень начинается со сборника выступлений первого президента Турецкой Республики Мустафы Кемала Ататюрка «Речь» («Нутук»), что, несомненно, указывает на приоритетность социально-исторических контекстов. Идеология сыграла значительную роль в формировании литературного канона, который оказался продуктом исключительно классовых, гендерных и национальных интересов. В основе канонизации произведений, а об этом убедительно свидетельствует специфика отобранных

произведений, лежит патриархальный принцип, действующий за счет вытеснения маргинального и применения подхода репрессивности относительно проявления инаковости. Следовательно, творчество писателей, вошедших в перечень, полностью отражает дух эпохи. Как отмечает Г. Блум, «традиция – это не только процесс передачи опыта или милостивого рукопожатия старшими метрами «юнцов», это также конфликт между старым гением и современным вдохновением, наградой в котором есть литературное употребление и канонизация» [Блум 2007: 8]. Неудивительно, что задекларированный список произведений вызвал активную дискуссию в литературных кругах, отобразившуюся на страницах авторитетного турецкого журнала «Варлык». Редакция журнала подготовила пять вопросов, которые были предложены вниманию группы респондентов из тринадцати человек, среди последних были педагоги, литературные критики, писатели и представители Министерства образования, а именно: Абдула Учман (профессор литературы), Ахмет Октай (поэт и журналист), Биляль Зия Текин (преподаватель университета), Эмин Оздемир (литературный критик, издатель), Фейзи Хепчилингирлер (писательница), Фюсун Акатль (литературный критик), Хасан Бюлент Кахраман (литературный критик), Мехмет Г. Доган (литературный критик), Неджат Биринджи (представитель Министерства образования), Семих Гюмюш (журналист), Туран Коч (литературовед), Унсал Оскан (профессор университета), Юсуф Чотуксокен (литератор). Перечень названных вопросов и комментарии респондентов были напечатаны в октябрьском номере журнала «Варлык» за 2004 год. Для полного понимания ситуации обратимся к упомянутому материалу. Учитывая формулировку перечня вопросов, сразу можно понять, насколько проблема канона в пределах рецепции традиции актуальна для современного литературно-критического дискурса Турции. Пропитируем предлагаемые к обсуждению вопросы: «1. Насколько предложенный список отражает динамику развития турецкой литературы и ее интеллектуальный прогресс? 2. Считаете ли вы недостатком этого перечня то обстоятельство, что современные турецкие писатели не были включены? 3. Насколько, на ваш взгляд, предлагаемый список передает специфику канона турец-

кой литературы в контексте традиции национальной литературы? 4. Как этот список воспитывает, обучает и формирует личность ученика/студента? 5. Насколько предлагаемый перечень литературных произведений может быть ориентировочным минимумом, достаточным / необходимым для получения хорошего образования, или, возможно, необходимо поддержать это направление комплексом дисциплин культурно-цивилизационного характера?» [100 Temel Eser Yorumları 2017: 9]. Таким образом, редакция журнала в полном объеме задекларировала свой критический метод и свою систему координат относительно канонического перечня литературных произведений. Произведения в списке и ответы на вопросы демонстрируют: с одной стороны, насколько значимой и влиятельной является кемалистская национальная традиция в Турции даже сейчас, через 75 лет (на момент опроса) после провозглашения Турецкой Республики. Идеологическая составляющая литературных произведений из упомянутого перечня очевидна и указывает на то, что социальный реализм, являясь главным модусом выражения, представляет официальный «литературный канон» Турции [Sagaster 2009: 64]. В этом контексте необходимо обратиться к описанию специфики упомянутой национальной традиции, монолитной идеей которой является кемалистский монолингвистический и монокультурный дискурс, ориентированный на Запад. Медиаторами кемалистских идей и пропагандистами кемалистской идеологии были Якуб Кадри Караосманоглу, Халиде Эдиб Адывар, Решад Нури Гюнтекин и Рефик Халид Карай – писатели, произведения которых были включены в упомянутый перечень. С другой стороны, дискуссия на страницах журнала демонстрирует постепенную модификацию литературного канона в Турции. Все чаще встречаются рассуждения относительно выделения менее двух субканонов, которые отражали бы два основных направления в развитии турецкой словесности дореспубликанского периода и собственно республиканского, или разграничивали бы взгляды писателей левоцентристского и правоцентристского характера. Немецкая исследовательница Б. Сагастер убедительно доказывает, что внесение таких абсолютно противоположных по взглядам и убеждениям писателей, как Назым Хикмет (представитель левого ин-

тернационализма) и Неджип Фазыл Кысакорек (представитель турецкого исламизма и мистицизма) в один список может быть достаточно смелым решением, требующим отдельного комментария [Sagaster 2009: 64]. Эти два писателя, несмотря на различие во взглядах, постоянно находились в оппозиции к представителем кемалистских идей и критиковали эту идеологию. Конечно, с таким выводом можно и не согласиться, поскольку идеологическая составная не должна выступать основным критерием отбора произведений и внесения их в канон.

Примечательно, что другие писатели, например, Нихад Сами Банарлы (не одобрял идею внедрения турецкой языковой реформы) и Самаха Айверди (религиозно-консервативная писательница раннего республиканского периода, которая отчасти автобиографично описывала в своих романах неприглядное прошлое Османской империи), несмотря на сокрушительную критику за свое диссидентство, все же вошли в перечень «100 базовых произведений». Возвращаясь к модели кемалистской идеологии, которая составляет основной ориентир официально утвержденного канона, приведем интересный комментарий литературного критика Хасана Бюлента Кахрамана относительно «формообразующих» задач перечня литературного канона. Его комментарий к четвертому вопросу анкетирования, инициированного журналом «Варлык», более чем убедителен. Проиллюстрируем цитатой: « <...> безусловно, ознакомление с этим перечнем будет полезным и научит чему-то. Однако возникают сомнения, насколько полезным он будет в вопросе формирования личности студента в соответствии с желаемым прототипом. Определение прототипа очевидно – это личность с большой буквы – националист, консерватор, человек высоких моральных ценностей, уважительно относящийся к старшим и любящий младших, человек, посвятивший свою жизнь служению стране и своей отчизне. Но я не думаю, что этого достаточно. Нам нужны, граждане свободные, критически мыслящие индивиды с умеренным диссидентством» [100 Temel Eser Yorumları 2017: 12–13]. При сопоставлении содержания присяги турецкого школьника и комментария Г.Б. Кахрамана просматривается существенное несоответствие предлагаемых концепций. В этом контексте важно проанализи-

ровать текст присяги, введенной в повседневную школьную жизнь еще с 1932 г. министром образования Турции: *‘Türküm, doğruyum, çalışkanım. Yasam küçüklerini korumak, büyüklerini saymak, yurdumu, budunumu özümden çok sevmektir. Ülküm, yükselmek, ileri gitmek. Varlığım Türk varlığına armağan olsun!’*, что в дословном переводе на русский язык звучит так: «Я – турок, честный, прилежный. Мой закон – защищать младших и уважать старших, любить свою страну и народ больше себя. Моим сводом правил всегда было совершенствование и продвижение вперед. Всю свою жизнь я готов посвятить служению идее тюркизма» [100 Temel Eser Yorumları 2017: 13].

Активная дискуссия по вопросу утверждения статуса «Ста базовых произведений» характеризует природу моделирования литературного канона, определяя, насколько важную роль в его формировании играет идеология относительно прерогатив эстетической позиции. Однако пока эстетика не будет восприниматься как маскировка социополитических интересов, стимулы к чтению и литературному творчеству в итоге будут определяться «стремлением достичь свободы и одиночества с целью встречи с великим» [Блум 2007: 597]. Исходя из определения Г. Блума, процитированного выше, принцип отбора по эстетическому критерию оставляет в стороне определение канона как списка книг для обязательного прочтения и актуализирует попытку отыскать единую и универсальную для всех мультикультурную каноническую книгу. В этом смысле определяется значение «высшего канона», проявление которого в турецкой литературе становится возможным после очередного военного переворота 1980 года.

В основе парадигмы «экстраканонической» турецкой литературы исследователи выделяют следующие концепты. Во-первых, названная литература уже по своему определению несет черты маргинального явления, поскольку она развивается независимо от краеугольного кемалистского монолингвистического и монокультурного дискурса, ставя под сомнение определение «единая нация – единая литература». Во-вторых, предлагает широкий мультикультурный спектр литературных тем, форм и языков (речь идет о введении в оборот курдского и армянского языков). Подавляющее большинство «экстраканонических» текстов

издается за счет неправительственных полиграфических центров, число которых в последнее время стремительно растет. Крупнейшими и наиболее влиятельными среди них являются издательства финансовых институтов, к примеру, «Yapı Kredi» и «İş Bankası». Все больше прослеживается тенденция открытия издательств нового образца, что указывает на потребность выстраивания открытого дискуссионного пространства (речь идет об издательствах «Metis Yayınları» и «İletişim Yayınları»). Кроме того, «экстраканоническая» турецкая литература открыта для всех видов экспериментальных форм постмодернистского письма, а краеугольными ее жанрами, пропагандируемыми в течение последних двадцати лет, становятся непопулярные ранее магический реализм и новый исторический роман. Еще одним популярным жанром турецкой литературы, по мнению немецкой исследовательницы Б. Сагастер, оказалась научная фантастика [Sagaster 2009: 69]. Важной особенностью «экстраканонической» литературы является то обстоятельство, что эти тексты преимущественно написаны авторами, не принадлежащими к этническому и/или религиозному большинству. Таких примеров встречается целое множество. Произведения Марио Леви («Не добраться до города» – *Bir Şehre Gidememek*, 1990; «Стамбульская сказка» – *İstanbul Bir Masaldı*, 1997; «Где вы были, когда тихо спускались сумерки?» – *Karanlık Çökerken Neredeydiniz?*, 2009); Муратхана Мунгана («Возвращение» – *Çador*, 2004); «Пятерница» (*Beşpeşe*, 2004 – П. Кюр, Э. Шафак, Дж. Окер, Ф. Улай); Мигирдича Маргосяна («Гявурский квартал» – *Gavur Mahallesi*, 1992); Мехмета Узуна («Язык и роман» – *Ziman û Roman*, 1997; «Цветение граната: размышления о культурном плюрализме» – *Nar çiçekleri. Çokkültürlülük üzerine denemeler*, 1995) пользуются огромной популярностью среди читателей, и их этническая или культурная принадлежность отнюдь не выступает определяющим фактором. Еще одним ярким примером этому может послужить творчество известного крымскотатарского писателя Дж. Дагджи, романы которого были внесены в перечень «100 базовых произведений». Художественное творчество упомянутых писателей несколько противоречит концепции монокультурного кемалистского дискурса, однако

это не умаляет их значимости и популярности среди читателей. Примечательным в этом контексте является и то обстоятельство, что упомянутые писатели создавали свои произведения именно на турецком языке. Таким образом, эти писатели позиционируют себя представителями современной турецкой литературы, а турецкий язык используют как главный в своем творчестве. На основании этого можно сделать вывод, что вхождение мультикультурного фактора в литературоведческий дискурс зависит от степени воплощения в художественных произведениях разнообразного опыта мультикультурных общественно-исторических условий и отношений. Мультикультурализм как литературная тема, по мнению немецкого тюрколога Катарины Дуфт, в турецкой словесности выделяется в отдельное направление уже в 80-е гг. XX в. Предтечей этому служит неоднозначное понимание культурной памяти и определение координат канона литературы нового образца. В рамках дискуссий относительно канона литература становится своеобразным медиумом культурной памяти. Конструирование и попытки воспроизведения культурной памяти актуализировали проблему идентичности. Итак, мультикультурализм не только привлек внимание к этническим группам, но и подготовил пространство для дискуссий о функционировании маргинализованных этнических идентичностей внутри доминантной национальной идеологии в определенной степени репрессивной по отношению к ним. Как следствие, «маргинальность превратилась в беспрецедентный источник творческой энергии» [Esen 2009: 11]. Этой теме, в частности, посвящено исследование Нюкет Эсен под названием «Нургидич Маргосян и Мехмед Узун: опыт культурного плюрализма в Диярбакыре» [Esen 2009: 129].

Вопрос включения произведений современных писателей в литературный канон особым образом актуализировался как в исследованиях турецких литературоведов (серия научных статей Нюкет Эсен, Йылдыз Эджевит), так и зарубежных. Немецкие исследователи современной турецкой литературы вводят отдельный термин для определения творчества выдающихся современных писателей, не вошедших по определенным обстоятельствам в литературный канон. Среди писателей-аутсайдеров или тех,

которые представляют турецкую литературу «экстраканонического» образца, по определению некоторых исследователей (Н. Эсер и Б. Сагастер) оказался и турецкий писатель, нобелевский лауреат Орхан Памук, именно по той причине, что произведения известного во всем мире писателя не вошли в перечень «100 базовых произведений».

Литературное творчество писателя в полном объеме отображает целый спектр новых тенденций в турецкой словесности постмодернистского образца [Esen 2009: 96]. В своих произведениях писатель размышляет над особенностями новой модели турецкой идентичности в контексте смены мировоззренческих парадигм рубежа веков. В турецкой литературно-критической мысли сформировалось неоднозначное отношение к личности Орхана Памука и его произведениям. Международное признание писателя не способствовало абсолютной популярности О. Памука на родине. Представители ультранационалистических кругов неоднократно критиковали писателя за откровенный ориентализм и заигрывание с Западом. Дискуссии о творчестве О. Памука получили новую динамику, как только писатель начал публично комментировать, в частности за рубежом, так называемые «темные пятна» турецкой истории. Речь идет об интервью О. Памука швейцарской газете *Der Tagesanzeiger* (6 февраля 2005), в котором он упомянул убийство одного миллиона армян и тридцати тысяч курдов. Политические комментарии к историческим событиям ознаменовали новый период творчества писателя, определяя новые координаты литературного канона. Романист в многочисленных выступлениях и публикациях подчеркнул акцентирует внимание на мультикультурном аспекте своего творчества, предлагая собственную модель, которую, на наш взгляд, целесообразно охарактеризовать как «интеграция без ассимиляции». Примечательно, что выступление О. Памука во время торжественного открытия Франкфуртской книжной ярмарки-2008, почетными гостями которой были представители турецкой литературы, было посвящено вхождению мультикультурного фактора в литературоведческий дискурс. Вопрос особенностей так называемой литературы «экстраканонического образца», представителем которой можно считать и Орхана Памука, тре-

бует более детального изучения, что станет предметом наших дальнейших исследований.

Немецкая исследовательница Б. Сагастер, анализируя современную турецкую литературу, выделяет еще одну группу писателей, не вошедших в литературный канон, но занимающих особое место в турецкой литературе. Сагастер предлагает определить это направление как литературу «антиканонического образца», которая абсолютно отрицает идеологию кемалистского дискурса [Sagaster 2009: 70]. К упомянутым писателям Б. Сагастер причисляет Юксель Шенлер и Эмине Шенликоглу, Оркуна Учара и Бурака Турне. Активная общественная позиция и просветительская деятельность писательниц Шуле Юксель Шенлер и Эмине Шенликоглу определяется пропагандой религиозных идеалов, в частности, постижением сущности понятия «хидает», которое, согласно исламской традиции, заключается в познании истины. В своих произведениях писательницы акцентируют внимание на религиозных ценностях и осуждают европейский стиль жизни. Произведения Ш. Шенлер и Э. Шенликоглу выходят большими тиражами, ориентированными на женскую аудиторию. Культовым романом Юксель Шенлер стало произведение «Улица покоя» (*'Huzur Sokağı'*), по которому была снята кинолента под названием «Соединенные судьбы» (*'Birleşen Yollar'*), с участием известных актеров Иззета Гюная и Тюркана Шора. Значительной популярностью пользуются и другие романы писательницы: «Хидает» (*'Hidayet'*), «Что с нами случилось?» (*'Bize Ne Oldu'*) и др. Последовательницей идей и взглядов Шуле Шенлер стала адвокат по профессии Демет Тезджан, всенародное признание которой принес биографический роман «Рассказ нашего времени» (*'Bir Çığır Öyküsü'*, 2007). Большой популярностью отмечено творчество Эмине Шенликоглу. Ее романистика известна в консервативных кругах Турции и за пределами страны благодаря многочисленным переводам: «Как вы отважились на расправу?» (*'Bize Nasıl Kıydınız'*, 1988); «И женщины угнетают женщин» (*'Kadınları da Kadınlar Eziyor'*, 1997); «Роза христианства» (*'Hristiyan Gülü'*, 2000); «Мария» (*'Meryem'*, 2002). К упомянутой категории с религиозно маркированной тематикой Б. Сагастер относит и писателей-аутсай-

деров таких жанров, как «триллер» (тур. *gerilim*) и «киберпанк» (тур. *cyberpunk*), исследуя творчество писателей А. Учара и Б. Турны. Роман Б. Турны «Металлическая буря» (*'Metal Firtınası'*, 2004) описывает события предстоящего противостояния между Соединенными Штатами и Турцией, победу в котором одерживает Турция. В романе превалирует стилистика китча с очевидным идеологическим подтекстом, а его популярность среди массового читателя превзошла все ожидания. Примечательно, что своеобразным ответом на популярность литературы «антиканонического» образца стала попытка писателей в очередной раз привлечь внимание читателей к националистическим тенденциям, которые были достаточно актуальны в первые годы республиканского периода. В этом контексте целесообразно обратиться к чрезвычайно популярной книге Тургута Озакмана «Эти безумные турки» (*'Şu Çılgın Türkler'*, 2005). Книга, описывающая чрезвычайно сложные условия послевоенной Турции, когда европейские империалисты предприняли попытку захватить Анатолию, имела большой успех. Так, в течение одного года, уже на декабрь 2006-го, книга была переиздана 338 раз. Т. Озакман получил награды государственного образца ведущих вузов Турции (звание почетного доктора Университета Йедитепе, Университета 19-мая, Османгазийского университета, Эгейского университета, Анкарского университета, Университета имени Сулеймана Демиреля).

Освещение картины современной турецкой литературы в аспекте определения координат канона демонстрирует достаточно противоречивую ситуацию, когда объективный взгляд на мультикультурное прошлое Турции становится возможным за счет представителей «экстраканона», писателей, творчество которых не маркировано определенными идеологическими или религиозными предубеждениями. В частности, сосредоточенность современной турецкой литературы на проблеме идентичности особенно важна для тематических и художественных изменений, которые происходят в последнее время.

Проведенное исследование позволяет сделать определенные выводы. Литературный канон в форме перечня или списка, как отмечает Е. Галета, «имеет не только ретроспективную, но и

перспективную природу, эксплицируя текстопорождающие механизмы, предельно важные как для передачи, так и для создания культурной традиции» [Галета 2015: 159]. Социальная природа канона актуализируется в формировании коллективных культурных идентичностей отдельных сообществ. Среди разных социальных групп особо интересна позиция интеллектуалов, которые могут продуктивно перечитывать, комментировать и истолковывать канон, а также в некотором смысле влиять на процесс формирования национального канона. Дискуссия турецких интеллектуалов вокруг целесообразности включения тех или иных сочинений в список «100 базовых литературных произведений», описанная в предлагаемом исследовании, еще раз подтверждает эту мысль. Как показывает резонанс вокруг описываемой дискуссии, анализируя основные факторы и критерии формирования литературного канона, особое внимание необходимо обращать и на рассмотрение специфики общественных механизмов, в частности, системы образования, книгоиздания, институализации критики в контексте развития и становления национальной литературы. Литературный канон, как показывает проведенное исследование, предусматривает не только точное (ре)цитирование строго определенного перечня текстов, но и постоянное «перепрочитывание» традиции с целью пересмотра и пополнения литературного канона новыми образцами.

Литература

- Блум 2007 – Блум Г. Західний канон: книги на тлі епох. – К.: Факт, 2007.
- Галета 2015 – Галета О. Від антології до онтології. Антологія як спосіб репрезентації української літератури кінця ХІХ – початку ХХІ століття. – К.: Смолоскип, 2015.
- Гронас 2001 – Гронас М. Диссенсус: війна за канон в американській академії 80-х – 90-х років. <http://magazines.russ.ru/inostran/1998/12/iamp.html> (дата обращения 05.03.2017).
- Гюнтер 2000 – Гюнтер Х. Жизненные фазы соцреалистического канона // Соцреалистический канон. – СПб.: Академический проект, 2000. – С. 281–288.
- Ямпольский 1998 – Ямпольский М. Литературный канон и теория сильного автора. <http://magazines.russ.ru/inostran/1998/12/iamp.html> (дата обращения 12.06.2017).

- Belge 2006 – *Belge, Murat*. Türkiye’de Kanon // Kitaplık. – 2006. – № 68. – S. 54–59.
- Esen 2009 – *Esen, Nüket*. Mıgırdıç Margosyan and Mehmed Uzun: Remembering Cultural Pluralizm in Diyarbakır // Turkish Literature and Cultural Memory. – Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2009. – S. 54–65.
- Sagaster 2009 – *Sagaster, Börte*. Canon, Extra-Canon, Anti-Canon: On Literature as a Medium of Cultural Memory in Turkey // Turkish Literature and Cultural Memory. – Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2009. – S. 67–73.
- Parla 2004 – *Parla J.* Edebiyat Kanonları // Kitaplık. – 2004. – № 68. – S. 51–53.
- Türkeş 2001 – *Türkeş, Ömer*. Gündük Bir Edebiyat Kanonu // Modern Türkiye’de Siyasi Düşünce. – İst.: İletişim Yayınları, 2001.
- Uzun 2006 – *Uzun, Mehmed*. Nar Çiçekleri: Çokkültürlük üzerine Deneme. – İst.: İthaki yayınları, 2006.
- Yıldız 2006 – *Yıldız, Ecevit*. Orhan Pamuk’u Okumak / Ecevit Yıldız. – İst.: İletişim yayınları, 2006.
- 100 Temel Eser Yorumları 2017 – 100 Temel Eser Yorumları. <http://www.varlik.com.tr/dergiArsiv.aspx> (дата обращения 15.08.2017).

Аннотация

Статья посвящена изучению проблемы формирования и моделирования национального канона в турецкой литературе. Анализ современной турецкой литературы с точки зрения определения координат канона, сопоставимого с мультикультурными тенденциями, показывает противоречивую ситуацию, когда объективный взгляд на историю Турции стал возможен благодаря произведениям писателей, не вошедших в национальный канон. Необходимость более детального изучения концепта «экстраканон» и «антиканон» в контексте изучения современной турецкой литературы определила актуальность и научную новизну исследования. В рамках дискуссий о каноне литература выступает своеобразным медиумом культурной памяти, а конструирование и попытки воспроизведения культурной памяти актуализирует изучение проблемы национальной идентичности.

Ключевые слова

Литературный канон, культурная память, мультикультурализм, роман, национальная идентичность, традиция

Сведения об авторе

Рог Анна Владимировна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения им. А. Крымского НАН Украины; e-mail: hannavrog@gmail.com

Anna Rog

**Turkish literature canon:
cultural memory, multiculturalism, tradition**

Summary

This article summaries ways and aspects of forming national canon in Turkish literature through the prism of multicultural studies and gives profound analysis of the «100 Basic List of Works» (100 Temel Eser) issued by Turkish Ministry of Education as the «must read list» of literary works. The study reveals the originality of the multicultural narrative works and the question of the definition and modeling of the national canon. The tendency towards rediscovery of the ‘multiculturalism’ as a literary theme gives new perspectives of the research. The very idea of canon presupposes that some books are better or at any rate more canonical than others, but the reasons they are so have nothing to do with social justice, or indeed with spiritual improvement. Because of this we can observe the tendency of forming «extracanon» and «anticanon» works in Turkish literature.

The analysis of the contemporary Turkish literature in terms of determining the coordinates of canon comparable to multicultural trends shows the controversial situation when objective view on the multicultural history of Turkey became possible by means of literary works of non-canonical authors, representatives of the «extra-canon»; writers who are deprived of ideological or religious prejudice. Thus, multiculturalism not only drew attention to ethnic communities, but also prepares a space for discussion on the ethnic identities within the dominant national ideology.

Key words

Literary canon, cultural memory, multiculturalism, novel, national identity

Information about the author

Anna Rog – PhD in Philology, Senior Researcher of the A. Krymsky Institute of Oriental Studies, National Academy of Sciences of Ukraine; e-mail: hannavrog@gmail.com.

А.И. Семина

КЫТ'А НА СТАМБУЛЬСКИХ КИТАБЕ

Кыт'а – жанровая форма турецкой литературы, в XIV–XV вв. заимствованная турецкими поэтами из персидской литературы. *Кыт'а* представляли собой стихотворения-моноримы небольшого объема (от двух до пятнадцати двустушиш-бейтов), как правило, с нерифмованным первым бейтом. Тексты *кыт'а* мы находим в диванах турецких поэтов, в турецких *тезкире*¹, а также на табличках с эпитафическими надписями (китабе), помещенных на различных архитектурных объектах. Исследованию последних и посвящена данная статья.

На данный момент в список китабе Стамбула [Ottoman inscriptions 2016] внесено около 1755 эпитафических надписей, около 700–800 из которых является *кыт'а*. Помимо *кыт'а* среди стамбульских китабе встречаются подписи султанов (турга), аяты Корана, цитаты из хадисов, благопожелания, прозаические упоминания имен меценатов, заложивших здание. Значительная часть записанных на китабе стихотворений представляет собой двустушиш-фарды или отдельные строки (мысра), в единичных случаях встречаются касыды.

¹ *Тезкире* – сборники биографий поэтов, в которых были указаны имя поэта, его поэтический псевдоним, профессия, место рождения, дата смерти, дана общая оценка творчества и приведены отрывки наиболее известных произведений. Яркими примерами турецких *тезкире* являются *тезкире* Сехи (?–1548) «Восемь раев» (1538), Лятифи (?–1582) «*Тезкире* поэтов» (1546), Гюфти (?–1677) «Протокол поэтов» (1661), Белига (?–1729) «Избранные произведения для дополнения к «Избранным поэтам» (1727), Эсрара Деде (?–1797) «Антология поэтов мевлеви» (1797); Шевкята Багдалды (?–1826) «*Тезкире* поэтов» (1814), Эсада Эфенди (?–1848) «Сад умножающих радость» (1835) и др.

Среди *кыт'а*, записанных на стамбульских китабе, нами выявлены *кыт'а* двух видов: *кыт'а* без *тариха* (хронограммы) и *кыт'а* с *тарихом*. Поскольку большинство записанных на китабе Стамбула *кыт'а* содержит в себе хронограмму, остановимся подробнее на *кыт'а* этой группы.

В *тарихах* сочетается описание или упоминание события и указание даты этого события, они выполняют функцию сохранения и передачи информации будущим поколениям. В первую очередь поводом для написания *тарихов* становятся строительство или реставрация социально значимых архитектурных объектов, реже – событие из жизни городских верхов (рождение, свадьба, продвижение по службе или смерть); в ряде случаев созданием *тариха* поэты отмечают событие государственной важности: восшествие на престол султана, рождение шехзаде, военную победу и др.

Число зашифровывают с помощью специальной системы (ebced hesabi): буквам арабского алфавита² соответствуют определенные числовые значения, что представлено в следующей таблице:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	20	30	40	50
elif ا	be ب	cim ج	dal د	he ه	vav و	ze ز	ha ح	tı ط	yâ ي	kef ك	lâm ل	mim م	nun ن
60	70	80	90	100	200	300	400	500	600	700	800	900	1000
sin س	'ayn ع	fe ف	sad ص	kaf ق	ra ر	şın ش	te ت	peltek se ث	hı خ	zel ذ	dad ض	zı ظ	ğayn غ

Существует множество видов хронограмм с различными способами расшифровки дат. Среди *кыт'а-тарихов*, размещенных на стамбульских китабе, нами выявлены все известные виды *та-*

² До 1928 года, когда М.К. Ататюрком была проведена языковая реформа, в ходе которой произошел переход на латиницу, все тексты на османском (старотурецком) языке записывались с помощью модифицированного арабского алфавита.

рихов. Это, в первую очередь, полные *тарихи* – tam tarih. Чтобы вычислить дату, зашифрованную в полных *тарихах*, нужно сложить значения всех букв последнего бейта. Также на стамбульских китабе встречаются *тарихи*, в которых при подсчете даты учитываются только огласованные буквы. В турецкой традиции такие *тарихи* имеют множество названий: *muset* – «с точками», *sevher*, или *gevher* – «драгоценный», *mirassa* – «украшенный драгоценными камнями» и др. Среди зафиксированных на стамбульских китабе *кыт'а-тарихов* есть *тарихи*, в которых учитываются только неогласованные буквы. По-турецки их называют *mühmel* – «из букв без огласовок», *bî-nukât* – «без точек», *sâde* – «простой», *bî-sevher* – «без драгоценностей».

На стамбульских китабе также встречаются «двойные» *тарихи* – *кыт'а-тарихи*, где дата вычисляется посредством деления на два (каждая строка бейта дает искомую дату). Турецкое название таких *тарихов* – *düta*, или *dübala* – «в два раза». Сами поэты чаще всего при обозначении таких *тарихов* называют их не *düta*, или *dübala*, а подписывают как *iki tarih* – «два тариха» или *her beyitte tarih/her misrada tarih* – «тарих в каждом бейте/в каждой строке». На китабе Стамбула зафиксировано также множество *тарихов* «с намеком» – *tamiyeli tarih*, в которых расшифровка даты требует дополнительных вычислений. Сначала нужно получить сумму значений всех букв, а потом вычесть или прибавить определенное число, которое зашифровано в строке или бейте, маркированном словом «*тарих*». Например, в одном из *тарихов* Недима (1681–1730) чтобы вычислить дату, нужно вычесть из общей суммы три – число, которое получается при сложении значений букв слова «вода» (*ab*), на это указывает словосочетание «утекает вода» (*ab-ı cârîsi*). В одном из *тарихов* Сейида Вехби (?–1736) при подсчете даты к сумме, которая получается в результате сложения значений всех букв, нужно добавить единицу, на что указывает выражение «понадобилась еще единица» (*Geldi bir leb-teşne*) в первой строке последнего бейта. В *кыт'а-тарихе* неизвестного нам поэта Мухтара читаем: «Возвел Мухтар, обладатель мудрости, *тарих*, и сделал (добавил) один» (*Tarihini etdi ... bir*), что означает, что к получившейся сумме значений букв нужно прибавить единицу.

Помимо подсказок относительно способов вычисления иско-
мой даты, поэты помещали в текст стихотворения (как правило,
в последний бейт) название типа *тариха*. Например, в *кыт'а-та-
рихе* Хайри (XIX в.), расположенном над входом в школу Хайрийе
Султан в районе Бейкоз, в двух последних бейтах читаем:

Я, Хайри, написал **тарих бейтом без огласовок**
(жирный шрифт мой – А.С.):
Пусть будет душе рай местом отдыха.

Построила эту школу Хайрийе ханым-султан,
Постоянно молятся за покойную перед Богом
[Ottoman inscriptions 2016: 1793].

В *кыт'а-тарихе* поэта Зивера (?–1862), помещенной над вхо-
дом в Управление делами стамбульского района Фатих, мы ви-
дим:

Сказал раб-Зивер **тарих-хранитель сокровищ:**
Шах справедливости построил это здание для несения
караула [Ottoman inscriptions 2016: 2883].

В предпоследнем бейте *кыт'а*, помещенной на стену мувак-
кытхане³ при мечети Нусретийе в районе Бейоглу, Кечеджизаде
Иззет Молла (1786–1829) пишет, что в каждой строке последне-
го бейта он зашифровал по одной дате, дополнительно указывая,
что при подсчете нужно учитывать значения только огласован-
ных букв:

Каждый день просит судьба **о двух драгоценных тарихах.**
Если бы знал Иззет ценность этого мира, что [существует]
под солнцем [Ottoman inscriptions 2016: 1913].

Наряду с классификацией *тарихов* по способу вычисления ис-
комой даты, *тарихи* также разделяют на те, в которых дата шиф-

³ *Муваккытхане* – здание, обычно расположенное рядом с мечетью (или в
одном здании с ней), в этом здании нес службу человек, следивший за солнцем
и определявший время намаза.

руется (manen tarih), и те, в которых дата просто указана в последнем бейте после стихотворения словами (lafzen tarih). Иногда поэты помещали в последний бейт стихотворения указания и на эти типы *тарихов*, что значительно облегчало вычисления.

Благодаря обычаю, согласно которому в последнем бейте *тариха* поэт должен был упомянуть слово-маркер «*тарих*» и назвать свой поэтический псевдоним *тахаллус*, таблички-китабе донесли до нас имена своих создателей. Стамбульские китабе хранят имена как знаменитых поэтов, таких как Недим, Сюнбюльзаде Вехби (1719–1809), Кечеджизаде Иззет Молла, Антепли Айни (1766–1837) и др., так и имена их собратьев по перу, не снискавших особой славы: Сади (?–1902/03), Мухтара (?–1910), Бахи (к. XIX в.) и др.

Помимо подписи поэта некоторые китабе сохранили также имена каллиграфов, создавших эскиз надписей. На ряде табличек после текста стихотворения помещена дополнительная строка, в которой указано имя и *тахаллус* каллиграфа. Например, до нас дошли автографы каллиграфа XVI в. Дервиша Мехмеда – «Это написал Дервиш Мехмед» (Ketebehü Dervîş Mehmed), каллиграфов XVIII в., таких как Хаджи Исмаил – «Это написал возносящий молитвы раб эль-Хадж Исмаил, да простятся его прегрешения» (Ketebehu 'abdü'd-dâ'î el-Hâc İsmâ'îl gufîra zünûbehu), Кебеджизаде Мехмед Васфи Эфенди – «Это написал Мехмед Васфы» (Ketebehu Mehmed Vasfî), Исмаил Ага – «Хозяин этой надписи (метки) – глава личной охраны султана Исмаил Ага» (Sâhibü'l-'alâmet ser-destârî-i hâne-i hâssa İsmâ'îl Ağa), Мехмед Эсад эль-Йесари – «Это написал бедный Мехмед Эсад эль-Йесари, да простятся его прегрешения» (Ketebehu el-fakîr Mehmed Es'ad el-Yesârî gufîre zunûbe), Рахим – «Запись грешного и возносящего молитвы Ракима» (Rakamahu el-müznibü'd-dâ'î Râkim), каллиграфов XIX в., таких как Сейид Мустафа Иззет – «Сейид Мустафа Иззет» (Seyyid Mustafâ İzzet), Абдульфеттах – «Плавильщик Абдульфеттах, главный изготовитель подписей при казне султана (методом отливки)» (Harrerehu 'Abdulfettâh ser-sikke-künân-ı Hazîne-i Hassa-i Sâhâne). Двойные подписи – поэта в тексте стихотворения и каллиграфа непосредственно под стихотворением – говорят о том, что китабе представляют собой

сложный феномен, рождающийся при взаимодействии трех видов искусства: литературы, каллиграфии и архитектуры.

Композиция *кыт'а-тарихов* единообразна: поэт прославляет мецената, финансировавшего строительство, описывает обстоятельства закладки или реставрации здания, сопровождая его благопожеланием в адрес покровителя или архитектурного объекта. Панегирик патрону и описание строения могут быть как развернутыми (до нескольких бейтов), так и редуцированными (до одного-двух эпитетов в пределах одного бейта) в зависимости от объема произведения.

Например, в следующей *кыт'а-тарихе* поэта Хюдаи (XVI в.), служившего наставником султана Сулеймана Кануни, приведена история создания архитектурного памятника – моста Сулеймана Кануни в районе Бюйюкчекмедже. Мост был заложен во время правления султана Сулеймана, а после смерти правителя достроен его сыном:

Его превосходительство султан Сулейман, который
Был прекрасным шахом, прошел по мосту в рай.

Он начал строить этот мост, но не закончил.
Возжелал он воды из девятого рая.

Позаботился о нем Господь. Султан Селим
Закончил этот большой деревянный мост.

Сказал тогда Хюдаи тарих:
Построил над водой этот мост добрейший шах Селим
[Ottoman inscriptions 2016: 5430].

Интересно, что в данной *кыт'а* не один, а два воспеваемых патрона – поэт упоминает каждого из султанов-строителей моста: говорится, что султан Сулейман «был прекрасным шахом» и отправился в рай, а султан Селим назван «добрейшим шахом». В данной *кыт'а* Хюдаи делает акцент на описании истории моста, а прославление патронов представлено в усеченном виде.

Приведем еще один пример *кыт'а-тариха*, в которой неизвестный поэт развернуто представляет историю создания архи-

тектурного объекта, – *кыт'а*, помещенную на фронтоне источника Хошнади Уста в стамбульском районе Эйюп:

Ее превосходительство милостивая Эсма Султан, чья слава
велика,

Заказала придворному мастеру Хошнаду источник.

Случился пожар, и пламя полностью уничтожило источник.
Мастер Несим Саба приказал восстановить фонтан.

Это стало причиной усовершенствования [источника]
Пусть Господь сделает его чистым (букв.: святым) как вода.

Год 1258 [Ottoman inscriptions 2016: 3065].

В данной *кыт'а-тарихе* поэт, восхваляя Эсму Султан всего двумя эпитетами – называя ее «милостивой» и говоря, что «ее слава велика», – подробно описывает обстоятельства появления источника и его последующей реставрации.

Несмотря на правило, согласно которому разница между зашифрованной датой и датой, подписанной после *кыт'а-тариха*, не должна превышать пяти, зачастую расхождение между ними оказывается существенным. Такое расхождение мы видим, например, в следующей *кыт'а-тарихе* неизвестного автора, размещенной над входом в мечеть Бешир Ага, которая находится неподалеку от дворца Топкапы:

Этим мысра мы сказали тарих из неогласованных букв:
Сияющую божественным светом мечеть приказал построить
Бешир Ага (1158) [Ottoman inscriptions 2016: 1194].

اثر بر جامع الانوار ياپيردى بشير اغا

(Eser bir câmi'ü'l-'envâr yaptırđ Beşîr Ağa)

= 1+200+200+1+40+70+1+30+1+6+1+200+1+4+200+4+10+200+
1+1=1172

В связи с указанием на то, что нужно считать только значения неогласованных букв («*тарих* из неогласованных букв» – *gaug-i ez-menkût*) при вычислении даты не учитываются значения огла-

сованных букв, однако в таком случае получается дата 1172, которая не соответствует числу, высеченному после стихотворения.

В качестве еще одного примера приведем *кыт'а* Лебиба, вырезанную на источнике Селями Эфенди и посвященную реставрации мечети Фатьмы Хатун в районе Ускюдар. Примечательно, что на данной табличке-китебе год высечен на камне после каждой строки последнего бейта *кыт'а*:

Был чист [душой] покойный Хаджи Мустафа, служивший
заимом⁴.

Год 1176

Он прекрасно обновил эту большую мечеть.

Год 1176 (1762) [Ottoman inscriptions 2016: 714]

Отметим, что, несмотря на подписанный цифрами после каждой строки год, при вычислении сумма значений букв в первой строке дает 1175 год хиджры (1761), а во второй – 1181 год хиджры (1766), причины этого несовпадения неясны.

На практике такие расхождения встречаются крайне часто. Иногда получившееся число вообще не соответствует периоду, к которому историки относят строение на основании документов, хроник и архитектурных особенностей здания. Значительное количество подобных ошибок и несоответствий неудивительно, поскольку задача составления подобной загадки была крайне сложна. Большое количество допустимых каноном незначительных расхождений даты, а также случаев полного несоответствия дат наводит на мысль о том, что на первом месте у поэтов все же стояла художественная ценность стихотворения, а не математическая точность.

Исследование вырезанных на китебе *кыт'а* и – шире – феномена китебе в целом должно стать важным шагом на пути выявления взаимосвязей между такими сферами османской культуры, как литература, архитектура и каллиграфия.

⁴ *Займ* – землевладелец в Османской империи, обладатель земельного надела-зеамета.

Литература

Ottoman inscriptions. – Ottoman inscriptions. <http://www.ottomaninscriptions.com/verse.aspx?ref=list&bid=660&hid=714> (дата обращения: 05.09.2016).

Аннотация

В данной статье предпринимается попытка дать характеристику *кыт'а-тарихов*, записанных на табличках с эпитафическими надписями – китабе, помещенных на различные архитектурные объекты Стамбула. В статье анализируется композиция *кыт'а-тарихов*, а также приводится краткая характеристика основных видов *тариха*.

Ключевые слова

Кыт'а, китабе Стамбула, османские эпитафические надписи, средневековая литература, турецкая литература, тарих

Сведения об авторе

Семина Анастасия Игоревна – магистр востоковедения, выпускница кафедры тюркской филологии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: aisemina@mail.ru

Anastasia Semina

Qita on the qitabes of Istanbul

Summary

This article provides a description of qita-tarikhs written on the qitabe-tablets of Istanbul. The author analyses composition of qita-tarikhs and provides a brief characteristic of different kinds of tarikh.

Key words

Qita, qitabes of Istanbul, Ottoman inscriptions, medieval literature, Turkish literature, tarikh

Information about the author

Anastasia Semina – Post-graduate student of the Department of Turkic Philology, Institute of Asian and African Studies at M.V. Lomonosov Moscow State University; e-mail: aisemina@mail.ru

Л.В. Софронова

О ЦВЕТОВОЙ ДОМИНАНТЕ В ТРИЛОГИИ ИНДЖИ АРАЛ «НОВЫЕ ЛЖИВЫЕ ВРЕМЕНА»

Цвет присутствует и в нашей повседневной жизни, и в искусстве и литературе, он играет важную роль в создании настроения, атмосферы и установлении коммуникации. Часто вынесен и в названия романов – достаточно вспомнить, например, «Белую крепость» (*Beyaz Kale*, 1985), «Черную книгу» (*Kara Kitap*, 1990), «Мое имя Красный» (*Benim Adım Kırmızı*, 1998) Орхана Памука, родоначальника меланхолического постмодернизма в турецкой литературе, по мнению российского литературоведа М.М. Репенковой [Репенкова 2010: 126]. Палитра цветов турецкой писательницы Инджи Арал (род. 1944) иная: зеленый, фиолетовый, шафранно-желтый. Замысел создать «цветную» трилогию у писательницы возник не сразу. Первым, в 1994 году, появился роман под названием «Новые лживые времена» (*Yeni yalan zamanlar*), явившийся ее вторым опытом пробы пера в постмодернистском направлении¹. В 2003 году писательница создает в реалистическом ключе роман «Фиолетовый» (*Mor*), он получает почетную литературную премию Орхана Кемала. Приступая в 2006 году к написанию следующего произведения, получившего название «Шафранно-желтый» (*Safran Sarı*, 2007), Инджи Арал переименовывает роман «Новые лживые времена» в «Зеленый» (*Yeşil*), а его название получает вся трилогия.

По мнению журналистки Ханде Огют, интервьюировавшей Инджи Арал, смысл цветов, использованных в заглавиях, таков: «Вместе с «Шафранно-желтым» тремя цветами вы указываете на

¹ Первое постмодернистское произведение Инджи Арал – «Мертвые самцы птиц» (*Ölü Erkek Kuşlar*, 1991).

три времени. Зеленый – цвет, внушающий доверие; фиолетовый: насколько он является символом феминизма, настолько же цветом удушья. Одновременно с византийской эпохи известен как крайняя степень великолепия и пышности. Желтый же – цвет преходящего, ненадежного, даже символ болезни. Если мы посмотрим на ход развития общественного, политического и личного в трех романах, то увидим, что вера в будущее перекрывается безысходностью» [Öğüt 2007]. Авторское толкование смыслового и эмоционального наполнения этих цветов несколько отличается от общепринятого бытового, выраженного в словах журналистки: «Действие романа «Зеленый» разворачивается в период, когда у власти находится происламская партия. Зеленый символизирует ту атмосферу, это – цвет, содержащий религиозную окраску. Фиолетовый реализуется в различных оттенках внутреннего и внешнего мира, отражающих такие события, как: смерть, самоубийство, преступление, когда в течение суток речь идет о сорокалетней истории семьи, связанной с работой на земле, ее решениях и устремлениях в последний период. Шафранно-желтый заглядывает в мир людей высшего общества, у которых нарушено восприятие действительности. Это мир потерянного поколения, живущего в декорациях богатства, позолоты или на фоне их. Я хотела сделать в желтых тонах ту эпоху, когда распадаются связи между человеком и смыслом, на первый план выходят мелочность, эгоизм, единообразие» [Öğüt 2007].

Завязкой сюжета романа «Зеленый» является приход к власти происламской партии. События происходят в будущем по отношению ко времени написания романа, то есть сразу после 1994 года, впоследствии выясняется, что все рассказанное было сном героя. Создав произведение в русле постмодернизма, Инджи Арал писала, что главной ее целью было показать, что «постмодернистский текст не обязательно должен быть бессодержательным» [Safransari 2007].

Темы, затрагиваемые в повествовании: религия и политика, религия и творчество, показная нравственность, прикрывающая порок, – условно окрашены в символический зеленый тон ислама. Турецкий литературовед Гюльсерен Оздемир в своей статье, посвященной этому роману, дает ему такую характеристику: «В произведении имеются следующие заметные постмодернист-

ские черты: расчлененность текста, ломаные фразы, время от времени отрицание героями своих ролей, взаимопревращения, развитие действия вне причинно-следственных связей, атмосфера протеста, поиска и немного хаоса, привлекательное название, открытое для комментариев, стремление к эклектичности, реализующееся путем предоставления читателю альтернатив в выборе героев и событий, ироничность, переходы к сказочному нарративу и снам» [Özdemir 2007]. Игра с читателем в постмодернистском ключе идет вокруг персоналии автора, выступающего одновременно и героем романа, который читает читатель, и героем создаваемого им текста в канве основного повествования, наблюдается размытость авторского «я», превращение одного героя в другого и слияние их в одной личности автора-героя.

Памятуя о том, что зеленый цвет в названии роман получил уже после публикации, и рассуждая о роли цвета в повествовании, мы можем предположить, что изначально цвет играл роль, поддерживающую основную тему, связанную с властью исламского толка, пронизывая детали обстановки (ковер, кресло, цветы, шторы), предметы одежды и описание внешности (глаза). Примечательно, что в описании главных героев доминируют другие цвета: белый и черный. Лишь в глазах Эды, являющейся для героя по его же ощущениям и раем, и адом, мы видим отблески зеленого наряду с желтым и устало-карим [Aral 2015: 67]. В другом эпизоде герой во сне видит себя в грязной, темно-зеленой воде пытающимся добраться до суши, где стоят девушки, в блестящих сапогах одной из них отражается зеленый цвет воды [Aral 2015: 87–88]. Очевидна проводимая писательницей параллель между тяжелой, мрачной атмосферой исламизации всех сфер жизни общества, описанной в произведении, во многом показной и лживой по своей нравственной сути, и затхлой, стоячей водой.

Таким образом, зеленый цвет, зафиксированный в названии, не довлеет в повествовании, лишь участвует в воссоздании обстановки. Идея же романа из плоскости отношений личности и власти, государственного диктата и творчества трансформируется в тему вечной внутренней борьбы стремлений, желаний, побуждений, чувств, терзаний, сомнений и императивов, раздирающих творческую личность и воплощающихся, в конечном счете, в плодах творческого труда.

В качестве эпиграфов к частям трилогии Инджи Арал выбрала цитаты из романа «Невидимые города» (Görünmez Kentler, 1990 /Le citta invisibili, 1972/) Итало Кальвино (1923–1985), известного журналиста и писателя, одного из самых издаваемых в мире итальянских авторов в 80-е годы, чье творчество было связано с направлением постмодернизма. Весьма показательно, что первый роман предваряет цитата об аде внутри нас и путях, ведущих из него.

Что касается следующего произведения трилогии «Фиолетовый», несомненно, достойного более подробного рассмотрения, то в эпиграфе к нему поднимается тема жизненных основ в широком их понимании, изложенная в притче о прочности моста, зависящей от камней, его составляющих и не существующего без них. Эпиграф задает тон всему повествованию о сорокалетней истории семьи, поместившейся в романное время, ограниченное двадцатью четырьмя часами. Турецкий литературовед Ясемин Альпер, рассматривая в своей статье этот роман с позиций психоанализа, указывает на следующие повествовательные приемы, использованные автором для усиления психологизма повествования: внутренний монолог, поток сознания, анализ внутреннего мира героя [Alper 2015: 25].

Инджи Арал, с одной стороны, продолжает здесь главную тему ее творчества, связанную с женскими судьбами, решаемую в психологическом ключе, с другой стороны, впервые во всей трилогии выступает мужчина в качестве главного героя. По словам автора: «... самым трудным является слом роли мужского начала, либо отход от нее. Потому что взаимное восприятие и обусловленность затрудняют выбор в некоторых случаях, несмотря на изменяющуюся жизнь. В метрополиях можно наблюдать, что подходы расходятся, разделение ролей теряет свою определенность. Происхождение, регион, уровень семейного образования, культурный багаж, средства связи и коммуникации – все влияет на отношения» [Öğüt 2007]. В трилогии писательница поднимает животрепещущую тему трансформации образа жизни людей, сменивших сельскую местность на городскую, показывает, как процессы глобализации, происходящие во всем мире, в том числе в Турции, нивелируют человеческую суть, стирают своеобразие и национальную окраску уклада жиз-

ни, причесывая всех под одну гребенку, навязывая выдуманные шаблонные ценности. В ходе повествования раскрывается, как все факторы городского быта негативно отражаются на традиционных гендерных ролях в турецком обществе, трансформируя их через ложные ожидания и мнимые ценности, дезориентирующие личность и разрушающие семейный очаг. Перед нами предстает трагическая судьба матери с недомолвками и догадками читателя об истинных причинах ее поведения, так как излагается в интерпретации сына, не знающего все подробности и правду обстоятельств, а также история восхождения отца героя из нищеты в средний класс – при этом его сыновья добились еще большего успеха в обществе: Ильхам, старший сын, стал очень богатым предпринимателем, его средний брат Армаган – профессором, но ни одному, ни другому, ни их сестре приобретенный статус в городе и деньги не принесли счастья, душевной гармонии и спокойствия. Распад семьи, созданной на зыбкой основе взаимных компромиссов или чьих-то тайн, приводит к краху всей жизни, ставя человека лицом к лицу со смертью как естественным выходом из нравственного тупика. Кульминацией сюжетной фабулы является убийство Ильхама, главного героя романа, совершенное по заказу его жены, с которой он начал бракоразводный процесс. Убийство как поступок является своеобразным протестом жены против нарушения традиционного уклада жизни, в котором женщина, вышедшая замуж за успешного мужчину, считается уже навсегда вытянувшей свой счастливый билет, а попытка мужа развестись и жениться на другой рассматривается женой как слом традиционных устоев, крах ее жизни, построенной исключительно на семейном предназначении, хотя и не реализованном полностью (в более, чем двадцатилетнем, браке у них не было детей).

Высказываясь о выборе фиолетового цвета для второго романа трилогии, Инджи Арал говорит о близости этого цвета эмоциональному состоянию героев и собственным предпочтениям, а также отмечает: «В книге правит фиолетовое чувство. Там есть взаимный кризис, порожденный отношениями мужчины и женщины, ими спрятанным и сокрытым, страхами быть самими собой. Все удушающе. Символический цвет, связанный с душевными болезнями, тоже фиолетовый» [Alreg 2015: 24]. Фиолетовый в повествовании воспринимается как предвестник смерти и

ее символ, через все произведение насквозь проходит фиолетовая нить, визуализируясь в фиолетовом одеянии матери в день ее смерти (самоубийства), в самоубийстве подростка, младшего брата Ильхама, не сумевшего жить в маленьком поселке с клеймом сына матери-самоубийцы, в брюках жены, в фиолетовых кругах под глазами учительницы, в которую юный герой был влюблен, в цвете век умирающего больного, всполохах огней дискотеки, окрасивших одежду любовницы Ильхама в фиолетовый цвет. Он создает особое настроение, пронизывая описание природы и окружающего мира: фиолетовые цветки бугенвиллии, петуний, силуэты людей на фоне палящего солнца и само солнце оранжево-фиолетовое, горы на рассвете, фиолетовые дыры в небе. Причем, сам цвет богат разными оттенками: «*menkeşe mor*» ‘фиалково-фиолетовый’, «*mavimsi mor*» ‘голубовато-фиолетовый’, «*turunçu mor*» ‘оранжево-фиолетовый’, «*kızıl mavi mor*» ‘красно-сине-фиолетовый’, «*melankoli koyu mor*» ‘меланхоличный темно-фиолетовый’. Постепенно сгущаясь и контрастируя с другими не столь агрессивными цветами, фиолетовый нагнетает зловещее предчувствие беды. Удушающе фиолетовая атмосфера заполняет пространство и во время разговора Армагана со своей женой Фиген об умирающей любви:

«*Armağan...*” dedi Figen, *inler gibi ve gözleri dolarak*, “*Senin sevgin de acıların da çok sessizdi...*”

“*Sessizlik insanıldır,*” dedi Armağan. “*Sessizlik insanın ayak basılmamış bölgesidir.*”

“*Boğucudur,*” dedi Figen.

“*Evet, bunaltıcı duman, koyu mor bir duygu.*”

“*Alacakaranlık,*” diye ekledi Figen. “*Hatta bazen kapkaranlık...*”

“*Beni bırakma,*” dedi Armağan» [Aral 2015M: 205].

«— Армаган...— сказала Фиген, будто простонав, и глаза ее наполнились слезами. — И твоя любовь, и твои страдания совсем безмолвны.

— Безмолвие человечно, — сказал Армаган, — Безмолвие — область человека, куда не ступала его нога.

— Удушающе, — сказала Фиген.

— Да, изнуряющий дым, темно-фиолетовое чувство.

- Сумерки, – добавила Фиген, – даже где-то полная темнота...
- Не бросай меня, – сказал Армаган.

В «Фиолетовом» наряду со словом «*mor*», непосредственно обозначающим фиолетовый цвет, автор неоднократно и даже избыточно использует созвучное слово «*moruk*» (старикан), которое не является собственно омонимом, но в этом произведении звучит логично, добавляя и сгущая фиолетовые оттенки ассоциативным образом; тем самым подкрепляется и усиливается центральная тема смерти. Аналогичный прием использует Инджи Арал и в следующем романе «Шафранно-желтый», искусственно повышая частотность употребления глагола «*sarilmek*» (кутаться, обматываться, броситься), созвучного желтому цвету, по-турецки «*sari*».

Таким образом, в романе «Фиолетовый» цвет, символизирующий смерть и удушающе тяжелую обстановку, играет роль не только в воссоздании атмосферы, выступая как средство художественной выразительности, но и в развитии действия, сопровождая его движение к кульминации путем сгущения оттенков фиолетового, усиления его контрастности и частотности появления в тексте.

Комментируя в своих интервью историю создания третьего произведения из «цветной» трилогии, Инджи Арал подчеркивала, что хотела написать что-то не о своем поколении, а о современной молодежи, в жизни которой интернет играет важную роль [Safransarı 2007]. Эпиграфом к роману является цитата из того же произведения Итало Кальвино, описывающая дым, который «как кожура охватывает город», блокируя собой и прошлое, и настоящее, и будущее.

Прежде мы встречаемся с желтым цветом в описании дома героя романа Волкана. Изначально Волкан выбрал желтый цвет для своего кабинета и спальни, чтобы как-то разбавить белый, предложенный дизайнером в качестве основного для всего дома. Значит, именно этот цвет из всех был ему ближе по восприятию.

«Ona göre sarı, enerjik, canlandırıcı bir renkti. Ne var ki, bilerek ya da bimeyerek epey koyu kaçmıştı ton. Sarıdan çok metalik bal rengine, safran sarısına yakındı. Önce hoşuna gitmiş, sonra ruh haline

uygun olarak bazen kıskırtıcı bazen de yorucu ve moral bozucu görülmeye başlamıştı gözüne. İlk boyada değiştirecekti» [Aral 2014: 84].

«По его мнению, желтый – энергичный, оживляющий цвет. Не важно, по знанию или незнанию этот тон был лишен глубины. Более, чем к желтому, он ближе к медовому с металлическим блеском, к шафранно-желтому. Сначала он ему понравился, потом начал казаться в зависимости от состояния души иногда провокационным, иногда утомляющим и угнетающим. Он собирался его изменить при первой же перекраске».

Желтый цвет отражается не только в обстановке, одежде, природе, внешности, как мы видели ранее, но и в никах героев, используемых в виртуальных чатах. Содержание этого произведения составляет история любви двух молодых людей, которую дополняют рассказы о жизни других персонажей. Виртуальные имена героев, познакомившихся по интернет-переписке, также окрашены в доминантный цвет: «*Safransarı*» ‘Шафранно-желтый’ (ник Волкана) и «*Sarıbenek*» ‘Желтое пятнышко’ (ник Эйлем). Автор, заложив в произведение цветовой стержень, призванный резонировать с эмоциональным настроением героев и развитием их чувств друг к другу, придает большое значение выбору виртуального имени, наполняя ник и эмоциями, и смыслом, и связывая с дальнейшим развитием фабулы.

Главный герой Волкан, будучи потрясен драматизмом и искренностью высказываний о смысле жизни в виртуальном послании девушки под ником Желтое пятнышко, написал ей ответное письмо под ником Шафранно-желтый.

«Eylem'e seslenmek üzere kendine rumuz seçerken fazla düşünmemişti rengin anlamını nedense ama sonradan bilinçaltımı sık sık yoklamıştı. Duygusal bir seçimdi daha çok. Yumuşak, tatlı bir aydınlık dileği vardı bu sözcükte. Sarının keskin ışığından daha olgun bir imge ve tını» [Aral 2014: 264].

«Когда он выбирал себе ник, чтобы окликнуть Эйлем, почему-то долго не думал о смысле цвета, но потом часто проверял свое подсознание. Это был скорее чувственный выбор. В этом

слове было желание света мягкого и приятного. Более зрелый образ и тембр, чем у резкого желтого света».

В его понимании слово «шафранно-желтый» в нике должно содержать некий посыл и образ, скрывающийся за выдуманном именем, пусть в большей степени желаемый, чем реальный, но таковы законы виртуального жанра:

«Kendi rumuzunu, gözün netliğini sağlayan hassas nokta anlamında kullanıyordu. Onunki ne anlama geliyordu peki, Safran sarısı tatlı bir renkti. Güneşi, zenginliği, toprağın uyanışı ve bereketi temsil ediyor, aydınlık düşüncesiyle buluşuyor, yenilenmeyi, çekiciliği, neşeyi, uyumu, kısacası sıcaklık ve doğurganlığı imliyordu» [Aral 2014: 135–136].

«Он использовал свой ник в значении четкой точки, обеспечивающей остроту зрения. Какой бы смысл не имел его ник, шафранно-желтый – приятный цвет. Он представлял собой солнце, богатство, пробуждение земли, изобилие, сливался с мыслью о светлом, символизировал обновление, привлекательность, веселье, гармонию, короче говоря, теплоту и плодovitость».

Девушка Эйлем (ее имя означает «действие») выбирала себе ник «Желтое пятнышко» в противовес имени, которое ей не соответствовало по духу:

«Eylem, adı yazdıklarıyla bütünleştiğinde soğuk, hafif nevroitik, sürekli reddeden ve karşı çıkan, buna karşın uygusal, her yanıyla dişi, iri yapılı bir kadını çağırıyordu ona. Sokak gösterilerinde ön safta yürüyen, eli bayraklı, yatakta kavgacı ve hırçın bir uyumsuzu. Ne ki bu hayalin en önemli parçaları, renk, ışık, doku, koku eksikti ve resim bir şablondan öteye geçmiyordu.

Sarıbenek adıyla sevimli, sokulgan, uysal, kimsesiz ve korunmaya muhtaç ufak tefek bir kız imajı yaratıyordu. Yarım yamlak bir düşünme gölgeleri arasına serpilmiş tatlı bir umut, kaymakta olan sarı yıldız gibi» [Aral 2014: 229].

«Когда Эйлем сливалась с написанным ею именем, холодная, слегка невротичная, постоянно отвергающая и протестующая пробуждала в ней вопреки всему крепко сложенную женщину с

покладистой женской сутью во всех проявлениях. На уличных демонстрациях шагающую в первых рядах, с флагом, а в постели вздорную, раздражительную, неуживчивую. Однако не хватало самых важных составляющих у этого образа, цвета, света, материи, запаха, он не выходил за рамки нарисованного шаблона.

Но с именем Желтое пятнышко она создавала образ малюсенькой девочки-сироты, милой, послушной, прижимающейся и нуждающейся в защите. Словно желтая скользящая звезда, сладкая надежда, наспех разбрызганная среди теней снов».

Позже появляется шафранно-желтый шарф, выступая как опознавательный знак на первом свидании, наполняется особым смыслом, символизируя духовную близость двух людей, визуализируя установившийся еще виртуально контакт, который превращается в прочную связь после мимолетного обмена взглядами. Перепетии жизни, социальный диссонанс и нравственные убеждения героини, не позволяющие смешать высокое и низкое в своей судьбе, лишают эту любовную историю счастливого конца. Эйлем, будучи по своему призванию поэтессой, пишет следующие строки, понимая, что у ее любви не может быть счастливого продолжения:

*«Akşam kanarken ellerimde
Safran sarısı hüznlerle
Susuyorum bir mühür gibi
Vedasız ayrılığı konuşmayalım diye»* [Aral 2014: 274].

«Когда вечер кровоточит в моих руках,
Я молчу в шафранно-желтой тоске,
будто печать на губах,
Чтобы не говорить о расставании не попрощавшись».

Шафранно-желтый ассоциируется в этих стихах уже с печалью о несбывшейся счастливой любви, символом которой был этот цвет. Ее прощальное письмо подписано новым ником – Шафран. То есть цвет оптимизма превратился в аналог порошкообразной специи, насыщенно желтого цвета, которая легко может быть развеяна ветром, как и сама жизнь героини. Жизненные обстоятельства сломили Эйлем. Приехав из провинции,

оступившись в большом городе, не видя смысла в дальнейшем существовании без любви и без творчества при достигнутой видимой сытости и благополучии, она тонет в море. Волкан видит только прощальный взмах руки, уходящей под темнеющую воду при стремительно гаснущем на небосводе закате:

«O bölgede tekinsiz bir dalgalanma oldu, ışıklı, titrekle sarımsı bir benek yanıp söndü bir an. Sonra kara su yeniden duruldu» [Aral 2014: 277].

«В том месте было будоражащее волнение, мгновение, и светящееся, дрожащее желтоватое пятнышко, загоревшись, погасло. Потом темная вода снова замерла».

Таков был конец истории одного виртуального знакомства и связанного с ним желтого цвета шафранового оттенка, оказавшего вопреки изначальному замыслу и восприятию героев цветом надежды, тепла, любви. Роман заканчивается оптимистичными строками о личном выборе каждого своего пути согласно заложенным внутри жизненным силам.

«Hayat sürüyordu. Yaşamak tek ve tam sayfa bir bilmece değil, içinde sayısız acı ve hikaye barındıran yanardöner bir zardı. İnsanın bakış açısına, seçimlerine ve bilek gücüne göre rengi, şans sayısı durmadan değişen kocaman bir zar» [Aral 2014: 277].

«Жизнь продолжалась. Она – не одностраничная загадка, а мерцающая мембрана, скрывающая внутри себя бесчисленное множество горестей и историй. Это огромная мембрана, цвет которой и число возможностей постоянно меняются в соответствии с углом зрения человека, его выбором и стойкостью».

Из жизни героя Волкана с этой печально закончившейся историей исчез желтый цвет, но не пропала надежда на новую любовь, только уже другого оттенка.

Таким образом, роль цвета в романе и его эмоциональное наполнение не статичны, а изменяются, сопровождая развитие действия и отражая эмоциональное состояние героев, олицетворяя созданные ими виртуальные образы. Оптимистичный характер цветового решения этого романа трансформируется по ходу дей-

ствия в тоску по несбывшимся надеждам. Свет, заключенный в желтом, исчезает, оттенки сгущаются, но в нем появляется глубина, которой изначально он был лишен.

Цвет в трилогии, заявленный в названиях ее составных частей, не только является эффектным приемом, способным привлечь своей оригинальностью читателя, но и пронизывает все повествование, выступая в качестве дополнительного средства художественной выразительности. Его роль в развитии действия динамична, он ситуативно меняет свои оттенки и их интенсивность по ходу действия в зависимости от эмоциональной окраски повествования, приобретает новые нюансы, особо акцентирует кульминацию в структуре произведения, тем самым цвет придает визуально-эмоциональную экспрессию художественному тексту.

Литература

- Репенкова 2010 – *Репенкова М.М.* Вращающиеся зеркала. Постмодернизм в литературе Турции. – М.: Восточная литература, 2010.
- Alper 2015 – *Alper, Yasemin.* İnci Aral'ın Mor Romanına Psikanalitik Açından Bir Bakış // Turkish Studies: Turkish Studies International Periodical for the Languages, Literature and History of Turkish or Turkic. http://www.turkishstudies.net/Makaleler/1504716492_2AlperYasemin-tde-15-38.pdf (дата обращения 20.01.2018).
- Aral 2014 – *Aral, İnci.* Safran Sarı: Yeni yalan zamanlar-3. – İst.: Kırmızı Kedi Yayınevi, 2014. – 277 s.
- Aral 2015M – *Aral, İnci.* Mor: Yeni yalan zamanlar-2. – İst.: Kırmızı Kedi Yayınevi, 2015. – 278 s.
- Aral 2015Y – *Aral, İnci.* Yeşil: Yeni yalan zamanlar-1. – İst.: Kırmızı Kedi Yayınevi, 2015. – 290 s.
- Öğüt 2007 – *Öğüt, Hande.* Safransarı // Varlık Dergisi. http://inci-aral.com/soylesiler/Safran_Sari_1.pdf (дата обращения 20.01.2018).
- Özdemir 2007 – *Özdemir, Gülseren.* Postmodern edebiyatın postmodern bir eleştirisi: Yeni yalan zamanlar I (Yeşil) // I. Uluslararası Türk Dili ve Edebiyatı Sempozyumu. Süleyman Demirel Üniversitesi (23-26 Ekim 2007). http://turkoloji.cu.edu.tr/YENI%20TURK%20EDEBIYATI/gulseren_ozdemir_postmodern_edebiyat_elestiri.pdf (дата обращения 20.01.2018).
- Özdemir 2010 – *Özdemir, Gülseren.* 1980 sonrası toplum problemlerinin İnci Aral'ın romanlarına yansımaları // II. Uluslararası Türk Dili ve Edebiyatı Öğrenci Kongresi Bildiri Kitabı. http://turkoloji.cu.edu.tr/YENI%20TURK%20EDEBIYATI/gulseren_ozdemir_1980_sonrasi_toplum_sorunlari_inci_aral.pdf (дата обращения 20.01.2018).

Safransarı 2007 – *Safransarı, Selim. İleri'den İnci Aral'a beş soru... // Dünya Kitap Eki*. http://inciara.com/soylesiler/Safran_Sari_3.pdf (дата обращения 20.01.2018).

Аннотация

Цвет, заявленный в заглавиях романов трилогии, выступает в качестве средства художественной выразительности и одновременно способствует более полному раскрытию замысла. В статье рассматривается его роль в развитии действия. Прослеживается трансформация смысла, заключенного в нем, от авторской идеи до кульминации действия. Выделяется авторский прием цветовых созвучий. Акцентируются оттенки и интенсивность цвета в поступательном развитии сюжета и образов главных героев.

Ключевые слова

Цветовая доминанта, художественный прием, эмоциональная динамика, трансформация смысла, символ, виртуальный образ

Сведения об авторе

Софронова Лариса Владиславовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры восточных языков Дипломатической академии МИД РФ; e-mail: lvs877@gmail.com

Larisa Sofronova

Colour domination in İnci Aral's trilogy «New Lying Times»

Summary

Colour declared as a title of the novels in İnci Aral's trilogy are a mean of artistic expressiveness, which contributes to a complete disclosure of the author's idea. Its role and meaning symbolized by its transformation in accordance with development of the plot and the main characters. Intensity of the colour and its nuances alter from the beginning to the culmination of the action. It expresses mood of characters and emphasizes atmosphere of the scene. Colours in the trilogy are dynamic, expressive and emotional.

Key words

Dominant colour, artistic technique, emotional dynamics, transformation of meaning, symbol, virtual image

Information about the author

Larisa Sofronova – PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Oriental languages at the Academy of Diplomacy of the Ministry of Foreign Affairs; e-mail: lvs877@gmail.com

Севинч Учгюль

**ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЛИК
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКА
РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В СТАМБУЛЕ «ЗАРНИЦЫ»**

В начале XX в. в Константинополе/Стамбуле, когда волна русских эмигрантов заполнила улицы старинного города, находящегося на стыке Европы и Азии, «белые русские» органично влились и в культурную жизнь турецкой столицы. В частности, при их участии были изданы многие газеты и журналы, в которых многосторонне отражалась жизнь разных слоев русской эмиграции. Еженедельный общественно-политический альманах «Зарницы», выходящий в Стамбуле и Софии в течение девяти месяцев 1921 г. (всего 26 номеров), являлся одним из таких печатных органов.

Основной целью альманаха было поддержание патриотического духа русских, оказавшихся по воле судьбы на чужбине. Главным образом в нем публиковались сообщения и статьи, предоставлявшие информацию о социальной, бытовой, экономической и политической деятельности русских эмигрантов. Кроме того, в «Зарницах» печатались критико-литературные, публицистические (критические статьи, рецензии на новые книги, обзоры литературных изданий, анализ произведений молодых поэтов), и художественные произведения русской литературы, известных русских деятелей культуры конца XIX – начала XX вв. (поэтов, прозаиков, критиков), оставшихся в большевицкой России (Николай Гумилев, Александр Блок, Максимилиан Волошин, Илья Эренбург и др.) и эмигрировавших из страны, в частности в Стамбул (Аркадий Аверченко, Евгений Чириков, Илья Сургучёв, Валентин Горянский, В. Шульгин, Вл. Ленский и др.). Кроме

указанных авторов на страницах журнала можно было встретить и малоизвестные имена (Александр Федоров, Валерий Левицкий, В. Даватц, С. Сарматов, В. Вязьмитинов, Борис Лазаревский, Н. Наядин, П. Соколов, Сергей Кречетов, В. Девитский, Сергей Войцеховский и др.). Отдельные авторы печатались под псевдонимами. Например, наиболее часто публикуемый в альманахе Аркадий Аверченко пользовался своим известным псевдонимом «Медуза Горгона», по которому он был легко узнаваем читателями. А В. Даватц, которого знали в кругах русской эмиграции как «галлиполийца», использовал псевдоним «Историк». Некоторые псевдонимы, которыми подписывались произведения в альманахе, трудно соотносимы с фамилиями авторов, и они до сих пор остаются загадкой для исследователей. Эмигрантское творчество каждого из упомянутого нами авторов альманаха может стать предметом отдельного, обширного исследования. Мы же в данной статье сделаем лишь краткий обзор их произведений.

Самым популярным автором, чьи произведения встречались почти в каждом номере, был Аркадий Аверченко, который пребывал в Стамбуле с ноября 1920 г. по 13 апреля 1922 г. К сожалению, этот период жизни писателя мало отражен в литературных источниках несмотря на то, что указанные годы были очень плодотворными в творческой биографии сатирика. В «Зарницах» он публиковал прозаические произведения малых жанров, среди которых были рассказы и фельетоны. Особенно запомнился читателям его цикл сатирических рассказов под метафорическим названием «Пауки в банке», раскрывающий жизнь русской эмиграции в Стамбуле во всей ее трагикомической безысходности. Особой популярностью пользовались его острокритические рассказы о жизни в Советской России. Деятельность Советов критиковалась язвительно с использованием гипербол и гротеска: «Советская газета “Маховик” страдальчески, со стонами – рассказывает, как нынче испортились рабочие: “Мастерская завода. – Митинг. Оратор, обрисовывая настроение страны, произносит фразу:

– Мы на краю гибели.

Возгласы с мест:

– Давно пора!

– Поэтому всех не топливный фронт! Сам иди!
– Товарищи! – надывается оратор. – Вон! Долой коммунистов!»

Настало время, когда рабочие при виде большевистских агитаторов хватаются только за голову и плачут. <...> И желая забыть от всех этих опротивевших “товарищей” и “все на топливный фронт” – бежит бедный рабочий в беспартийный кинематограф» [Аверченко 1921: 19–20].

Беллетрист и драматург Илья Сургучев также был популярным автором альманаха «Зарницы». Он известен своими очерками из военного лагеря Галлиполи. Наряду с жизнью русской армии в новых условиях эмиграции в его рассказах ярко и красочно изображалась жизнь крупного турецкого города – исторические памятники, повседневная бытовая жизнь жителей разных национальностей (рассказы и очерки «Золотая бритва», «Чудеса Константинополя», «Купцы», «Люди», «Перелетные птицы» и др., пьеса в четырех актах «На реках Вавилонских»).

Прозаическую составляющую альманаха дополняла стихотворная. Поскольку основной целью журнала являлась поддержка патриотического духа армии и эмигрантов, в первом номере 1921 г. было опубликовано стихотворение Максимилиана Волошина «Закрытие о русской земле». В третьем номере вышло его же стихотворение «Китеж». В восемнадцатом номере стихотворение Ильи Эренбурга «Молитва о России», в двадцатом – «Стихи о победе», а в двадцать первом номере было опубликовано «Возвращение». Во всех этих стихах отразились тоска по родине, надежда на возвращение, ненависть к большевикам:

«О нашей родимой земле
Миром Господу помолимся.
О наших полях пустых и холодных
О наших безлюбых сердцах,
О тех, что молиться не могут,
О тех, что дают малых ребят,
О тех, что поют невеселые песенки,
О тех, что ходят с ножами и кольями,
О тех, что брешут языками песьими,
Миром Господу помолимся» [Эренбург 1921: 26].

Особенно жесткая критика большевиков содержалась в стихах С. Сарматова, который пародируя А. Блока, написал стихотворение «Тринадцать», где большевики-коммунисты представлены палачами и убийцами:

«Так идут неверным шагом
По буграм и по оврагам
Средь безмолвия ночей –
Те двенадцать палачей,
И незримо их ведет.
Иуда из Кариотт» [Сарматов 1921: 22].

Литературно-критическая рубрика альманаха «Зарницы» вызывает интерес многообразием своего содержания. Здесь рассматривались в критическом ракурсе произведения авторов, которые остались на стороне большевиков (например, Демьян Бедного). Критик, пишущий под псевдонимом «Люций», называет Д. Бедного «баснописцем совнаркома»: «Демьян Бедный, балагур и присяжный баснописец совнаркома, “наш собственный”, можно сказать, Балакирев, затосковал. О чем тоскует этот бард чрезвычайки и комбеда? Тоскует о московской темноте. <...> Почему же собственно тоскует товарищ Бедный? (Вот уж псевдоним не по карману!)» [Люций 1921: 14].

В журнале сравнивались проблематика и поэтические особенности «красных» (А. Блок, Н. Клюев, С. Есенин, А. Белый) и «белых» поэтов (К. Бальмонт, И. Северянин, М. Волошин, И. Эренбург). Так, в статье критика, подписывающегося псевдонимом «В.Л.», говорится, что у «красных поэтов, работающих под высоким покровительством республики советов» и «состоящих на советской службе нет общего языка с теми, кому дорога Россия как географическое единство, как великая держава» [В.Л. 1921: 31].

Альманах «Зарницы» представлял книги известных русских авторов, вышедших как в самой Советской России, так и за рубежом. Примером этого могут служить презентации «Крика» И. Бунина (Берлин, 1921), «Судеб народов России» В. Станкевича (Берлин, 1921), «Бесед о национализме» В. Левитского (Царьград, 1921), «Хождения по мукам» А. Толстого (Современные записки, книга I–VII), «Дыма без отечества» Дона-Аминадо (Па-

риж, 1921) и др. «Крик» И. Бунина представлялся в статье «Живая сила» В. Левитского: «Есть книги особенно дорогие русскому беженцу на чужбине. В часы размышлений о судьбах родной страны они помогают ему преодолеть мертвые формулы и живые трафареты ленивой мысли и искать самое дорогое, самое важное: правду, живую правду жизни. Одним из таких необходимых пособий при переоценке наших взглядов на русскую деревню, является только что вышедшая книга И.А. Бунина. Это сборник его рассказов из крестьянской жизни, по преимуществу. “Крик” – называется первый рассказ, давший название и всей книге. <...> Эти деревенские рассказы послужат примером для творцов новых художественных произведений, посвященных подлинной, черноземной России, не выдуманной на партийных съездах или в сектантском подполье, а подлинной, живой» [Левитский 1921: 29–30].

Роман А. Толстого «Хождение по мукам» рассматривался с критической точки зрения в статье «Роман графа А.Н. Толстого» неизвестного автора Н-ь: «Удалось ли гр. А.Н. Толстому стать в уровень со своим великим однофамильцем и создать новую “Войну и мир”? Об этом, конечно, будут много говорить и спорить, так как «Хождение по мукам» в любом случае представляет собой литературное событие: ведь это все-таки первая попытка художественно осознать переживаемый нами великий кризис, ибо до сих пор все, что мы имели современного этому кризису, было просто более или менее удачно загримированной под художественную литературу публицистикой» [Н-ь 1921: 309].

На страницах «Зарниц» была помещена информация о смерти А. Блока и о 50-летию со дня рождения М. Горького. Несмотря на то, что отношение к А. Блоку было неоднозначным у авторов альманаха, тем не менее все они признавали его вклад в русскую культуру. Критик К. Мочульский в статье «Ушедшие» писал о значении творчества А. Блока для русской литературы: «Словесное искусство Блока достигает вершины в его “Стихах о России”. Это самое совершенное, что создала русская литература после Пушкина. Лирическая волна мучительной любви и тоски заливают простор русских степей, проникая к истокам русского духа, к таинственным судьбам родины. Страстной верой звучит

голос поэта: описания природы превращаются в состояния души, и само понятие родины становится живым объектом напряженного чувства» [Мочульский 1921: 28].

Под рубрикой «Библиография» публиковались рецензии на новые книги и издания, выходявшие в разных странах мира, включая Советскую Россию. Эти рецензии касались не только художественной литературы, но и книг политико-публицистического содержания. Например, во втором номере «Зарниц» критиком под псевдонимом «Л.» была написана рецензия «Две книги о русской революции», в которой представлены книги К. Оберучева «В дни революции» (Нью-Йорк, 1919) и И. Штейнберга «От февраля по октябрь 1917 года» (Берлин).

Немалое место в альманахе «Зарницы» уделялось обзорам русскоязычных журналов и газет, издаваемых за рубежом. О политической (антибольшевистской) направленности таких изданий говорили уже сами их названия – «Грядущая Россия», «Современные записки» (правые эссееры), «Отечество» (редактор А. Куприн, София), «Русская мысль» (редактор П. Струве, София), «Русское эхо» (редактор И. Шендриков, Шанхай), «Сын отечества» (Нью-Йорк), «Общее дело» (редактор В. Бурцев, Константинополь), «Великая Россия» и др. Однако места издания и их редакторы указывались не всегда. Это объясняется тем, что упомянутые издания были хорошо известны и популярны среди русских эмигрантов.

В результате проведенного обзорного исследования номеров литературного альманаха «Зарницы» за 1921 г. можно сделать вывод о том, что на его страницах доминировали такие жанры художественной и публицистической прозы, как миниатюрные (часто сатирические) рассказы, фельетоны, юмористические зарисовки, стихи и критико-публицистические литературные статьи. Все эти произведения отражали умонастроения и мироощущения русских, покинувших Россию после революции 1917 г. – людей, страдавших на чужбине, ненавидящих большевиков и сочувствующих им, мечтающих о крахе Советской России и о возвращении на родину. Поэтому содержание публикаций в альманахе определялось настроениями ностальгии по прошлому и потерянной родине, страхом перед утратой собственной нацио-

нальной идентичности и резкой критикой большевицкой России. Среди преобладавших художественных приемов и средств произведений, печатавшихся в альманахе, особо можно выделить сатирический гротеск, гиперболу, сравнение и метафору.

Подчеркивая значимость вклада альманаха «Зарницы» в русскую и мировую культуру XX в., следует отметить, что деятельность русской эмиграции того периода в Стамбуле до сих пор остается мало изученной. Между тем сами произведения, опубликованные на страницах журнала, обладают как художественной, так и документальной ценностью, подлежащей дальнейшему пристальному изучению.

Литература

- Аверченко 1921 – *Аверченко А.* Перья из хвоста // Зарницы. 1921. – № 24. – С. 19–20.
- В.Л. 1921 – *В.Л.* Гражданские мотивы у белых и красных поэтов // Зарницы. 1921. – № 9. – С. 30–31.
- Левитский 1921 – *Левитский В.* Живая сила // Зарницы. 1921. – № 24. – С. 29–31.
- Люций 1921 – *Люций.* Тоска Демьяна Бедного // Зарницы. 1921. – № 2. С. 14.
- Мочульский 1921 – *Мочульский К.* Ушедшие // Зарницы. 1921. – № 20. – С. 27–29.
- Н-ъ 1921 – *Н-ъ.* Роман графа А.Н. Толстого // Зарницы. 1921. – № 26. – С. 29–31.
- Сарматов 1921 – *Сарматов С.* Тринадцать // Зарницы. 1921. – № 17. – С. 20–23.
- Эренбург 1921 – *Эренбург И.* Молитва о России // Зарницы. 1921. – № 18. – С. 26.

Аннотация

В статье дается обзор номеров литературного альманаха «Зарницы» за 1921 г. Делается вывод о том, что в альманахе доминируют такие жанры художественной и публицистической прозы, как миниатюрные (часто сатирические) рассказы, фельетоны, юмористические зарисовки, стихи и критико-публицистические литературные статьи. Все эти произведения отражают умонастроения русских, покинувших Россию после революции 1917 г. – людей, страдавших на чужбине, ненавидящих большевиков и сочувствующих им, мечтающих о крахе Советской России и о возвращении на родину. Поэтому содержание публикаций в альманахе определяется настроениями

ностальгии по прошлому и потерянной родине, страхом перед утратой собственной национальной идентичности и резкой критикой большевицкой России. Среди преобладавших художественных приемов и средств произведений, печатавшихся в альманахе, особо можно выделить сатирический гротеск, гиперболу, сравнение и метафору.

Ключевые слова

«Белые русские» в Константинополе, общественно-политический альманах «Зарницы», А. Аверченко, И. Сургучев

Сведения об авторе

Севинч Учгюль – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и литературы Эрджиекского университета (Кайсери, Турция); e-mail: sevinc@erciyes.edu.tr

Sevinç Üçgöl

Literary image of the social-political weekly journal of the Russian immigrants in Istanbul «Zarnitsy»

Summary

The author views issues of the literary anthology «Zarnitsy» for 1921 and comes to the conclusion that in the anthology such genres of literature and journalistic prose as miniature stories (often of satirical type), feuilletons, humorous sketches, poems and critical literary articles dominate. All these works illustrate state of mind and way of thinking of the Russians who left Russia after the 1917 revolution, they were people suffering outside Russia, hating Bolsheviks and those who supported them, dreaming of wreck of the Soviet Russia and of returning to their motherland. Therefore publications in the anthology are full of nostalgia for the past and for the lost motherland, of the fear to lose national identity and critics of Russia ruled by Bolsheviks. In these publications such methods as satirical grotesque, hyperbole, comparison and metaphor dominate.

Key words

«White Russians» in Constantinople, social-political anthology «Zarnitsy», A. Averchenko, I. Surguchev

Information about the author

Sevinç Üçgöl – Phd in Philology, Professor, Head of the Department of Russian language and literature at Erciyes University (Kayseri, Turkey); e-mail: sevinc@erciyes.edu.tr

В.М. Яковлев

**ТУРЕЦКАЯ НАРОДНАЯ ПЕСНЯ-ТЮРКЮ
«КЫЗЫЛЫРМАК»:
ПЛАЧ ПО УНЕСЕННОЙ РЕКОЙ НЕВЕСТЕ**

Турецкая народная песня-тюркю, представляющая собой плач по унесенной рекой невесте, является одной из самых популярных песен-плачей (*ağıt*) турецкого фольклора.

Тема гибели возлюбленной встречается и в русских народных песнях, относящихся в частности к ямщицкому циклу. Наиболее ярко она представлена в песне-балладе «Когда я на почте служил ямщиком...» на слова Леонида Трефолева и Владислава Сырокомли (польский текст).

Текст турецкой песни «Кызылырмак», содержащийся в хрестоматии по турецкому фольклору И.В. Боролиной [Боролина 1984: 164], отличается от разбираемого ниже прежде всего зачином (поскольку в нескольких разных версиях плача блоки текста переставлены); есть различия и в рефрене.

Приведенный в хрестоматии И.В. Боролиной текст начинается с куплета:

*Altı kardeş idik bindirdik ata
Hürü'yü yolladık üç köyden öte
Kızılırmağa varınca oldu bir hata*

Шестеро братьев оседлали лошадей,
Прочь отправились от трех деревень;
На реке Кызылырмак стерегла беда.

В сборнике плачей или причитаний (*ağıtlar*) «KIZILIRMAK TÜRKÜSÜ», помещенном в интернете [<http://www.gozlemci.net/>]

5794-agitlar.html], этот же текст называется «Gelin giderken Kızılırmak köprüsünün yıkılması» («Исчезновение невесты при обрушении моста через Кызылырмак»).

*Suda Boğulan Gelin
Köprüye varınca köprü yıkıldı
Üç yüz atlı birden suya döküldü
Nice yiğitlerin beli büküldü*

*Nettin Kızılırmak allı gelini
Gelini gelini benim yarimi*

*Tüfek getirin de şu kartalı vuralım
Dalgıç getirin de allı gelini bulalım
Biz gelinsiz nasıl köye varalım*

*Nettin Kızılırmak allı gelini
Gelini gelini benim yarimi*

*Elinin kınası soldu mu ola
Gözünün sürmesi soldu mu ola
Evde kaynatası duydu mu ola*

*Nettin Kızılırmak allı gelini
Gelini gelini benim yarimi*

*Kızılırmak parça parça olaydın
Her bir parçan bir yerlerde kalaydın
Sen de benim gibi yarsız kalaydın*

*Nettin Kızılırmak allı gelini
Gelini gelini benim yarimi*

*Altı kardeş idik bindirdik ata
Hürü'yü yolladık üç köyden öte
Kızılıрмаğa varınca oldu bir hata*

*Nettin Kızılırmak allı gelini
Gelini gelini benim yarimi*

*Evde kaynanası evi bezedir
Yolda kaynatası yolu gözedir
Gelinsiz haneyi kim bezedir*

*Nettin Kızılırmak allı gelini
Gelini gelini benim yarimi*

*Atlılar da Kapaltı'nı dolaşır
Yengeler de kuzu gibi meleşir
Kara haber güveyiye ulaşır*

Песни-плачи о реке Кызылырмак, которые исполняются в провинции Сивас, начинаются с другого куплета:

*Köprüye varınca köprü yıkıldı
Üç yüz atlı birden suya döküldü
Nice yiğitlerin beli büküldü*

Когда все пошли через мост, провалился мост.
Разом триста конных рухнули в реку.
Сколько тут согнуло горе молодцов.

И рефрен:

*Nettin Kızılırmak allı gelini
Gelini gelini benim yarimi*

Кызылырмак, невесту взял, ты что же натворил!
Невесту взял, невесту взял, ты половину взял мою.

Происхождение песнопения объясняется следующим образом.

В одной из деревень Центральной Анатолии сопровождавшая невесту из другой деревни процессия при переходе через Кызылырмак упала в воду: под процессией обрушился мост. И в этот момент потерялась невеста. Это весьма печальное событие вызвало столь глубокие переживания в народе, что молва о нем прошла и тут, и там по всей округе. Тогда и плач сложился вместе с этой болью. Слова и мелодия поистине прекрасны.

Вот рассказ из устного источника: «В то время мне было семь лет. Мы еще не перебрались в город. Проживали в деревне. В нашей деревне был пожилой пастух. Хороший был человек. У пастуха был сын, статный и крепкий. Звали его Ибрагим. Его, как и его отца, любили в деревне. Каждый день Ибрагим вместе с отцом выгонял отары на пастбище. По вечерам, возвращаясь в деревню, они встречались с дочерью бея соседней деревни, Исмаила Аги. Девушка с подругами возвращалась обычно в это время со сбора Собачьего шиповника. Ибрагим, видя, что девушка была умная, полюбил ее. Все в деревне чувствовали, что Ибрагим влюбился в дочь Исмаила Аги. Только отец красавицы не желал отдавать дочь за сына пастуха. Но все в деревне стояли горой за Ибрагима. Уговаривали отца девушки: «Разве быть пастухом – недостойное дело?! Ибрагим хороший парень, честный. Выдай за него дочь!» – говорили они.

Наконец Исмаил Ага уступил просьбам сельчан, дал свое согласие. Вся деревня радовалась этому. Был назначен день свадьбы. Каждый, кто сколько мог, принимал участие. Готовилось большое торжество. Сколько было котлов, в которых варились свадебные кушанья. И жителей окрестных деревень пригласили. Словом, в нашей деревне еще не видавали, чтобы проходила свадьба так. В день прибытия невесты была ясная, солнечная погода. Свадебная процессия отправилась в путь с большой пышностью. Гремели барабаны, звенели зурны. Радуюсь, все танцевали, затевали игры.

Когда пошли все через мост, провалился мост.

Разом триста конных рухнули в реку.

Сколько тут согнуло горе молодых.

Кызылырмак, невесту взял, ты что же натворил?!

Невесту взял, невесту взял, ты половину взял мою.

Принеси винтовку, убью того орла;

Приведи нырляльщиков, невесту пусть найдут.

Без невесты мы в село как теперь придем?

Кызылырмак, невесту взял, ты что же натворил?!

Невесту взял, невесту взял, ты половину взял мою.

Ослабели что ли пальцы на руках?
Иль сурьма поблекла на ее очах?
Может, свекор в доме не узнал ее?

Кызылырмак, невесту взял, ты что же натворил?!
Невесту взял, невесту взял, ты половину взял мою.

Кызылырмак, на ручейки чтоб раздробился ты!
И мелкий ручеек такой кто станет уважать?!
Пусть ты, как я, останешься без близких, одинок.

Кызылырмак, невесту взял, ты что же натворил?!
Невесту взял, невесту взял, ты половину взял мою.

В заботах брата с сестрами опоры где найдут?
От трех сёл на ту сторону отправились когда,
Переходить Кызылырмак оплошность ли была?

Кызылырмак, невесту взял, ты что же натворил?!
Невесту взял, невесту взял, ты половину взял мою.

Свекровь прибирает свой дом;
На дорогу свекор все глядит, все ждет.
Без невестки горницу некому убрать?

Кызылырмак, невесту взял, ты что же натворил?!
Невесту взял, невесту взял, ты половину взял мою.

Всадники вокруг села все кружат и кружат;
Как овечки, женщины блеют, голосят;
Весть такую мрачную жениху несут.

Версию плача с зачином *Kızılırmak parça parça olaydın* можно послушать в интернете¹:

Kızılırmak parça parça olaydın (olaydın olaydın)
Her parçası bir diyarda kalaydın (annem kalaydın)
Sen de benim gibi yarsız olaydın (olaydın olaydın)

¹ Песню исполняют Nakan Ünal и группа Nostalji (Измир). <http://www.youtube.com/watch?v=cErwvPUN2YQ>.

*Yedin Kızılırmak allı gelini (gelini)
Balıklar mı yedi datlı dilini (annem dilini)*

*Avcı gelsin şu gartalı vuralım (vuralım vuralım)
Dalğış gelsin şu gelini bulalım (annem bulalım)
Güveyiye kara haber salalım (salalım salalım)*

*Yedin Kızılırmak allı gelini (gelini)
Balıklar mı yedi datlı dilini (annem dilini)*

На ручейки Кызылырмак пусть разольешься ты,
И пусть течет каждый ручей в своем краю;
Пусть ты, как я, без близких будешь одинок!

Ты поглотил, Кызылырмак, невесту, взяв ее;
Не проглотили ли и рыбы свой язык?!
Право слово, право слово, проглотили свой язык.

Придет охотник пусть, убью того орла;
Придет ныряльщик пусть, найду невесту я.
Жениху печальную весть отправлю я.

Ты поглотил, Кызылырмак, невесту, взяв ее;
Не проглотили ли и рыбы свой язык?!
Право слово, право слово, проглотили свой язык.

Судя по тому, что в сюжете отсутствует развязка, можно прийти к выводу, что мы сталкиваемся здесь с фрагментом еще не сложившегося эпического повествования.

Литература

- Боролина 1984 – Боролина И.В. Хрестоматия по турецкому фольклору (на турецком языке). Вып. 1. МГУ, 1984; Вып. 2. 1987. 2-е издание, исправленное и дополненное. – МГУ ИСАА, 2007.
- Suda Boğulan Gelin. Kızılırmak Türküleri. <http://samsun03.blogcu.com/kizilirmak-turkuleri/952161> (дата обращения 22.09.2016).
- Suda Boğulan Gelin. Mustafa Özaşık. <https://www.turkudostlari.net/soz.asp?turku=11704> (дата обращения 22.09.2016).

Аннотация

В статье рассматриваются различные варианты турецкой народной песни-тюркю «Утонувшая в реке невеста», отмечается ее эпический характер, как с точки зрения поэтических средств описания события, которое еще свежо в народной памяти, так и по глубине переживания и сопереживания.

Ключевые слова

Турецкий фольклор, тюркю, плачи, эпос, Кызылырмак тюркю

Сведения об авторе

Яковлев Виктор Михайлович – член Ассоциации востоковедов РАН, Москва;
e-mail: vm.yakovlev1@gmail.com

Victor Yakovlev

Turkish folklore song Kızılıрмаk: lamentation for the bride drowned in the river

Summary

The article is devoted to different variants of the Turkish people song titled «A bride drowned in the river» («Suda Boğulan Gelin»), the author states its epical character from the point of view of its means of expression while describing the event still alive in people's memory and depth of the people's feelings about it.

Key words

Turkish folklore, türkü, lamentations, epics, Kızılıрмаk türkü

Information about the author

Victor Yakovlev – Member of the Oriental Society of the Russian Academy of Sciences, Moscow; e-mail: vm.yakovlev1@gmail.com.

Содержание

Предисловие	5
<i>Оганова Е.А.</i> Дмитрий Михайлович Насилов (1935–2017)	8
Список основных научных трудов Д.М. Насилова	13

Лингвистика

Букулова М.Г., Гениш Э.

О некоторых трудностях перевода турецкого художественного текста на русский язык	37
--	----

Гаджиева А.А.

К вопросу о падежах в казахском языке	43
---	----

Дубровина М.Э.

Анализ значения понудительного залога в тюркских языках (на материале турецкого и якутского языков)	52
---	----

Кадырова О.М.

Об изучении тюркских языков методом исследования параллельных текстов	62
---	----

Лосева-Бахтиярова Т.В.

Специальные глаголы боли в туркменском языке	73
--	----

Напольнова Е.М.

Отглагольное имя на <i>-(y)iş</i> и развитие семантики турецких глаголов	79
--	----

Норманская Ю.В., Нуриева Ф.Ш.

Диалектные особенности первых кириллических книг на татарском языке	95
---	----

Нуриева Ф.Ш., Петрова М.М., Сунгатуллина М.М.

Местоимения в грамматике Иеронима Мегизера
«*Institutionum linguae turcicae libri quatuor*» (1612) 112

Оганова Е.А., Воробьёва С.Н.

Об особенностях оформления родительного/основного падежа
субъекта действия в составе грамматических конструкций
с формами на *-dıği* и *-(y)acağı* 120

Литературоведение и культурология

Аврутина А.С., Аверьянов Ю.А.

Мифологические и суфийские элементы в классическом романе
Ахмеда Хамди Танпынара «Спокойствие» 129

Горбаткина Г.А.

О нескольких вариантах одной народной песни 144

Каменова О.Н.

Тематическая составляющая турецкой прессы 30-х гг. XX в. 159

Караджа Бирсен

Gürsel Korat'ın «*Yine Doğdu Tanyıldızı*» adlı romanında aşk 170

Карева О.В.

«Непридуманные» рассказы Севиль Атасой 179

Кызласов И.Л.

Имя кыргызов – символ аристократии
(к историческим особенностям тюркских этнонимов) 190

Ларионова Е.И.

Лингвистическая и этнокультурная специфика инициальных
формул турецкой волшебной сказки 203

Образцов А.В., Сулейманова А.С.

Скрытые эпитафии в романе Ведата Тюркали 211

Пылев А.И.

Узбекский писатель и учёный Абдурауф Фитрат (1885–1938)
как исследователь тюркского суфизма и суфийской поэзии 220

Репенкова М.М.

- Социальная проблематика в турецкой беллетристике
(на примере романа Джанан Тан «Наручники» 2016) 229

Рог А.В.

- К вопросу формирования национального канона
в турецкой литературе: культурная память, мультикультурализм,
возвращение (к) традиции 243

Семина А.И.

- Кыт'а* на стамбульских китабе 258

Софронова Л.В.

- О цветовой доминанте в трилогии Инджи Арал
«Новые лживые времена» 267

Севинч Учгюль

- Литературный лик общественно-политического еженедельника
русской эмиграции в Стамбуле «Зарницы» 280

Яковлев В.М.

- Турецкая народная песня-тюркю «Кызылырмак»:
плач по унесенной рекой невесте 288

Contents

Editors' preface	5
<i>Oganova E.</i> Dmitriy Mihaylovich Nasilov	8
List of D.M. Nasilov's publications	13

Linguistics

Bukulova M., Geniş E.

Some difficulties of translation Turkish Fiction into Russian	37
---	----

Gadgieva A.

Problem of category of case in the Kazakh language	43
--	----

Dubrovina M.

Analysis of meaning of causative in Turkic languages (on the materials of the Turkish and Yakut languages)	52
---	----

Kadyrova O.

Study of Turkic languages by analyzing parallel texts	62
---	----

Loseva-Bahtiyarova T.

Special verbs of pain in the Turkmen language	73
---	----

Napolnova E.

Verbal noun ending in <i>-(y)ış</i> and development of semantics of Turkish verbs	79
--	----

Normanskaya Y., Nuriyeva F.

Dialectic features of the first Cyrillic books in the Tatar language	95
---	----

Nurieva F., Petrova M., Sungatullina M.

Pronouns in the Grammar book by H. Megisero
«Institutionum linguae turcicae libri quatuor» (1612) 112

Oganova E., Vorobyeva S.

Upon genitive/common case of agent in the constructions
with the forms *-dıđı* and *-acađı* 120

Literary and cultural studies

Avrutina A., Averyanov Y.

Mythological and suffic elements in the classical novel
of Ahmed Hamdi Tanpınar «A Mind at Peace» 129

Gorbatkina G.

About few variants of one folk song 144

Kameneva O.

Main subjects of Turkish press in the 1930's 159

Karaca B.

Love theme in the novel of Gürsel Korat
«The morning star is born again» 170

Kareva O.

Sevil Atasoy's true-life stories 179

Kyzlasov I.

Name of Kyrgyz as a symbol of aristocracy
(upon historical features of Turkic ethnonyms) 190

Larionova E.

Linguistic and ethnocultural characteristic of initial formulas
in Turkish fairy-tales 203

Obraztsov A., Suleymanova A.

Hidden epigraphs in a novel by Vedat Tyurkali 211

Pylev A.

Uzbek writer and scholar Abdurauf Fitrat (1885–1938)
as a researcher of Turkic sufism and sufi poetry 220

Repenkova M.

- Social problematics in Turkish fiction
(in the context of Canan Tan's novel «Shackles» 2016) 229

Rog A.

- Turkish literature canon in context: cultural memory,
multiculturalism, tradition 243

Semina A.

- Qita on the qitabes of Istanbul 258

Sofronova L.

- Colours' domination in İnci Aral's trilogy «New Lying Times» 267

Üçgül S.

- Literary image of the social-political weekly journal
of the Russian immigrants in Istanbul «Zarnitsy» 280

Yakovlev V.

- Turkish folklore song Kızılırmak: lamentation for the bride drowned
in the river 288

Институт стран Азии и Африки
МГУ имени М.В. Ломоносова
Кафедра тюркской филологии

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция научного издания «Вопросы тюркской филологии» просит авторов руководствоваться приведенными ниже правилами. Статьи, оформленные по иным техническим параметрам, к публикации не принимаются.

Общие положения

Научное издание «Вопросы тюркской филологии» выходит 1 раз в 2 года; в нем публикуются материалы сообщений, прочитанных на ежегодной Международной научной конференции «Дмитриевские чтения», которая организуется кафедрой тюркской филологии Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова. Заседания проходят в двух секциях: «Тюркское языкознание» и «Тюркское литературоведение и культурология». Тематика сообщений – свободная.

Основным требованием к публикуемым материалам является их соответствие научным критериям:

- ✦ актуальности
- ✦ проблемности
- ✦ научной новизны
- ✦ доказательности
- ✦ фактологической обоснованности.

Представление статей

Авторские оригиналы – текст статьи на русском языке, краткая аннотация к нему и ключевые слова (не более 10) на русском и английском языках, название статьи на английском языке – должны быть отправлены в электронном варианте по следующему адресу: ova8@yandex.ru (Оганова Елена Александровна).

Объем статьи – **не более 0,7 п.л.** (примерно 28 тысяч знаков), включая список литературы, аннотации и постраничные сноски.

Файл со статьей должен быть назван следующим образом: «Иванов И.И. Статья для ДЧ»

ВНИМАНИЕ: Авторы обязательно должны предоставить название статьи, аннотацию, ключевые слова и информацию об авторе на английском языке.

Текст должен отвечать следующим требованиям

Нумерация страниц сквозная. Номер страницы указывается внизу страницы по центру.

Параметры страницы – А4, поля для всех сторон – 2 см, ориентация – книжная.

Шрифт – **Times New Roman (14 пт)**, межстрочный интервал – полуторный, абзацный отступ – 0,75 см по всему тексту. Все заголовки (название статьи, список литературы, аннотации и пр.) вводятся полужирным шрифтом и располагаются по центру.

Тире среднее (не заменять дефисом!), с двух сторон отделяется пробелами: –

Между числами (для обозначения временного периода, страниц в издании и т.п.) ставится среднее тире без пробелов, например: 1941–1945 гг. Века обозначаются римскими цифрами, например: XIX–XXI вв. Кавычки внешние — «ёлочки», внутренние — “лапки”. Пропуски в цитатах обозначаются многоточием в угловых скобках: <...>.

Век сокращается до в., века – вв., год – до г., года – до гг.

Букву «ё» использовать только в смысловоразличительных случаях.

При применении другого оригинального шрифта для написания текста на национальном языке примеры необходимо давать курсивом, а фронт должен быть прислан по указанному выше электронному адресу.

Все примеры на национальных языках должны иметь переводы на русский язык. Значения слов, словосочетаний и переводы даются в марровских кавычках (‘марровские кавычки’).

Фамилия автора набирается перед заголовком (инициалы стоят впереди) с выравниванием по правому полю курсивом.

Заголовок набирается прописными буквами с выравниванием по центру.

Специальные символы набираются шрифтом **Symbol**. При употреблении сложных или авторских символов, статью необходимо прислать также и в формате **pdf**.

Ссылка приводится внутри текста в квадратных скобках; напр.: [Малов 1951: 430]; в случае необходимости *сноски* должны вводиться в виде верхнего индекса и иметь сквозную нумерацию по всему тексту.

Список литературы дается в конце статьи и оформляется по ГОСТу (Гост 7.1.-2003).

Порядок расположения материала:

ФИО автора на русском языке

Название на русском языке

Текст на русском языке

Литература

Аннотация на русском языке (вводится под заголовком «Аннотация»)

Ключевые слова на русском языке (вводятся под заголовком «Ключевые слова»). **Внимание:** после последнего ключевого слова точка не ставится.

Сведения об авторе (авторах) на русском языке (вводится под заголовком «Сведения об авторе»)

Имя и фамилия автора на английском языке (с выравниванием по правому краю курсивом, имя указывается перед фамилией)

Название на английском языке

Аннотация на английском языке (вводится под заголовком «Summary»)

Ключевые слова на английском языке (вводятся под заголовком «Key words»). **Внимание:** после последнего ключевого слова точка не ставится.

Сведения об авторе (авторах) на английском языке (вводится под заголовком «Information about the author»)

Список литературы

Вводится заголовком «Литература». Приводится без нумерации в алфавитном порядке сокращенного обозначения источников по названию или фамилии автора и году издания прямым шрифтом; далее через среднее тире курсивом фамилия и инициалы автора, затем прямым шрифтом полное название труда и выходные данные.

Для книг – фамилии и инициалы всех авторов, полное название книги, через среднее тире место издания, двоеточие, издательство, год издания, том или выпуск.

Для периодических изданий – фамилии и инициалы всех авторов, название статьи, через две косые линии – название журнала (или сборника), через среднее тире год издания, том, номер, первая и последняя страницы статьи.

Например:

Абдуллаев 1967 – *Абдуллаев Ф.А.* Фонетика хорезмских говоров. Опыт монографического описания огузского и кыпчакского наречий узбекского языка. – Ташкент, 1967.

Бирюкович 1975 – *Бирюкович Р.М.* О первичных долгих гласных в чulyмско-тюркском языке // Советская тюркология. – 1975. – № 6. – С. 55–67.

ЭСТЯ 1974 – *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные. – М., 1974.

При ссылке на электронный источник в скобках указывается дата обращения. Например:

Сосницкая 2008 – *Сосницкая М.* Счастливики долины роз и смерти. <http://www.hrono.ru/text/2008/sos1008.html> (дата обращения 22.06.2015).

Сведения об авторе (авторах)

Сведения приводятся без сокращений.

Например:

Дубровина Маргарита Эмильевна – кандидат филологических наук, доцент СПбГУ; e-mail: ...

Margarita Dubrovina – PhD., Associate Professor of Saint-Petersburg State University; e-mail: ...

БУДЕМ РАДЫ СОТРУДНИЧЕСТВУ С ВАМИ!

Вопросы тюркской филологии

Выпуск XII

(Материалы Дмитриевских чтений)

Оформление оригинал-макета: *Е.А. Оганова*

Техническое редактирование: *О.В. Волкова*

Утверждено к печати Ученым советом ИСАА
МГУ имени М.В. Ломоносова

ООО «Издательство МБА»

Москва, ул. Озёрная, д. 46, тел. (495) 726-31-69;
(495) 968-24-16; (495) 623-45-54; (495) 625-38-13.

e-mail: izmba@yandex.ru

Генеральный директор С.Г. Жвирбо

Подписано в печать с оригинал-макета 15.06.18.
Формат 60x90 1/16. Тираж 100 экз. Заказ № 542